

Фонд христианского просвещения и милосердия
имени свт. Луки (Войно-Ясенецкого)

Лекции по истории благотворительности

Москва – 2013

Фонд христианского просвещения и милосердия
имени свт. Луки (Войно-Ясенецкого)

Л.Н. Краснопевцев, А.Б. Костромин, Д.А. Садур

Лекции по истории благотворительности

Москва – 2013

Содержание

Краснопевцев Л.Н.

Лекция I Введение.....	4
Лекция II Язычество.....	17
Лекция III Иудаизм.....	26
Лекция IV Рим. Раннее христианство. Эпоха Константина. Ислам.....	31
Лекция V История благотворительности в России.....	56
Лекция VI Благотворительность в Москве XIX – начала XX в.	63
Лекция VII Благотворительность на Западе в XX в. Гмайнер. Каритас.....	95

Приложения

Костромин А.Б.

Нищелюбие Московской Руси.....	109
--------------------------------	-----

Д.А. Садур

Коран о благотворительности.....	127
----------------------------------	-----

ЛЕКЦИЯ I

Введение

«Музей акционерного дела и финансовой истории - это музей не муниципальный, это общественная организация, которая была создана 15 лет назад группой частных лиц. Мы собираем материалы по истории российского предпринимательства вообще, поэтому вы видели эту надпись: «Музей акционерного дела и финансовой истории». Это музей истории российского предпринимательства. Мы потом будем знакомиться с его материалами, потому что предпринимательство российское было базой благотворительности в последние 200 лет в нашей стране, и это будет одна из наших тем. Нас интересует тема благотворительности, потому что это часть истории нашего российского бизнеса.

У нас такая страна, где строить фабрики, заводы, развивать что-то было невозможно, не создавая элементарных условий для своих работников. Поэтому все наши Морозовы, Рябушинские и Прохоровы рядом с фабриками строили города, городки для своих рабочих, школы, больницы, театры, всякое прочее. Это была часть нашей коммерческой жизни, нашего предпринимательства. Поэтому мы собираем одновременно, материалы по благотворительности в нашей стране. Музей общественный, никакого бюджета у нас нет, аренду за нас, слава Богу, платят предприниматели, поэтому все, что вы здесь видите и увидите, – это дары потомков наших дореволюционных и современных предпринимателей. То, что у них осталось, они сюда приносят: портреты, фотографии, предметы, вещи, документы, и из всего этого мы и сделали такую экспозицию.

Это вот так кратко о музее. К нам ходит очень много школьников, студентов, лицеистов и тех, которые занимаются историей нашей экономики. Поэтому у нас, скорее, учебный центр; они проходят все эти материалы по книжкам, по лекциям, по текстам, а здесь они видят у нас деятелей, с каждым из которых

связаны очень серьезные и значительные дела в экономике, в социальном строительстве, в культуре и т. д.

Я – хранитель этого музея. Меня зовут Лев Николаевич Краснопевцев. Я, в первую очередь, занимаюсь собиранием материалов.

У нас будет с вами семь занятий. Первое будет вступительное. Вы будете участвовать в деятельности благотворительных организаций или индивидуально этим заниматься. Поэтому вас и интересует, что такое благотворительность, откуда она взялась, какова ее история, стадии, этапы, формы и т. д. Обо всем этом мы с вами будем говорить.

Многие люди сугубо советского склада считают, что вообще выдвижение проблемы благотворительности – это нелепость, потому что урегулированием всяких проблем (это старая точка зрения, которая внушалась долгие времена) имущественных, социальных, гуманитарных должно заниматься государство, и его, как писал Сталин в свое время, приводные ремни: партия, комсомол и прочие общественные организации. Все это должно быть организовано. Все больные люди, все нищие, все недостаточные люди – все они должны быть на учете, а никакой частной, личной, индивидуальной, добровольной благотворительности быть не может, ибо это явление противоестественное.

И многие сейчас так и говорят, что это лицемерие, что люди хотят выделиться как-то, создать для себя подиум, на котором они бы «выглядели». Это совершенно не так, потому что благотворительность выдвигается на очень серьезное место в жизни не только нашей страны, а и всего мира. Причем интересная закономерность: чем богаче страна, чем выше жизненный уровень, тем проблемы благотворительности становятся все более актуальными, причем интересно, что в таких странах, как Швеция, Норвегия, у которых огромные социальные системы, дети и старики получают все бесплатно, и ездят они к нам в качестве туристов и т.д., тем не менее, все говорят, что без частной, индивидуальной, взаимной помощи людей друг

другу, без благотворительности, не только индивидуальной, но и коллективной, обойтись невозможно. Существует масса таких случаев, когда никакая организация, никакая схема, как бы она ни была совершенна и подробна, не может дойти до каждого человека.

Одна из самых богатых стран мира, США, вы знаете, бьет все рекорды по благотворительности. Американцы говорят, что у них каждый год идет на благотворительность, порядка 120 миллиардов долларов. Все это добровольно, естественно, и когда мы удивляемся, американцы говорят – что вы, это так мало, у нас так много еще всяких дыр, всяких помоек и мусорных ям, где живут люди и дети, что этого совершенно недостаточно, и все это надо еще развивать.

Как-будто бы давно похоронили эту благотворительность экономические схемы, революции, социальные схемы и т. д., как-будто бы они обеспечивали будущее всех людей, урегулирование всех проблем, а она опять вылезает. И действительно, многое сделано, ведь в XX веке многие теории в какой-то степени реализованы, но тем не менее оказывается, что потребность в частной индивидуальной благотворительности становится все больше и больше. В чем дело? А дело в том, что чем дальше мы развиваемся, чем выше мы поднимаемся, тем наши требования к жизни и к самим себе становятся все выше.

Теперь это уже совершенно невыносимо. Жизнь становится общей, жизнь становится глобальной, нравится это кому-то или не нравится, человечество все больше осознает себя как единое целое, как единый какой-то организм. И развитие науки не дает нам возможности в благодушие погружаться, потому что все больше мы узнаем и о наших недрах, и о космосе, и всякие мысли о том, что будущее наше может не быть таким безоблачным, таким ласковым и сладким, и что каждая единица рода человеческого ценна, она может быть очень необходима в будущем. Как бы странно не выглядели какие-то негритянские племена, или жители Океании, они могут быть очень важной составляющей, частью человечества, абсолют-

но необходимой, и их тоже надо включать в свою душу, о них тоже надо думать, заботиться и т. д. Это первый момент: в ХХI век мы вступаем вот с такими проблемами.

Второе: растут наши требования к духовному комфорту. Вот у нас был такой предприниматель, которого практически никто не знает, но он был замечательный человек, Александр Вениаминович Бари. Вы все его знаете, пойдете в музей изобразительных искусств на Волхонке, там стеклянные потолки, это сделано было фирмой Бари. Будете уезжать с Киевского вокзала, там такой огромный дебаркадер, закрытый стеклянными перекрытиями, это тоже делала фирма этого человека. Он много всего делал, он работал главным инженером, главным специалистом техническим, у него был Шухов, знаменитый наш инженер, они сделали невероятно много, и в частности, у этого человека была очень интересная социальная система. Особо он рабочим не переплачивал, но, тем не менее, зарабатывали они у него значительно больше, народ, правда, был у него очень квалифицированный, и, кроме того, он устроил для них много таких вещей еще в 19 веке. Например, они имели у него бесплатный обед, их очень хорошо кормили, в щах было полфунта мяса, каша с салом, хлеб и все прочее сколько угодно. На него писали доносы, что он развращает рабочих, что он их этими делами как бы подстрекает к недовольству и т. д., нападки были очень большие, и он однажды, обозлившись, писал кому-то в письме, что, «я, знаете ли, эгоист, я не могу спокойно сам есть, если знаю, что рабочие голодны, или едят какую-нибудь гадость, так что все это от моего эгоизма». Вот эти требования к собственному духовному комфорту, они, конечно, очень серьезны. Мало того, что у человека крыша над головой, и тепло у него, и светло у него. Информированность сейчас колоссальная, он знает, что дети где-то там, в подвалах, на трубах и т. д., и ему от этого беспокожно, то есть уровень нашего массового сознания, повышается вместе с повышением культуры, повышением грамотности, и т. д. Вот такая вот вещь – «все это от моего эгоизма».

Вот видите, растут богатства в мире, колоссально растут богатства, это мы видим даже и по своей стране. Мировых войн нет, научно-технические революции идут одна за другой, старушки в метро и в автобусах уже толкуют друг с другом только по мобильнику, обсуждают всякие вещи, я уже и не знаю, как сейчас Аркадий Райкин их изображал бы. Государство все-таки совершенствуется, во всех странах, в развивающихся, и в черных, и в желтых, и наша страна старается все упорядочить, все государства совершенствуются; говорят, зачем благотворительность в этих условиях, когда все идет своим ходом. Тем не менее, чем больше все это делается, тем больше она необходима.

Лет 6-7 назад ходили к нам всякие люди и говорили, что у вас много всяких благотворительных обществ, ничего этого не нужно, нужно министерство благотворительности. Всех собрать в кучу, налог на благотворительность новый ввести по всей стране, в первую очередь, с богатых, и все, и нечего тут вам заниматься всякой ерундой. У них еще эти идеалы военного времени, когда там все работали по 12 часов, потом шли сдавать кровь, девушки шли в госпиталь, парни тоже как-то работали, вот так сделать – и все. Дисциплина и прочее. Очень много всяких примеров. Причем это не только у нас ведь.

Вот в Германии недавно обрушилась демократическая общественность на одну женщину. Она, по-моему, депутат Рейхстага. Она заявила, что Гитлер гораздо лучше заботился о семьях, чем нынешнее демократическое немецкое государство. Он действительно заботился о семьях, серьезные мероприятия проводил всякого рода, заботился о деторождении, у них там, знаете, были программы – они направляли отборные эсэсовские части, расквартировывали их в тех районах Германии, где было много женщин и мало мужчин, и там сразу повышалась рождаемость, причем рождались элитные арийцы. И все это было хорошо. И вот эта дама со всем этим выступила. Ее осудили, в том числе канцлер, которая сама как женщина разбирается в этих проблемах. Но все это дискутируется снова, все

эти теории и схемы снова возрождаются. Ну, естественно, что государство должно все больше и больше совершенствоваться и свое внимание, и насколько можно и заботу, простирать все глубже и глубже на всех людей. Но это, в общем, все-таки силовой фактор, это через принуждение, это через законы.

В некоторых странах делают и так, например, в Канаде. У них каждый студент и гимназист старших классов должен на благотворительные дела проработать 30 или 40 часов в год. Это принудительно, это какой-то у них курс. Все это где-то учитывается и если они этого не сдадут и не сделают, то им поставят неудовлетворительную оценку. Существуют там и какие-то принудительные сборы на благотворительные нужды. Так что это тоже совсем отбрасывать и отметить не нужно. Государство тоже может быть участником вот такой благотворительной деятельности. Но все-таки, в основном, это дело самих людей. И тут еще один момент, зачем это нужно. Есть такая история, когда некий религиозный деятель очень много говорил своим слушателям о совершенстве Бога, о его могуществе, его всеисии и т. д. Говорил, говорил, и в конце его проповеди какой-то ядовитый слушатель спросил его: «Слушайте, раз Он такой Всемогущий, Всезнающий, Всеведающий, почему же в мире столько бедных, столько нищих, столько больных, почему же Он все это не устранил? Вы говорите о том, что Он и более серьезные вещи делал, создавал». Лектор засмеялся и говорит: «А ведь это Он оставил вам, чтобы вы этим занимались». В благотворительности два участника. Они равноправны, благотворитель и благотворимый. И благотворитель получает от этого контакта не меньше, чем тот, кому он оказывает помощь. И вот этот контакт между ними, это и есть та тайна, которую предстоит постичь каждому, кто входит в этот мир и занимается этим делом.

В чем еще важность – конечно, государство все это может и должно делать, но это должен делать сам человек, потому что мы с вами говорим, если бы вся проблема заключалась только в нищих, больных и всяких других, это была бы полбеда. Вся

проблема заключается в нас, что мы сами по себе, каждый у нас загордился в своей скорлупе и не желает пальцем пошевелить для того, чтобы из этой скорлупы вылезти. Конечно, наша жизнь в последние десятилетия, приучила нас сидеть в своем окопе и от всех обороняться, но, тем не менее, вылезать все равно приходится, вылезать все равно придется. И проблема благотворительности заключается у нас в том, что, конечно, все хотят благотворительности, но часто понимают так, что благотворительность – это раздача олигархами наворованных денег. А вот что благотворителем должен быть каждый человек, что эта благотворительность может выражаться не в деньгах, и даже часто не в деньгах, что она должна выражаться в отношении к людям. Нам необходимо во многом менять сам стиль наших отношений, наш бытовой стиль, нашу резкость, нашу грубость, нашу совершенную бесчувственность по отношению к людям, которым иногда даже нужно одно доброе слово, внимание, нужно этого человека выслушать, нужно ему что-то посоветовать, нужно ему помочь найти врача, нужно ему помочь найти какого-то адвоката, если его кто-то обманывает, нужно ему просто поднять настроение, когда, может быть, он скис, потому что у него полная безнадега. Вот эта такая каждодневная помощь наша друг другу абсолютно необходима у нас. И может быть до революции, даже эта патриархальная крестьянская жизнь, имела больше элементов такого вот сочувствия, а сейчас мы очень хотим служить отечеству, а бабка в соседней квартире – пусть она там погибает, как ей угодно, а я служу, у меня все тут увешано, и я герой, вся история. Вот это традиция человечности. Уже мы с вами видим, что и те, которых когда-то называли дикарями, одеты уже в одежды из ткани, у них не рубище, не шкуры диких зверей. Но вот уровень человечности в современном мире, он конечно, совершенно недостаточен. И то, чем вы собираетесь заниматься, - это одно из важнейших направлений, все ведь ищут, какую партию найти правильную, какую схему найти, но мы уже столько схем и партий перепробовали и все время на что-

то натываемся. Потому что необходимо заниматься самими собой, и в век мобильных телефонов и всякого невероятного оружия, уровень человечности должен повышаться и здесь благотворительность, конечно, может сыграть очень большую роль.

Что еще интересного. Конечно, материальная помощь абсолютно необходима, но и она штука не простая. Вот сейчас многие наши детские дома в Москве уже не берут в качестве помощи то, что мы называем «сэконд хэнд». В провинции, говорят, загибают все, потому что там дети одеты Бог знает как. А наши не берут, причем отказываются в довольно вызывающем, оскорбительном виде: «Вы-то сами как одеты? А нам все спихивают!» Надо понимать, с чем идти к людям. Благотворительность наши дореволюционные деятели понимали как помощь человеку, упавшему, чтобы он мог подняться, потому что считали так, да это и в действительности так есть, что безвыходных положений, абсолютно безвыходных положений, их или совсем не бывает, или бывает очень мало.

Тут у нас в коридоре нашего музея выставлен такой материал о деятельности благотворительной организации, которая собирает деньги, и они печатают книжки для маленьких слепых детей. Они очень настойчивы и энергичны, они лет 12 уже занимаются этим делом, целые комплекты таких книжек они отправляют в детские дома, где находятся дети с ограниченным зрением или совсем без зрения. И вот к нам однажды они привели воспитателей и детей из Сергиева Посада, где находится детский дом для слепоглухих детей. Вот они у нас тут носились, бегали, мальчишки, их трое, наверное, было, толкались, так, все нормально. И были привезены к нам (мы сейчас выбираем им место) изделия их. Они, оказывается, работают на ткацких станках, их учат, они вышивают разные узоры. Как это делают, я не знаю, но такое самое простенькое упражнение этого рода вот у нас тут было, я вам могу показать. И воспитатели, которые были с этими детьми, сказали, что это ерунда, это мы вам быстренько сделали, чтобы вы представляли, чем

мы занимаемся. Они делают гобелены. Слепоглухие дети делают гобелены, причем, гобелены очень приличного уровня. Ну, вы знаете, сейчас очень многие люди ищут такие красивые произведения искусства. Их продают. Этому приюту одно государство не может обеспечить таких возможностей. Мне рассказывали, что одна из деятелей этого приюта стоит у станции метро «Щелковская» и собирает деньги на этот приют. Но тут интересно то, чего можно добиться. Уже, кажется, у этих детей нет будущего абсолютно, причем ничего тут невозможно сделать, и зрения им не вернуть, и тем не менее вот их учат, и у них будет жизнь, с их ограниченными возможностями, но тем не менее жизнь. Поэтому помочь человеку, в каком бы кошмарном положении он ни оказался, в общем-то, практически всегда можно. Конечно, государство им дает пенсию, когда они выйдут из этого детского дома, но вы же понимаете, что такое пенсия. Но поскольку они умеют делать гобелены, то у них, во-первых, будет занятие, во-вторых, у них будет какой-то производственный коллектив, потому что надо будет покупать, продавать и т. д., и у них будут деньги.

Троице-Сергиевский интернат – это не только гобелены, из воспитанников вышли кандидаты наук, например, Суворов Александр Васильевич, доктор психологических наук, я его знаю. По крайней мере, в то время, когда образование было у нас доступно, те, кто хотел – могли. Ольга Ивановна Скороходова, кандидат психологических наук, автор книги «Как я воспринимаю этот мир», автор потрясающих стихов.

Так что, вот видите, казалось бы, совершенно безнадежное положение, ничего нет, просто как-то протянуть свою жизнь и все. Нет, оказывается все можно делать. Ресурсы человека очень велики, но человеку надо помогать, и тогда он проявит себя. Эти люди сами в мир выйти не могут. Если ими не заниматься, то это просто живой комок мяса, которые даже самые элементарные гигиенические навыки освоить не в состоянии. А могут стать докторами.

Поэтому наши знаменитые дореволюционные благотвори-

тели, какие как Павел Третьяков и так далее, говорили: «Надо помочь человеку подняться». Не раздачи, а мобилизация внутренних духовных и физических сил человека. Парень попал в тюрьму. Значит, надо из тюрьмы его взять, сделать специальный приют, где бы он в нормальных условиях отбывал свой срок, и дать ему квалификацию. Причем у них была такая установка – дети, начало жизни которых оказался отягченным или болезнью, или нищетой родителей, или отсутствием родителей, или вообще влиянием криминального мира – эти дети должны выходить в жизнь на хорошие деньги. Они были капиталисты, эти наши дореволюционные Третьяковы, и они понимали дело очень практически. Они говорили, если дать возможность человеку заработать, он воровать не станет. Конечно не все, какой-то отсеб все равно будет, кому-то давай, не давай, он все равно пойдет воровать и грабить, но, во всяком случае, 90-95 процентов будут работать нормально.

Вот такая история. Помочь мобилизовать внутренние силы, поддержать человека, поднять его. Поднять его духовно и поднять материально, куда-то его устроить, в какой-то коллектив, в какую-то группу, где люди живут и работают нормально и зарабатывают. Вот это самое главное.

Вы вступаете в этот мир благотворительности, и я вам должен сказать, что мир этот очень суров, как и сама жизнь. До революции у нас благотворительных организаций в Москве было около тысячи. В России их было значительно больше. Они имели свои журналы, свои газеты, были свои теоретики, которые писали статьи. Это был целый мир. Сейчас вы только вот начинаете возрождать этот мир. Это был целый мир, и какие же страсти кипели в этом мире. Например, дебатировали вопрос: полезна или вредна благотворительность. Чем она полезна – это понятно, она помогает людям. А чем она вредна – она их развращает. Мы будем с вами потом заниматься историей, поподробнее рассмотрим этот вопрос. Бывали такие страшные вещи, когда это нищенство развивалось до ужасающих размеров. Человек привыкает жить на дармовщи-

ну. И он становится агрессивен. Он считает, что ты мне дал что-то, ты сам-то как живешь, а ты мне кинул там какой-то кусок, хочешь быть святым, хочешь быть хорошим... Сейчас я у тебя это возьму, а потом я скажу тебе, кто ты есть. Так что это деликатная и трудная вещь. Взаимоотношения между благотворителями и благотворимыми – это тонкая такая ниточка, по которой как-то надо очень умело пройти. Есть люди, которые это умеют делать. Есть у нас две девушки, которые собирают шпану на Курском вокзале, их там довольно много, они там ночуют, и они с ними возятся, причем они собирались привести эту группу к нам сюда в музей. Они стараются вытащить эту группу в нормальную жизнь, чтобы они посидели, посмотрели, попили чай и т. д. Потом звонят нам в назначенное время и говорят: нет, была облава, всех их разогнали, кого-то похватали, коллектив разрушен, надо ждать, пока они снова все сбегутся, и эти девушки их снова соберут. То есть, очевидно, возможно все-таки находить контакт вот с такими вот обиженными, оскорбленными судьбой людьми, находить как-то с ними общий язык. Но, конечно, если очень прямолинейно сразу приходиться и говорить: я представитель такой-то организации, вот мой фирменный знак и т. д., то можно вызвать и озлобление. Тут придется действовать как-то так нелегально вначале, вызвать человеческое, чисто личное доверие, чтобы люди почувствовали, что вам от них ничего не надо, вы на них никаких орденов и денег зарабатывать не собираетесь. Просто у вас такое духовное стремление.

Такие вот проблемы могут стоять сейчас перед вами. Возможно, будут разочарования, многие из вас начинают, потом бросают, потому что времени мало, самим трудно, у каждого свои дела и, конечно, еще от одной вещи я хочу вас предостеречь. Бывают такие женщины, наполненные благородным энтузиазмом, которые все время кого-то опекают, это и при советской власти так было, кому-то помогают. Бывает, что они запускают свои семьи, потому что в семье у нее все вроде благополучно, деньги есть, все сыты, одеты, накормлены,

сын учится в консерватории, композитор, музыкант, дочь тоже получает высшее образование. Она на хорошем счету на своем производстве. Но и вот постоянно куда-то ездит, бегаёт. В конце концов, семья разваливается. Муж не выдерживает этого энтузиазма своей жены, оставляет свою семью, уходит к какой-то женщине, которая в подметки не годится этой, но она не бегаёт постоянно куда-то. Ну и потом начинаются истории с детьми и т. д. И бывали случаи, когда у нас замечательные, благородные люди погибали от филантропии. То есть разорялись, например. Как-то не соизмеряли свои силы. Предпринимателю надо совершенствовать свое предприятие, прибыль он должен постоянно вкладывать в развитие, а он, видя вокруг большую неустроенность, полностью туда переключается, его предприятие начинает хиреть, его собственные братья говорят ему, что если ты не хочешь или не можешь время нам уделять, то ты отходи от нас, и, в общем, он погибает. Разоряется и, в конце концов, умирает сам в очень невеселом настроении.

Вы знаете, у нас есть Трехгорная мануфактура на Пресне, она называлась Прохоровской мануфактурой, слышали, наверное. Был там во втором поколении Тимофей Васильевич Прохоров. Очень талантливый, очень способный человек, после 1812 года 16-летний парень стал во главе семейного дела и поднял его, можно сказать, из руин, а потом, видя все эти язвы, все непорядки, он полностью ударился в филантропию, вышел из семейной фирмы, в конце концов, разорился, начал дергаться туда-сюда, в итоге растратил свои силы и погиб.

Вот портрет Саввы Ивановича Мамонтова. Савва Иванович был человек очень жесткий, твердый человек. Театр создал. Большие имел доходы, строил железные дороги. Театр оперы создал, вы знаете. Савва Иванович оплачивал все. У него вырос Шаляпин в этой опере. Помогал художникам, которые составляют цвет нашего искусства: Серову, Левитану, Коровину, Врубелью, – собирал их всех у себя в Абрамцево. Ну, в общем, расходовал очень большие деньги на высокую культуру, на искусство. И когда грянул гром и разразился кризис, говорили,

что Савва Иванович на свою оперу тратит миллион в год, но это, конечно, сочинение, таких денег у него не было, но сотни тысяч рублей он в год тратил. Но когда грянул кризис, он оказался банкротом, и все его дело ушло. Так что не только людям, которые в семье занимаются еще этим делом, но и людям с большими возможностями, талантливым, с большими капиталами, угрожает это дело. Всё требует гармонии, всё требует какого-то взаимного уравнивания, об этом тоже надо помнить, потому что свои дети, свои родственники тоже не должны страдать от вашего благородства.

Вопрос: скажите, строитель музея Пушкина тоже разорился?

Ответ: Нет, нет, Юрий Степанович Нечаев-Мальцев не разорился. Он вложил туда 3,5 миллиона рублей, а государство дало 200 тысяч рублей. Еле-еле выдрали. Был у нас такой министр Сергей Юльевич Витте. Это был замечательный деятель, очень полезный. Вот он сказал Цветаеву, когда его заставили дать 200 тысяч: «Народу нужны хлеб и лапти, а не ваши музеи». Нечаев-Мальцев не разорился. Но он умер без наследников, детей у него не было. Наследство перешло к графу Игнатьеву и еще к одному человеку, он был очень четкий, жесткий довольно бизнесмен, Стекольные и хрустальные заводы Гусь-Хрустального были его вотчиной. Он неплохо вел дело, золотые медали получали его изделия на всяких выставках. Слава Богу, этот благотворитель уцелел, но он постоянно Цветаеву говорил, что вы совсем меня разорить хотите, все вам давай, давай. Тем не менее, каждый раз подписывал все счета, расходы. Теперь давайте немного истории, раз мы называем наш предмет «историей благотворительности».

ЛЕКЦИЯ II

Язычество

Теперь начнем историю. Всегда ли она была – благотворительность?

Всегда, но не везде. Были общества, где ребенку, родившемуся с каким-то дефектом, не давали права на жизнь - где-то сбрасывали со скал, где-то, как в мире кочевников, будем еще об этом говорить, тоже что-то предпринимали. У них, когда они в каком-то коллективе видели, что у них количество женщин начинает превышать количество мужчин, они рождающихся девочек закапывали в этот их горячий песок. Умерщвляли таким вот образом. А иногда и мальчиков. Если рассчитывали, что жизненных средств не хватит для всех. То есть вот такое вот регулирование было. Со стариками то же самое было. Человек имел право на жизнь до тех пор, пока он работал, пока он был полезен, пока он оправдывал себя. И когда он терял эти возможности, то, значит, ему надо было умирать, то есть рамки жизни, даже того человека, которого утвердили при рождении, рамки этой жизни тоже определялись коллективом, в котором решающую роль имел вождь, шаман и все прочие.

Я должен сказать, что и XX век полностью не ушёл от этого. Немцы все это делали прямо и открыто при фашизме – умерщвляли людей с психическими отклонениями, считалось, что чистить расу нужно совершенно беспощадно, твердо, и не только чистить расу по физическим данным, но и по психологическим, по настроениям.

Был такой очень хороший фильм Куросавы, там тоже очень интересный сюжет: японская деревня, довольно захолустная, не вся Япония – это Мицубиси, Хонда и всё прочее. Там тоже достаточно своих углов, где жизнь еще несколько десятков лет назад была совершенно иной, с иными понятиями. Старая женщина говорит своему сыну: все, я должна умереть. Сын говорит, что никаких причин у тебя нет, ты можешь жить, я тебя обеспечу. Она говорит: нет, такой закон. А закон такой,

что у них существует кладбище, куда такие старые люди сами уходят, садятся там, и ждут, пока они умрут. И она говорит, что я этот закон нарушать не собираюсь, ни в коем случае этого нельзя делать. Страшная трагедия в семье: и сын, и мать – люди духовно развитые, очень любят друг друга. Но закон выше всего. Правило, которое установлено здесь миллионами лет, оно выше всего. Ну, в общем, в конце концов, там душевраздирающие кадры, в конце концов, она все же уходит. Уходит на это кладбище. Сын уже современный человек. В старые времена люди считали – такова жизнь. Но он уже современный человек, он не может уже с этим примириться, а она не может вырваться из пут старых законов и все время уходит туда. Так что все это было в недалеком еще прошлом, и остатки этих настроений тоже существуют.

Нужно было переломить чисто биологический рационализм, человеку надо было переломить такой рационализм своей человеческой духовностью. На это ушло много столетий, пережитки эти существуют и сейчас, вот вам придется сталкиваться с этим: что вы нянчитесь с этими уродами, с этими больными, с этими неполноценными, что вы с ними возитесь. Смотрите, сколько у здоровых проблем. А эти – ну, не повезло людям в жизни и нечего с ними «валандаться». Вот человечество, в общем, преодолело этот биологический рационализм и пришло к выводу, что жизнь есть огромная ценность, что она должна поддерживаться, в каких бы ограниченных болезненных формах, она ни проявлялась – это святое дело, нужно любую человеческую жизнь поддерживать, нужно давать ей возможность состояться.

Этот перелом происходил у разных народов по-разному. Те религии, которые сейчас являются в мире преобладающими, ведущими: христианство, иудаизм, впоследствии и мусульманство, и буддизм – они пришли в мир с новым взглядом на человека. Когда Бога стали представлять себе не в виде каких-то стихийных сил: бог грома, бог дождя и т. п., а когда стали представлять его себе в виде высшего начала, высшей мудро-

сти, какого-то бесконечно высокого центра, создателя мира и так далее, это, конечно, подняло и самого человека. Человек под этой идеей Бога сам стал смотреть и на себя, и на людей других как на создания этого Бога. Он сам поднялся, и тогда стали появляться вот эти идеи о ценности, о самоценности жизни каждого человека, о необходимости защищать и сохранять эту жизнь, ее растить, лелеять и т. д.

Вот такой путь прошли практика человеческой жизни и духовное развитие человеческого сознания. Интересно, что князь Киевский Владимир сразу же воплотил свою веру - стал организовывать бесплатную раздачу продуктов питания. Ездили на возах, на телегах, ездили по Киеву специальные люди и раздавали людям, как писали в летописях, не только хлеб, но и мясо, и фрукты, и т. д. Появился в очень скором времени, уже при Владимире, первый приют, в который собирали детей и обучали их там греческие монахи грамоте. То есть, сразу государство, само только возникшее, еще и государства-то не было, а были эти отдельные великие князья и близкие к ним люди, которые стали практически вносить в жизнь начала благотворительности. Раздавались продукты питания независимо от того, княжеский это дружинник или слуга, или это простой житель Киева, ремесленник или кто-то еще, появляется это само понятие благотворительности. И вот оно у нас на Руси появилось таким образом и стало развиваться.

Древний Восток

Что нам осталось от древнего Египта? Остались надписи на могилах, на памятных камнях, в гробницах фараонов, естественно, знатных людей. Эти гробницы делались фундаментально и кое-что там осталось. Вот надпись: фараон пишет: «Я голодному давал хлеб и одевал нагого». Фараон, умирая, хочет, чтобы о нем осталась такая память, что он помогал голодным и одевал нагих. Какой-то, видимо, деятель, чиновник оставляет такую надпись на своей гробнице: « Не будь алчен

к родичам своим. Мольбы кротких могущественнее силы». Некоторые властители периода среднего царства (среднее царство это примерно 2 тысячи лет до Р.Х.) пишут, что в голодные годы они брали на себя заботу о прокормлении всего голодающего населения своей области, снабжали города зерном, привезенным на особых флотилиях. Вот такие надписи. Еще один пишет, некий аристократ, могила у него была большая: «Я всегда давал одежду, хлеб и пиво бедняку и голодному человеку. Я был любим всеми людьми». Еще один пишет так: «У меня были прекрасные намерения, я был полезен своему городу. Мое лицо было обращено ко вдове, бедняку, я был милым для своего народа».

Вот такие вещи за три, за две тысячи лет до Р.Х.. Ну и в других древних государствах мы имеем свидетельства. Вот был такой царь в Двуречье 2300 лет до Р.Х.. Он занимался сиротами и вдовами специально. Царь Хаммурапи в 1750 году до Р.Х. оставил свод законов, высеченных на большом камне. Там, в частности, есть такое положение, что на каждого ребенка полагалась земля, одна треть надела воина. Вот и сейчас у нас при рождении ребенка выдаётся родителям какая-то сумма денег и т.д.

На востоке в давние времена примерно около 2 тысяч лет до Р.Х. в Индию пришли такие народы, которых называли ариями. Они пришли откуда-то из районов нашей Средней Азии, может быть, из Причерноморья. Они стали там заселяться. У них была своя религия, остались книги от них, например, Ригведа. Ригведа – это примерно 1500-1200 лет до Р.Х.. Вот такой отрывок: «Голод, созданный богами, вызывает смерть. Смерти нельзя избежать, даже если будешь есть. Но человеколюбивый никогда не обеднеет. Ничто не может сделать счастливыми тех, кто отказывает в милостыни. Когда голодный человек просит пищи, то жестокосердые, отказывающие ему и сами ее съедающие, никогда не будут счастливы. Если изголодавшийся просит пищи, то тот, кто его накормит, будет благодетелем, он приобретет друга среди врагов».

Буддизм

Там же, в Индии в VI веке до Р.Х. появляется человек, который формулирует то, что все мы сейчас называем буддизмом. Будда – это не его имя. Его по-настоящему звали Сидхартха Гаутама Шакьямуни. Жил он в VI веке до Р.Х, происходил из очень знатного рода, имел хорошую, обеспеченную, счастливую жизнь, но когда он подрос, он обратил внимание на то, что среди людей много несчастных, много бедствующих, что вообще много зла в жизни – это увидел сын тогдашних царей, много зла, много бедствий. Он стал думать, как от этого избавиться. Стал отшельником, ушел из дома, искал истины везде, среди тогдашних других отшельников он очень много жил, всё у них спрашивал, но, в конце концов, стал основателем своего учения. Он не был богом, он не был пророком, он так и остался просто человеком, так его и почитают буддисты. Его точка зрения была очень простая: человек должен отказаться от эгоизма, человек должен не стремиться к приобретению больших богатств, он должен сосредоточиться в себе.

Будда имел много последователей и сейчас очень много сохранилось текстов, как они все это дело себе представляли. Давайте я вам несколько кусочков зачитаю из этих древних буддийский текстов, чтобы вы все представляли, что идеи, которыми мы все сейчас занимаемся, они очень старые, очень древние, много поколений людей работало над этими идеями.

Вот один из текстов: «Вновь и вновь пахари пашут поле, вновь и вновь бросают зерно в землю, вновь и вновь посылает дождь небо, вновь и вновь получает хлеб царство. Вновь и вновь по дорогам нищие бродят, вновь и вновь подают им добрые люди, вновь и вновь добрые люди попадают в мир небесный».

Спокойно говорит неизвестный автор этого текста о том, что есть несчастные люди и что другие им помогают совершенно спокойно. «Пусть торопится каждый человек совершить благое, от зла пусть он удерживает свой ум, ибо ум того,

кто не спешит делать добро, находит удовольствие во зле». То есть добро, это когда какая-то защита, какое-то лекарство для своей души. Если ты делаешь добро, к тебе внутрь не влезет зло. Если даже человек сделал добро, пусть делает его снова и снова, пусть строит на нем свои намерения. Накопление добра – накопление радости. «Не думай легкомысленно о зле: «оно не придет ко мне», ведь и кувшин наполняется от падения капель. Глупый наполняется злом, даже понемногу накапливая его.

Другой интересный отрывок: «Если человек совершает зло по отношению к другому, то пусть он не думает, что зло его не коснется». Зло – это как песок, - говорили буддисты в те времена, - который человек бросает против ветра, а он потом вернется к нему и засыплет ему глаза. «Какие ни есть существа живые, сильные, слабые, все без остатка, длинные, средние и короткие, огромные, маленькие и большие, разные люди, те, что видимы и те, что незримы, те, что живут далеко и те, что близко, те, что уже родились и те, что родятся, пусть все существа счастливыми будут, и пусть один не унижает другого, и пусть никто никого нисколько не презирает, в гневе или в чувстве нерасположения, да не возжелает один другому несчастья. И как мать, не жалея собственной жизни заботится о своем единственном сыне, так ко всем живым существам должно воспитывать в себе безмерные чувства».

Что у них важно для нас – питание души, они утверждают, что душу надо питать добром. Душу постоянно надо питать, иначе в нее влезет зло. Питатель ее добром. Дальше – внутреннее единство человека, ну это говорил еще сам Будда. Его природное, биологическое начало должно быть в гармонии с общественным, культурным. Гармония этих двух начал, они обязательно это требуют. Дальше. Очень интересна у них еще вот эта идея – гармония с природой. Они всегда развивали это начало, парализуя этим единством обычную дикость. Вот такой пример приводят обычно об их мировоззрении. Они говорят: нет отдельно солнца и нет отдельно человека, а есть

единая система – человек, смотрящий на солнце, или солнце, видимое человеком. Они проповедуют отсутствие стремления к материальному накоплению, богатству, потреблению, вот вы видите, как они выглядят: воздержанность в потреблении, непотребительское мышление.

Еще очень интересно сейчас нам вот что: воспитание молодежи. У них своя система, в которой есть свой смысл. В отличие от западной модели образования как системы профессиональной подготовки, буддисты ставят задачу вырастить нравственно образованного, нравственно культурного человека, дать ему не только профессиональную подготовку, но воспитать его в этой системе спокойствия, гармонии и т. д.

У них есть вот, например, их врачи. У них есть особая медицина – тибетская медицина, всем известно. Врачи у них считаются особыми людьми, выделенными Буддой, поэтому врачи у них не берут деньги за лечение, или берут самые малые. Они создали систему психологических упражнений, настраивающих людей на спокойствие, милосердие, сострадание, невозмутимость, беспристрастие, умиротворение. Борьба с психологической агрессией, с давлением на людей, создание положительного, благожелательного ко всем существам настроения. Они утверждают, что не только нужно питание души, нужно управлять настроением, создавать это настроение, сосредоточенность, собранность, отбрасывать всё ненужное, все случайное.

Есть у них свои ритуалы, праздники, которые помогают им в больших уже количествах добиваться этого умиротворенного, спокойного состояния.

Думаю, что это очень интересное направление нравственности и практической деятельности. В нашей стране они имеют очень большие центры – это Бурятия и Калмыкия. В Калмыкии они у нас чуть ли не с XIII века. В Бурятии с XVII века, в Туве с XVIII. У них есть общины монахов, то, что вы видите в Бирме. Есть монастыри, храмы. В Калмыкии церковь буддийская объединена с государством, там есть у них при

Президенте департамент религии, поэтому там все делается вместе, и праздники, и помощь благотворительная и т. д. В общем, буддисты – это один из заметных очагов нравственности и благотворительности.

Конфуцианство

В Китае, вы знаете, единой религии нет. Там есть и буддизм, там есть и христианство в каком-то количестве. Считается, что нравственность китайская базируется на учении Конфуция.

Конфуций – это китайский философ, общественный деятель VI века до Р.Х.. Он создал свою систему государства, систему управления.

Конфуций пытался все основывать на принципах нравственности. При его жизни ничего не было записано, после его смерти его ученики записали, что осталось в памяти из текстов его бесед, и для нас с вами тоже есть кое-что интересное.

«Учитель сказал, что для того, чтобы управлять государством, нужно быть осмотрительным, правдивым, умеренным в потребностях, нужно любить народ, знать время, когда можно привлекать народ к исполнению повинностей. Учитель сказал: младшие братья и сыновья, когда вы в отцовском доме, с почтением служите своим родителям, когда вы прибегаете в отцовский дом. С любовью заботьтесь о младших членах семьи, будьте немногоречивы и правдивы, любите всех. Будьте привержены своему человеческому началу, будьте деятельны. Если у вас найдутся силы, учитесь просвещению.

Ученик спрашивает его: «Что значит добр, но не расточителен?» А учитель говорил: «Будь добр, а не расточителен. Когда он считает выгодным то, что выгодно народу, разве это не значит, что он добр, но не расточителен? Когда он заставляет других трудиться, выбирая то, над чем надо трудиться, кто станет злобствовать на него?»

«Когда он желает стать человеколюбивым и становится

человеколюбивым, откуда же тогда появится жадность? Для мужа достойного нет ни малых, ни больших, он ни к кому не относится с пренебрежением. Муж достойный носит шапку и одежду, какие полагаются, потому что к людям относится соответственно с уважением. Он всегда выдержан, и люди взирают на него с доверием и, в тоже время, боятся его. Не наставляет». «А что значит четыре зла», – спрашивает ученик. А Учитель отвечает: «не наставлять, а убивать – это значит быть угнетателем. Это первое зло. Не удерживать, а попустительствовать – это значит быть распущенным. Это второе зло. Не давать указаний, а потом подгонять – это значит быть разбойником. Людям дают то, что им нужно. Тому, кто обижает безвинного человека, именно к такому глупцу возвращается зло, как тончайшая пыль, брошенная против ветра».

ЛЕКЦИЯ III

Иудаизм

Мы с вами знаем Пятикнижие, знаем Библию. Там уже есть все эти идеи, которые у древних китайцев, индусов, египтян, вавилонян были, как вы видите, разбросаны в виде отдельных фраз и т. д. В Библии это уже целая система. Уже в Библии слова Яхве об Аврааме: «Избрал Я его для того, чтобы он заповедал потомкам своим творить добро и правосудие». Поэтому по Библии отказывать нуждающимся в помощи - это уже что-то вроде богоотступничества.

Милосердия не может быть лишено ни одно творение, даже относящееся к неодушевленному миру: вы знаете, запрещено уничтожать при осаде враждебного города фруктовые деревья. В Талмуде это распространено на всю окружающую среду, и принцип провозглашен – не губи. Запрещено уничтожать или портить вещи и продукты питания, которые могут пригодиться другому человеку. По отношению к любому человеческому существу требуется особое уважение, сострадание, забота. В Библии как вы знаете, неоднократно подчеркивается принцип: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Это и есть служение Богу.

Вы знаете, что в Библии в отличие от этих мудрецов индусов, китайцев, всё очень пунктуально. Все написано совершенно конкретно и тщательно.

Что такое добрые дела, которые возвышают человека? Гостеприимство и предоставление пищи голодному, одежды и обуви нуждающимся, посещение и уход за больными, погребение умерших и проводы в последний путь, утешение скорбящих по умершим, выкуп пленных и выдача замуж невест из бедных семей. Распространяется эта Библия и на неевреев. Они обладают равными правами с евреями, имеют равные права и на благотворительность.

В книге «Левит» мы читаем: «Общество Господне и для

пришельца, живущего у вас. Устав один, устав вечный, в роде вашем – что вы, что и пришелец, да будут перед Господом».

Пророк Иезекииль говорит: «И разделите мне землю по жребию в наследие себе и иноземцам, живущим у вас, и они среди сынов израилевых должны считаться наравне с природными жителями, и они с вами войдут в долю, среди колен израилевых».

У Моисея также точно определяются формы обеспечения пищей и помощи бедным. При сборе урожая требуется оставлять края поля несжатыми в пользу бедняков. Опавшие при сборе колосья тоже оставлять для них. Брать себе нельзя. Вы что сжали, то берете себе, что упало, то для бедняков. Земля каждый седьмой год не должна обрабатываться, а все выросшее на ней должно поступать в общее использование. Раз в три года десятая часть всех продуктов земли должна раздаваться бедным, пришельцам, сиротам и вдовам. Существовали обязательные беспроцентные ссуды обедневшим, опять-таки не различая их происхождения. К взиманию процентов пророки относились неодобрительно. Беспроцентные должны быть ссуды. А все долги, неуплаченные за семь лет, подлежат аннулированию. Высшая религиозная добродетель – это помощь бедным и неудачникам. В Талмуде подчеркивается, что лучше всего такая помощь, когда дающий остается неизвестным получателю.

Как виды благотворительности мы можем рассматривать также беспроцентную ссуду или помощь в поисках работы, помощь в виде денег, когда дающий не знает, кому он дает, а принимающий не знает, от кого он получает. Может быть, дающий знает, кому дает, а получающий не знает, кто дает. Берущий может знать, от кого берет, а дающий не знает, кому дает. В общем, разные варианты. Помощь может оказываться по собственной инициативе дающего.

Помощь по прошению бедных. Прощение может исполняться охотно, но не полностью. Тоже может быть. Просьба исполняется неохотно и не полностью, но все-таки в какой-

то мере исполняется. У евреев все дела благотворительного характера, праведники, справедливость обозначаются одним словом. То есть это не дело чьего-то личного желания, а выполнение Божьего Завета. В Талмуде есть притча: «Один высокопоставленный римский чиновник спросил у еврейского мудреца: «Если ваш Бог любит бедных, отчего Он сам их не обеспечивает? И равви ответил ему: А чтобы оказать милость творящим благие дела». Право частной собственности признаётся, но законоучители ограничивали это право требованиями социальной справедливости, полагая, что все, чем человек владеет – это дар Божий. И поэтому нужно делиться с бедными. Бездумная и расточительная раздача средств осуждается. Помощь не должна стимулировать лень и безделье. Просьбы, если речь не идет о пище, питии и одежде, необходимо проверять. Запрещается попрекать бедняка милостыней и обвинять его в лени. Нельзя делать пожертвования, не расплатившись с собственными долгами, и тем более, нельзя делать пожертвования, чтобы скрыть дурные дела и поступки свои собственные, а также нельзя делать пожертвования для какой-то собственной выгоды.

Бедняк не имеет права принимать помощь у человека, не занимающегося полезным делом и живущего за счет преступной деятельности. Вообще надо трудиться, и самому уважаемому мудрецу лучше выполнять самую трудную, непрестижную и грязную работу, чем искать помощи у других. Эти законы учителей полагают, что тот, кто не нуждается в посторонней помощи, обманывает людей и берет помощь, не умрет, прежде, чем окажется в таком положении на самом деле и вынужден будет просить. Наоборот, кто терпит нужду и живет трудной жизнью, но обходится без посторонней помощи, не умрет прежде, чем окажется в состоянии помогать другим. Поэтому лучше, чтобы каждый зарабатывал себе сам. Запрещается бедняку, имеющему большую семью, а также больному или старому, явно нуждающемуся в помощи, отказываться от благотворительности, – это нехорошо.

Необходимо предоставлять помощь с приветливым выражением лица, произнося самые дружеские и уважительные слова. Если вы не будете это делать, то даже самая крупная сумма не считается угодной Богу.

Вы видите, как все конкретно разработано, с юридическими, прямо, точностями. Это такой характер ума. Это удивительно. И это конечно, очень ценно, очень полезно. Давно уже у них были эти нормы: с конца II века существовала особая касса, куда собирались пожертвования, продукты раздавались под контролем особо уважаемых лиц, они же проводили ревизию, определяли степень нужды, проводили расследования. Если человек обладал собственностью и просил – не принимали такие прошения.

На нужды бедных, в пользу нуждающихся вносил каждый член иудейской общины, не исключая женщин.

Но вот интересно, опять норма: запрещалось раздавать бедным все свое достояние. Постановлением раввина было определено, что нельзя одновременно жертвовать на благотворительные нужды более 1/5 своего имущества. А обычный размер пожертвования – 10% своего дохода. Умиравший мог выделить треть своего состояния. То есть, чтобы благотворительность не превращалась в разорение тех людей, которые это оказывают. В первую очередь, учитывались сироты, если мужчины и женщины одновременно просят, предпочтение отдается женщине и т. д. и т. д.

Вся эта деятельность существует вокруг синагог. Синагоги устраивали дома для странников, приюты. Был такой обычай – оставлять часть субботней трапезы для прокормления странников, которых приютили. Стали организации создаваться, товарищества по оказанию помощи нуждающимся. Ну и благотворительность стала общим делом, когда к каждому члену, находившемуся в нормальных условиях, направлялись беглецы, нуждающиеся. Иногда их так много было, что общины разорялись. И, тем не менее, отказываться от оказания помощи никогда не разрешалось.

Потом, в начале XIX века, в XX веке эти благотворительные учреждения укрепляются. Сложились системы приютов, системы социального обеспечения. Уже в начале XX века работает Единая федерация еврейских благотворительных обществ и т. д. Это в Германии. В России было то же самое. Были общества погребальные, братства, которые помогали похоронам, общества для посещения больных, общества по обеспечению бедных одеждой, по воспитанию сирот, для оказания помощи бедным невестам, приюты, и т. д., религиозные школы. В общем, это были уже тысячи благотворительных организаций. Вы знаете, что во время I мировой войны много было беглецов из западных районов Российской империи, когда туда пришли немецкие войска. И комитет был особый по распределению благотворительных фондов. С 1914 года эта организация оказывала помощь пострадавшим в ходе первой мировой войны, потом в ходе второй мировой войны они помогали жертвам погромов и т. д. и т. д. Ну и сейчас существует такая система благотворительности.

И закончим мы историю благотворительности иудаизма одним отрывком из книги Иова. Вы знаете, вот, что он говорит нам: «Ибо я спасал кричащего бедняка и сироту, что помощи не найдет, благословение страдальца было на мне и утешалось обо мне сердце вдовы. Как в ризу в правду облачался я, возлагал на себя справедливость, как тюрбан, я был глазами для того, кто слеп, и ногами для бессильного ходить, для нищих являл я собою отца, и в дело незнакомца вникал умом ...».

Ну, я все это читаю вам для того, чтобы вы представляли, что вы не одиноки, человечество уже давно вырабатывает из себя вот эти принципы и много тысячелетий люди занимаются тем, что у нас в стране сейчас тоже начинает возрождаться.

ЛЕКЦИЯ IV

Рим. Раннее христианство. Эпоха Константина.

Мы познакомились с традициями благотворительности, взаимопомощи и милосердия в период с самых древних времен до первых веков нашей эры. К первым векам нашего тысячелетия сложился и развился мир, который мы можем назвать миром Римской империи. Это была огромная территория, подчиненная единой власти императора Рима, простиралась она от Испании на Западе, вы представляете себе, до Армении и частично до некоторых территорий даже Персии на Востоке. На юге в Римскую империю входил весь север Африки, Египет. Ну и на севере уже при Цезаре они высаживались уже в Британии, Галлии, все это было в составе Римской империи.

Была проведена огромная, гигантская работа. Все эти территории были связаны единой властью, едиными законами, платили единые налоги, связаны были едиными путями сообщения. Римляне провели дороги, так что можно уже было добираться не по лесам и болотам, а самым цивилизованным образом до самых далеких мест Римской империи. Ну и сложилась, в общем, культура, грамотность.

Особенностью этой Римской империи была множественность религий и множественность поэтому образов жизни. Римляне были очень веротерпимым народом. Они признавали любую религию народа, который входил в состав Римской империи. И совершенно не требовали, чтобы та система религиозная, которая была в самом Риме – это поклонение Римским богам: Юпитеру и т. д., чтобы ее принимали другие части Римской империи. В общем, постепенно воздействие религиозной системы начинало ослабевать. Никакой особой организации не было. То есть первосвященником в этой Римской империи был сам император. Настоятелями крупнейших храмов были римские аристократы, то есть профессионалов у них не было. Единичные храмы имели служащих. Храм богини Весты имел таких служительниц – монахинь, весталок.

Само развитие Римской империи дало огромные результаты, развитие производства сильно двинулось вперед, развивались ремесла, развивалась торговля, жизнь вся поднималась. Те районы и регионы, которые были совершенно дикими и отсталыми, они ощущали влияние более развитых Греции, Рима, Малой Азии.

Еще один момент. Рабовладение продолжало оставаться главной основой экономики и социальных условий Рима. Это значит, что значительная часть людей – рабы, не пользовались никакими абсолютно, человеческими правами. С другой стороны, аристократы, которые находились наверху, вели себя как земные боги, утопали в роскоши. Роскошь, как вы знаете, без какой-то идейной подкладки, приводит к разложению, ко всяким противоестественным вещам. Сами коренные жители Рима использовали, между прочим, интересную вещь. Рим создал свою систему благотворительности. Но эта система благотворительности была не столько полезной, сколько вредной. Не все те, которые жили на территории Римской империи, имели звание граждан Рима, а только те, которые жили в Италии, да и то не все. Фактически они сидели на содержании государства. То есть им раздавали хлеб, оливковое масло, вино, зерно, муку. Бывали такие периоды, когда каждая семья получала прямо даже не зерно, а выпеченный хлеб, по буханке хлеба. Они получали все это не за работу, а за одно свое гражданство Римское. А в то же время рабы, которые были рядом с ними, за какие-то горсти хлебных зерен и т. д. надрывались на работе, с ними жесточайшим образом обращались.

Это вело к разложению, к развращению Римского народа, народ превращался в то, что мы называем чернью, то есть это были люди агрессивные, злобные, требовательные и совершенно паразитические люди. Естественно, очень их устраивала жесткая, жестокая диктатура императоров, они готовы были славить любого императора. В общем, нравственный уровень Рима, свободных римских граждан, страшно понизился. А что же император? Что касается высших слоев римского населе-

ния, то там, с одной стороны, жестокие гонения, уничтожения всех сенаторов, аристократов, которые не нравились императору, приводили к системе массового доноительства, к тому, что одни стремились донести императору на других и получить часть их состояния. Короче говоря, процессы гниения нравственного, политического и гражданского разложения, очень сильно чувствовались в Риме. Император Август, это первые годы нашей эры, как-то пытался сдерживать все это дело, но после него началась пора совершенно безумных императоров. Мало того, что римляне не желали работать – они не желали и воевать, хотя им это щедро оплачивалось. В последние века существования Римской империи возникли, например, такие римляне, которые не соглашались идти в легионы. Им были уже невмоготу вот эти мечи, копья, панцири, которые составили славу Римской армии, были причиной ее непобедимости, не говоря уже о мужестве. Это стало для них тяжело, они перестали надевать эти панцири, перестали братья за мечи, их стали бить армии варваров, которые не имели организации, но которые были настроены более воинственным образом. Вот такое всеобщее разложение шло везде.

В это время и появляются первые общины христиан и начинают проповедовать вещи для мира неожиданные. Христос пришел в мир не с лозунгами завоевания, удачных войн, как допустим, боги Греции и Рима, которые непрерывно, как мы знаем из Гомера и других, участвовали в войнах. Этот человек пришел с нравственными проповедями, причем его нравственные проповеди очень сильно отличались и от иудейской традиции. Иудеи тоже ожидали от своего Бога военно-политических побед.

Но первое же появление христиан сразу поставило их в очень тяжелое положение.

В Римской империи все было на религиозной базе. Какая-то свадьба, какие-то похороны, какое-то событие в любом доме – значит, надо было сделать несколько жертв, чисто формально, не имевших никакого значения реального, никого не затраги-

вающего за душу, но это надо было сделать. Или вот надо было несколько зерен ладана бросить на жертвенник, или плеснуть из бокала вино – это был такой символ жертвоприношения, что ли, или произнести, в любом случае, славу Юпитеру. Христианин не мог позволить себе ни одного этого движения. Когда их преследовали и говорили, ты же можешь сохранить свою жизнь, ты можешь избежать казни, ну возьми несколько зерен ладана, и брось их, и иди, потом молись своему Богу, он тебя простит. Нет, это было недопустимо. Поэтому о них сразу же стали слагать легенды, как о людях ненормальных, совершенно невыносимых, которые вот прут против всех. Какая-то маленькая секта, маленькие группы, и это, конечно, ставило их в очень тяжелое положение.

Дальше. Сам состав христиан, первых христианских общин потом изменился, он был очень показательный. К ним приходили бедные люди, естественно. Конечно, вы знаете, что были выдающиеся там политические деятели, воины, но это были единицы, и то они чуть-чуть позже стали приходить. А сама община Иисуса Христа - это были рыбаки. Это были бедные люди и над ними, конечно, смеялись. Основатель какой-то плотник и следуют за ним какие-то бродяги, какие-то совершенно ничтожные люди. И эти ничтожные люди такие гордецы, что они попирают своим презрением все то, что уважает и чему поклоняется весь цивилизованный мир. А эти ни читать, ни писать по-гречески или на латыни не умеют, ловили рыбу в своем Иордане, и вот тут они вот так сами себя возвеличили. Это непонятные люди, которых надо или изгонять или истреблять. Вот в таком положении они оказались.

Христиане провозглашали также, что какие бы тяжелые преступления ни совершил человек, он может очистить свою душу, если он примет это новое учение, настоящее Божественное откровение. Его грехи государство ему не простит, его казнят, или там как-то жутко накажут, но он может умереть или жить в любой темнице, в любом заключении со спокойной совестью, потому что Бог христиан – это Бог милосердия. Вот

эта черта первых христианских общин, она, естественно, нашла отклик среди большого количества людей, искалеченных и давленных жизнью.

К ним стали приходиться не только рабы, которых никто не считал за людей. К ним стали приходиться и преступники, и женщины типа Марии Магдалины, занимавшиеся проституцией и т. д. И здесь они чувствовали себя людьми. Здесь их никто не попрекал, здесь их никто не оскорблял, это было огромное дело. Но какую это вызвало реакцию. Это вызвало реакцию совершенно определенную. Стали говорить, что не только они сами невежды, дикие какие-то неграмотные люди, но что к ним идут подонки и отбросы общества. И это тоже вот компрометирует их. Вот такая сложилась очень суровая атмосфера у этих первых общин.

Чем они могли ответить? Никто из богатых людей вначале к ним не приходил. И кормиться, и питаться, и как-то устраиваться они могли только трудом своих рук. Чем же они могли ответить на все эти трудности? Они могли ответить только одним – внутренними отношениями внутри своих общин, братскими отношениями. Новая идея и новая ее реализация. Вот такого, конечно, что они в первой же общине создали внутренний мир у себя, такого, конечно, не знал никто, кроме, может быть, последователей Будды, но там это далеко на Востоке, о них никто здесь в этих краях понятия не имел.

Вначале у них была даже и общность имущества, они все были настолько бедны, что каждый приносил то, что у него есть, и, в общем, вместе они питались, вместе они жили. Вы знаете, что в Риме сейчас открыты катакомбы, в которых жили древние христиане. Откуда там нашлись эти катакомбы – понятно. Рим построен из камня, и камень этот добывался здесь же, и поэтому там были огромные пространства, сделанные, и вот христиане там скрывались, они там жили, они там помогали друг другу.

Когда были гонения на христиан, то некоторые ведь жаждали мученичества. Дело в том, что гонения у нас представля-

лись в искаженном плане, до Диоклетиана, во всяком случае. Они не были никогда такими массовыми, всеобщими. Всегда в провинции находились гуманные, просвещенные, ведь и Понтий Пилат заколебался очень серьезно. И только под давлением, так сказать, он произнёс этот смертный приговор (и то не сам).

Были такие случаи, когда христиане требовали, чтобы их предали смерти, то есть для того, чтобы христианина предать смерти, надо было, чтобы кто-то доказал, что он участвует в собраниях, во встречах. Но всегда же находились люди, которые не соглашались на каждого доказывать. Но были - таки вот «фанатики» что ли, которые сами приходили к местному правительству и говорили: «Я христианин, я участвую во всех этих делах, предайте меня смерти». Когда тот отказывался и говорил, иди отсюда, у меня нет доказательств. Иногда бывали случаи, когда они разбивали статуи римских богов, опрокидывали жертвенники в храмах. Они хотели поскорее достичь конца, так как считали, что вот такое мученичество за веру сразу открывает дорогу к вечному блаженству.

Короче говоря, идейные мотивы оказывались сильнее материальных обстоятельств жизни. Они продемонстрировали великую силу идеи духа, духовной жизни. И люди все удивлялись. А вы же понимаете, вот эта большая сила, которая их одухотворяла, она ведь требовала какого-то реального выхода. Вот этот реальный выход, энергию, которая у них была, конечно, гораздо выше, чем в том среднем обществе, они положили на устройство своего мира. И они фактически создали в рамках этой всемогущей, гигантской Римской империи, они создали свое государство. Как потом говорили императоры – «Бог знает, что происходит».

Эти общины, они были небольшими, они были рассеяны, но если бы не было этого Рима, с его дорогами, с его связями торговыми и прочими – христианство не могло бы так быстро распространиться.

Но в самой Римской империи глобализация была очень

большая. Они все были связаны друг с другом от Армении до Испании. И поэтому эти общины, которые создавали первые ученики Христа, ученики этих учеников, они стали очень быстро образовываться в самых разных частях Римской империи. Общины были вначале совершенно независимыми. Вот это тоже интересно. Никакой власти-то над ними не было. Апостолы разошлись проповедовать его учение, но они же были простые, обычные люди. Поэтому никакой общей власти долгие десятилетия и столетия не было. И, тем не менее, эти общины были связаны друг с другом, они помогали друг другу, они советовались. Если в одной провинции начинались гонения, община другой провинции принимала беглецов, помогала им хлебом, деньгами, устройством и т. д. Письма они посылали, одна община другой. Стали собирать соборы потом.

Общность имущества, конечно, не так долго продержалась. Потом наступают новые времена к концу I века. Уже разрешается верующим иметь свою собственность, необязательно приносить ее в общину. Появляется и там какое-то неравенство, но, тем не менее, все обязаны вносить часть своего имущества в общую кассу и т. д. Богатые общины помогают бедным. Естественно, община Рима очень богата, потому что там к христианам приходят уже весьма состоятельные люди. Община в какой-то там провинциальной Британии, Галлии, это бедные общины и римляне им помогают.

Должен вам сказать об отношениях с государственной властью Рима. В Риме была веротерпимость, снисходительность. И евреи, иудеи в Риме могли спокойно иметь свои общины и т. д. Но первые такие серьезные преследования, о которых мы все с вами знаем, это период Нерона. Но тут была такая интересная особенность. Дело в том, что Нерон был ужасным деспотом, как все знают, и, в общем, он стяжал ненависть просто значительной части Рима. Вы знаете, что он убил свою жену, он убил свою мать. Преследования всяких знатных римлян, сенаторов и т. д. были колоссальными, придирались ко всему

для того, чтобы казнить человека и забрать у него имущество. Нерон все это делал и поэтому, когда случился этот знаменитый пожар, у него положение было совершенно критическое, он уже потерял всякое доверие, всякий авторитет, и ему надо было на кого-то свалить. На кого можно было свалить пожар? Это, конечно, возбудить чернь против вот этих вот непохожих на всех людей. И вы знаете, как люди не любят того, кто живет по строгим нравственным принципам. Это тогда было, это и сейчас есть. Этого люди очень не любят и поэтому против этих святош, которые там постятся, молятся, и не совершают никаких удовольствий, против них поднять эту чернь, развращенную праздностью было достаточно легко. И были казни. Свирепые, мучительные казни, вы все это знаете, не буду вам повторять.

Казни, свирепость Нерона имели обратный результат. Все настолько ненавидели этого человека, его зверства, его злодеяния, что стали сочувствовать христианам, которых травили дикими зверями, зажигали, как факел, обмазанных смолой. Среди простого римского народа, римской черни стало появляться сочувствие к этим людям, и, тем более, что во время мучений они вели себя невероятно достойно, очень кротко, не было возможности над ними посмеяться, поиздеваться, даже в этих муках они вызвали положительное к себе отношение. Потом смягчение нравов, в особенности во времена Траяна, который умер в 117 году. Известно, что наместник одной провинции, Плиний Младший, кстати, друг Траяна, направил Траяну письмо с просьбой дать совет, как ему относиться к христианам, потому что, вроде, официальный курс требует их преследовать, а он, Плиний, наместник, не знает, за что их преследовать, потому что они, во-первых, проповедуют полное подчинение государству. Они говорят, что наш мир, он духовный мир, они молятся за императора, за Цезаря и т. д. Но в то же время они вот так все-таки выделяются и противопоставляют себя другим, вот это то, что люди не терпят никогда, когда люди противопоставляют себя всем остальным.

Ну, и Траян так вот деликатно ему ответил, что не нужно тут перегибать палку, и наказывать людей, преследовать. Только если есть полное доказательство их активной деятельности и т. д. Затем следующие императоры Адриан, Антонин Пий действовали так же, – только если есть много показаний, что человек играет активную роль, то его высylать, или что-то в этом роде.

Позже тридцать восемь лет покоя были после Септимия Севера. Сорок лет перед Диоклетианом никто христиан не трогал. Был один император, который поставил у себя во дворце четыре статуи: Аполлон, Юпитер, Христос и кто-то еще. То есть, некоторые из этих императоров пытались как-то в эту систему многобожия включить и христиан, потому что их становилось все больше и больше и странность у них выражалась только в этой жажде мученичества, а не в чем-то другом. Отношение к ним среди общества начинало все больше и больше смягчаться. Разложение нравственное самого этого общества продолжалось все больше и больше, и люди начинали задумываться о ценности этой общины в общем плане. Но дело в том, что когда преследования прекращались, начинались внутренние процессы в среде христианства. Появилась симония. Это продажа за деньги церковных должностей. Бывали случаи, когда за большие деньги кто-то покупал себе звание епископа, например. Была такая история, все знают Павла Самосатского, это конец уже III века, это был епископ, на которого писали жалобы уже к императору. Он был невероятный стяжатель и вел совершенно аморальный образ жизни. Он командовал всеми, он отлучал кого надо, кого не надо. Вот появляются такие люди, причем, он так укрепился в этой среде, что у него были уже сторонники, и сами христиане никак не могли его скинуть. Они уже обращались к императору, и, в конце концов, этого Павла Самосатского выкинули. Так что процессы шли очень различные. Но самая тяжелая вещь, самая тяжелая эпоха была при Диоклетиане.

Диоклетиан вступил на престол в 284 году. И тут первый

период Диоклетиана был очень мирным и гладким. Никого не преследовали, никого не ссылали, не казнили, но вторая половина – вдруг невероятная свирепость. Этот император издает один указ за другим, сносят храмы. А храмы уже существовали. Уже их строили, они уже не в катакомбах молились, а у них уже были храмы, десятки, сотни храмов. Храмы сносятся. Епископов казнят. Даже рядовых христиан - то же самое. Разгоняют, страшная свирепость. Ну и это, в общем, понятно, конечно. Очевидно, сила этого нового мира оказалась уже настолько значительной, что стало ясно: или, или. Или их придется как-то признать и дать им место в этой жизни, или попробовать еще раз истребить их всех. Говорят, что у Диоклетиана были плохие советчики. Ну, вот такая логика была. В общем, это была свирепая эпоха. Потом, конечно, масштабы этих преследований были преувеличены сильно. Но все-таки историки, христиане настоящие признают, что примерно пара тысяч людей заплатились жизнью за эти 10 лет преследований при Диоклетиане. Две тысячи лет, ну потом, конечно, сравнивают это с жертвами внутренних войн в самом христианстве и говорят, что эти две тысячи это было, конечно, очень мало, но, тем не менее, это была крайняя свирепость. В конце своей жизни Диоклетиан практически отказался от преследований и незадолго до смерти издал последний документ за своей подписью, где он, не отрекаясь от своей римской веры, и не признавая ни в коей мере веру христиан, тем не менее, говорил, что надо прекратить их преследование и мучения. Их страдания надо прекратить. То есть, никакого принципиального вывода он не делал, но вот так, практически, он пришел к выводу, я думаю, под давлением общественного мнения в самом тогдашнем обществе, что это безобразие необходимо прекратить. Он умер в 307 или 305 году, потом наступила до 320 года эпоха, когда менялись все эти люди, ну и вы знаете, что, наконец, император Константин полностью прекратил преследования христиан.

Это был полный перелом. Дело в том, что тут были разные

обстоятельства. В это время уже в империи разладилось все. Диоклетиан отказался от единоличной власти над империей, разделил ее на четыре части. Два было главных императора, которых называли Августы, и два второстепенных, которых называли Цезари. И у каждого был свой кусок империи. Ну, естественно, что они тут же начинали воевать друг с другом, и самому Константину пришлось нескольких победить, прежде чем он утвердил свою власть. И тут он, конечно, вынужден был посмотреть на эту огромную силу, которая уже существовала в Римской империи. И думать о том, чтобы установить с ней какие-то нормальные отношения. Дело в том, что о нем разное пишут, что это был человек, который обладал выдающимися качествами.

Что интересно, он шел постепенно. Сначала он установил контакты с христианскими общинами. Затем он стал принимать личное участие и в богослужениях старого типа и участвовать как-то в жизни христиан. Никаких преследований уже не было. Но не преследовали и старую религию. Вы представьте себе, ведь дело в том, что историки считают и говорят, что не больше 20 процентов были христианами. Но, конечно, 80 процентов – это подавляющее большинство. Разница заключалась в том, что эти 80 процентов были достаточно пассивными и в духовном смысле уже истощенными. 20 процентов - это арифметически мало, но при их активности, при их организации, при их одушевленности, напоре, при их высоком духе – они, конечно, значили гораздо больше, чем 1/5 часть. Но их все-таки было не так много, и поэтому потребовалось, в общем, примерно, лет 40 или 50 для того, чтобы основная масса населения римской империи, основных ее центров, перешла в христианство. Была даже попытка потом, при Юлиане, вернуться снова, и опять начались преследования христиан, правда не такие жесткие, так что весь этот период, он занял лет 40 или 50. Сам Константин крестился только незадолго до смерти. Но он уже признал христианство официальной государственной религией вот этой Римской империи.

Что здесь еще интересно. Начинается создание общины, создают общественные организации. Уже в период Константина, например, существовало уже такое благотворительное общество, чисто христианское. Это люди ухаживали за больными. Другое благотворительное общество составляли тоже верующие христиане, которые занимались погребением умерших. Ведь умирали часто люди, у которых не было ни семей, ничего. Естественно, оказывалась материальная помощь. Значит, как только христианство стало государственной религией, начинаются новые сложности отношений. Все-таки знаете, государство вводит налоги. И от налогов не были освобождены ни христианские общины, ни их деятели.

Дальше. Государство не посягает на судебную систему христиан. Судебная система была такая, что епископов, например, мог судить только суд епископов. Низложить его, приговорить к отлучению мог только суд епископов, государство в это дело не вмешивалось. Сам епископ тоже творил суд над членами своей общины. И только в том случае, если преступление христианина было самым серьезным, например, убийство или преступление против государства, бывали случаи, когда кто-то из экстремистов-христиан сбрасывал и разбивал статую императора по какой-то там причине. Вот тут уже такой человек попадал под государственный суд. А если это были провинности или преступления меньшего масштаба, то это все решали сами епископы и тот суд, который создавал вокруг себя сам епископ.

Как только христианство стало основной религией и, в общем, религии все старые были подавлены, причем, совершенно очевидно, что без такой мощной силы машины, которой являлось государство Константина и его преемников, такое быстрое, сравнительно, торжество христианства было бы невозможно. Они были заинтересованы, естественно, происходит приспособление христианства к государственным требованиям. Императоры давно уже, еще до Константина, некоторые, типа Александра Севера и другие, они начинали брать

себе в советники и чиновники христиан. По той причине, очевидно, что это была публика очень надежная. И в той системе коррупции, которая доканчивала тогда Римский государственный аппарат, такие люди представляли очень большую ценность. Поэтому в государственный аппарат входит, проникает все большее и большее число христиан. Так происходит это сращивание.

Дальше. Начинается эпоха очень трудная, конечно. Пока какая-то вера, какое-то учение подвергается тяжелым испытаниям – это очищает людей, входящих туда. Когда эти испытания кончаются и, наоборот, эта организация становится привилегированной, может быть, даже господствующей, тут начинаются процессы разложения.

Естественно, очень большие трудности с тенденциями к частному присвоению этих общих богатств. Не один этот Павел Самосатский занимается стяжательством. Но, тем не менее, всё равно, несмотря на эти какие-то может быть попятные движения, всё равно всё отменить невозможно. Всё равно монастыри кормят огромное количество людей, впавших в нищету, людей, пострадавших от наводнений, от пожаров, от чумы. В средние века, когда вымирали целые города, всё равно эта идея благотворительности, идея помощи нищим, нищелюбие живёт. Конечно, мы с вами говорим, что нищелюбие вещь очень о двух концах, но, тем не менее, после того презрения и тех издевательств над бедными и над нищими, которые царили в античном мире, это нищелюбие, при всех его крайностях, является делом всё равно, в принципе, очень положительным и т. д.

Очень важно отметить духовную благотворительность. Мы хорошо это знаем по России. Была и есть категория таких особых людей, которых называют старцами. Не во всех монастырях, но были они. Они были очень известными людьми. Чем они занимались? Они занимались духовной благотворительностью, абсолютно необходимым делом. К ним приходили люди, находящиеся в очень тяжелом положении, запутав-

шиеся, потерявшие надежду, потерявшие веру, с совершенно издерганными нервами, истеричные, полубезумные. И вот эти люди возвращали их, лечили их, с помощью тех средств, которые у них были. Средств, конечно, чисто духовных, они старались вдохнуть в них веру в жизнь. Они говорили им о том, что отчаяние является самым большим грехом и т. д. и т. д. Вот это духовное милосердие, которое принесло с собой христианство, о нем тоже не следует забывать. Но все-таки вот те черты, о которых мы с вами говорим, они были всегда и остаются сейчас очень значительными. И когда сейчас мы говорим с вами о благотворительности, ведь все и вы в том числе понимаете благотворительность материальную: собирание денег, физически помогать, например, в больнице и т. д. Но ведь духовная благотворительность, особенно сейчас у нас крайне важна, потому что люди все нацелены на чисто материальные ориентиры, и они благотворительность понимают, как «что-то дать». А ведь абсолютно необходимо сейчас нравственное вливание каких-то обычных общечеловеческих нравственных сил. И вот эта традиция – она в старые времена возникла, и она сейчас абсолютно необходима.

И об этом нам тоже необходимо помнить. И мы же читаем сейчас, что и в городах сейчас есть священники очень достойные вообще, пользующиеся уважением. А в провинции, пишут об этом часто, такие люди играют очень большую роль. У них нет никаких особых средств. Вот эта традиция, которая ведется с самых первых веков – она нам может быть сейчас важнее всего.

Христианская эпоха

После 320 года я вам говорил о признании церкви государством. Власть, церковь, общины, церковные деятели, епископы, митрополиты, папы и т. д. становятся очень крупными государственными фигурами. В их руках огромная власть, иногда римские папы пытаются объединить ее, поставить себя

выше светских властей, ведут очень серьезные войны. Вы знаете, в средние века, например, войны германских императоров с папами, которые пытаются подчинить королей, герцогов и т. д. своей власти. Естественно очень большие богатства в это время церковь сосредотачивает в своих руках. И вот исследователи уже давно в 17 веке ставили вопрос о том, что вместо того, чтобы заниматься тем, что им заповедал основатель христианства, т. е. созданием особого мира духовной жизни, высокой духовной жизни, они начинают опускаться к тому самому уровню, против которого они выступали в самом своем начале.

Есть такая точка зрения, что христианство в своей обрядовой части, в догматической части все больше начинает возвращаться к язычеству. То есть золото, иконы, мощи, массовые всякие праздники делаются для того, чтобы можно было привлечь как можно больше простого народа к себе. А простой народ привык не к глубинным духовным ценностям, а к внешним проявлениям. И вот получается такой своеобразный отход назад. Но дело в том, что не все христиане (тут происходит определенное разделение), уже в царствование Константина появляется особый тип христиан, которые, не объявляя, конечно, своего противостояния официальной церкви, просто уходят из церковных организаций и начинают жить своей индивидуальной жизнью. Это отшельники. Отшельники-аскеты. Интересно, что как только Константин огосударствил церковь, так тут же народ пошел в пустыню, понимая, что тут теперь со святостью будет очень сложно. Все знают наиболее выдающихся аскетов-отшельников основателей этого движения, например святого Антония Великого. Было два типа: одни отшельники все-таки образовывали какие-то группы – кинувия, а другие были анахоретами. Во всяком случае, первоначально и св. Антоний, жил в пустыне совершенно в полном одиночестве. Иногда появлялся в Александрии, вел себя очень скромно, с достоинством. Он заслужил уважение официальных епископов, но, тем не менее, свою линию он продолжал очень жестко.

Стали расти колонии последователей св. Антония и других таких отшельников, и стали они достигать очень больших размеров. Есть такие сведения, что к югу от Александрии в IV-V вв. пять тысяч пустынников было. Я не знаю, насколько точны эти данные, но видимо их было все-таки много. Там существовали развалины 50-ти монастырей, которые были учреждены (организованы) не самим Антонием, а его учениками. Был также и еще такой пустынный Пахомий с братьями. Их было 1400 человек. 9 мужских монастырей и один женский. И вот иногда, когда они вместе собирались по церковным праздникам – до 15 тысяч там собиралось народа. Говорили, что в Египте легче найти отшельника, чем обычного человека.

В Западной Европе тоже самое. Был такой Мартин Турский. Он был епископом Тура, родоначальником монастырской жизни на Западе. Когда он умер, его провожали в могилу 2 тысячи уже его вот таких последователей. Вот такая очень интересная вещь. Но конечно, эти монастыри при жизни их основателей полностью придерживались первоначального христианства. Потом система этих монастырей очень разрослась и, конечно, реальная жизнь со всем своим язычеством вторгалась туда очень сильно. В монастырях была очень строгая, суровая дисциплина. Настоятели монастырей имели право в некоторых случаях прибегать даже к «физическим увещаниям» монахов. Тем не менее, несмотря на то, что существует очень много документов, которые говорят, что в этих монастырях было много тяжелого, сурового, было много элементов перерождения, и, тем не менее, все соглашались с тем, что даже при самой сильной порче внутренней церкви, она и в этот период и позже играла в целом безусловно положительную роль. В чем это выразалось?

Влияние на варваров. Вы же знаете, что сотни тысяч варваров заполнили, затопили в это время всю Западную Европу. Там были разные уровни дикости, разная степень свирепости, но в целом это была гигантская разрушительная сила. И вот христианство оказывало огромное воздействие на этих варва-

ров, и в результате все эти варвары пришли к христианству в разных его вариантах. Это не означало, что они стали все такими хорошими, добрыми, цивилизованными, они продолжали там творить Бог знает что, но, тем не менее, они узнали, что есть такое понятие «закон», что есть такое понятие «нравственность», «совесть». Ну и конечно, сюда стала проникать грамотность, потому что те монахи, которые приходили туда к ним, проповедовали, естественно они приносили с собой книги и показывали им и возникали небольшие школы, потому что среди этих варваров надо было готовить своих людей, своих священников, монахов, так как монастыри были рассадниками грамотности. И в те времена это имело огромное значение. Но должен вам сказать, что как только христианство стало государственной религией при императоре Константине, в самом начале IV века, начались невероятные раздоры и войны среди самого христианства. Стоило христианам стать властью, они тут же вцепились друг в друга. Вы знаете, что система христианства, она ведь не так проста. Сама идея Троицы, она требует достаточно высокого уровня мышления и т. д. 250 лет шла борьба вокруг проблем Троицы. Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой – их соотношение, их природа духовная. Можно перечислить вам целый ряд разных направлений, которые в конце концов были объявлены еретическими и которые по-разному толковали вопросы веры. Ну и самое ужасное, что споры не оставались чисто умственными, в богословской сфере, а они принимали характер раздоров, расколов. Это очень сильно вредило, это разлагало. Потому что сам дух первоначальный у христианства, он этой агрессией взаимной, этой воинственностью, он конечно разрушался. Дело доходило до того, что в погоне за властью, уже глобальной, Западная Церковь организовала походы крестовые на Восток. Вы знаете, что кончились они полной неудачей, но важно то, что при этом они еще вели войны еще и с Византией и 1204 г крестоносцы, которым все труднее и труднее становилось воевать с сарацинами, просто разграбили Константинополь. Установили там свою власть,

потом уже власть эта рухнула. Сами византийцы тоже были далеко не чисты. Они тоже иногда входили в какие-то союзнические отношения с мусульманами против западных крестоносцев. Так что картина была очень тяжелая. В общем, дело шло, в конце концов, в XVI веке на западе разразился тягчайший кризис, и появилось течение, которое требовало возврата к первоначальному христианству, которое требовало отказа от всего того, чторосло на церковь. Возврата к трудовым, сугубо нравственным общинам, ликвидации монашества, ликвидации власти золота, отказу церкви от притязаний на государственную власть, короче говоря, разразилась реформация.

С начала XVI века началось выступление Лютера, затем Кальвина, и целое столетие в Европе по-настоящему воевали друг с другом. В результате этих войн католиков и протестантов Европа была просто вся разрушена и перепахана вдоль и поперек. К середине XVII века как-то страсти угомонились, жизнь пошла вперед, ну и с тех пор уже таких религиозных войн не было.

Теперь поближе к нашей теме благотворительности.

В раннем христианстве сильны идеи братства, взаимопомощи, милосердия и т. д. В средние века сильна идеализация бедности. Всем известен Франциск Ассизский и его орден. Благотворительность, центрами которой были церкви на Западе и монастыри, достигала таких масштабов, что сейчас нам просто поверить в это трудно. Историки считают, что в XVII веке в Англии перед самой революцией один миллион человек из пяти миллионов жителей получали так или иначе благотворительную помощь. Конечно, с одной стороны это очень хорошо, когда такие размеры, но с другой стороны конечно и паразитизма там хватало. Не все эти люди (1 млн. человек) нуждались в этой помощи.

Начиная с 9 века в крупных городах начинают создаваться больницы для бедных и нищих. В 15-16 вв. гигантский размах благотворительности начинает очень беспокоить и общество, и государство. И государство начинает вмешиваться в эту бла-

готовительность, которая до этого времени была полностью в руках церкви. Власть старается отделить истинно нуждающихся от паразитов, которые отравляют общую атмосферу, начинают создаваться законы, которые преследуют попрошаек, бродяг, способных работать. Законы были очень суровые. Например, бродягу, способного к труду, которого ловили первый раз, могли просто наказать плетьюми очень крепко, если его ловили второй раз, то его могли наказать более серьезно, если ловили третий раз, то его могли просто повесить. И развешивали на деревьях вдоль больших дорог вот таких вот попрошаек, паразитов, которые не просто попрошайничали, они образовывали группы и трудно было отделить. Днем они могли попрошайничать, ночью они могли с оружием в руках нападать, грабить. Четкую границу между раскольничьими шайками и христоролюбивыми нищими провести было очень трудно даже и государственной власти. Шли вот на такие вещи. Видите, как оборачиваются благие дела, если их как-то не контролировать, и не регулировать.

Пару слов я вас скажу о том, что там сейчас за система.

Поскольку церковь сейчас прямо уже в политическую деятельность не вторгается, только в Италии она еще пытается. После Второй мировой войны в Италии, во Франции, в латинских странах образовались христианские демократические партии и эти партии там долгое время были у власти. Сейчас церковь отходит от всего этого дела под влиянием идей Иоанна XXIII и Иоанна-Павла второго, и сосредотачивается на своих совершенно внутренних делах. Все равно очень большие, конечно, масштабы благотворительности. Особенно в США, в Англии, в Германии.

Историки говорят так, что создателями современной Америки были три человека: предприниматель, изобретатель и филантроп. Вот как они смотрят. Филантропа они ставят в число краеугольных камней современной Америки. Ну и действительно, масштабы там колоссальные, я вам говорил уже, что у них до 120 млрд. долларов в год идет на благотвори-

тельность. Это совершенно фантастические деньги, конечно. У этой благотворительности самые разные направления, и интересно, что они разработали и утвердили очень интересную организационную форму этой благотворительности, которая устраивает и гражданское общество, и сам бизнес. Америку иногда называют империей благотворительных организаций, которые и собирают и расходуют эти самые миллиарды. Англия. Не такие, может быть, безумные масштабы, но тоже самое. Армия спасения действует с 1878 года. Когда-то это была новость, теперь об этом знают. Миссии спасения были такие, для падших людей, для удовлетворения материальных нужд. Немцы очень любят благотворительные организации, причем при их такой дотошности, при их стремлении к организации у них уже в 19 веке были очень интересные формы. Например, они сделали сельские колонии для того, чтобы занять людей неустроенных, безработных или просто как-то отбившихся. Много было вариантов этих сельских колоний, которые обрабатывали землю и т. д. Дело это не очень пошло, сейчас у них там никаких сельских колоний нет, государство все это взяло на себя. С 1852 года у них действует система благотворительности, которая старается дойти до каждого дома и до каждой семьи. Для этого нужно очень много волонтеров, но немцы могли это делать. Целая система попечителей у них давно уже была. Например, семья попечителей берет шефство над четырьмя нуждающимися семьями. Она оказывает им частично, может быть, и материальную помощь, но главным образом она влияет на них. Один раз в две недели они встречаются, семья благотворителей с семьями подопечных, и они помогают им решать свои проблемы. Идея опять-таки заключается в том, чтобы как-то прийти морально упавшим людям на помощь и помочь им в этой сложной общественно-государственной системе. Кого-то положить бесплатно в больницу и т. д. Эта система у нас потом в Москве и в России тоже была применена. Очень интересная форма была – станции призрения или питания в Германии. Взять опеку над семьей, над человеком

– это ведь не такая простая вещь, не всегда, не всем это под силу. А вот такая станция призрения для питания в Германии. Они ведь очень подвижные на Западе, Если у них нет работы, они начинают ездить по всей стране, часто выезжают в другие страны. Ищут, совершенно спокойно остаются в новых местах. Но для того, чтобы облегчить им это дело организовывались такие станции призрения. Там все на деловых началах. Вы можете получить ночлег и ужин, если проработаете два часа. Там готова работа для вас. Вот вы два часа проработали (работа для каждого может быть своя), вы получаете ужин и ночлег. Потом дальше вы соображаете, куда вам ехать. Вам говорят, там-то есть еще одна станция, там вы можете поискать работу. Справочные бюро. У нас тоже существуют службы, которые помогают в подыскании работы. Но они там давно уже в Германии и в Англии устраивали такие совершенно на общественных началах справочные бюро о бедных, где собирается информация о том, где, кому, какая требуется рабочая сила. Очень распространено там, на Западе, и церковь там этого не боится. Церковь там очень часто превращается в такие организации массового влияния. Существует такой статус: священник-экскурсовод, например. Это священник, который занимается тем, что водит экскурсии по стране, по городу. И, естественно, он как-то влияет на людей.

Церкви нового типа. Там их очень много. С гимнастическими залами, с библиотеками, детскими комнатами. То есть пришла семья, взрослые могут присутствовать на службе, а детей можно отправить в детскую комнату, в библиотеку. Молодежь, которая не склонна очень долго слушать службу – она может пойти в гимнастический зал при церкви. Все это соответствующим образом организуется, у нас тоже масса сейчас всяких спортивных организаций и т. д., но они ни в коей мере с духовным миром, с духовной жизнью, они никак не контактируют. А там очевидно и тренеры подбираются соответствующие. Это не значит, что он будет у тренажера вам заповеди возобновлять в вашей памяти. Он сам своим обликом, своим

поведением, своей речью, своей какой-то благожелательностью он сам будет лучшим представителем своей духовности, чем если бы он им тут все это говорил. Вот они все время стараются это дело совмещать. В некоторых странах уплачивают благотворительные налоги, как например, в Канаде. Небольшие благотворительные налоги, но, тем не менее, вы должны их уплатить.

В той же Канаде существует не традиция даже, а уж обязанность, что каждый учащийся парень или девушка должен отработать тридцать часов в год на благотворительной ниве, и когда он отработает их, вы дадите ему справку. Она придет с этой справкой в свое учебное заведение, и ему поставят зачет, в его какую-то школьную книжку.

Некоторым, может быть, это не понравится, но у нас же при советской власти ставили зачеты за общественную деятельность. У нас там разная была общественная деятельность. Это все была сущая формалистика, надо было просто как-то извернуться, но без зачета ему семестр соответствующий не засчитывался.

У них там, Канада, одна из самых свободных, одна из самых таких вольготных стран. Вот там молодежь притесняют вот таким образом.

То есть государство оно тоже занимается вот этими делами, и государственные организации тоже.

Ислам

Аравию населяли кочевые племена. Занимались они разными делами, были у них некоторые центры, такие, как два знаменитых города – Мекка и Медина, которые были торговыми центрами. У арабов насчет своего ремесла было негусто. Они занимались торговлей. Основная масса племен – так называемые бедуины. Они пасли овец, верблюдов и лошадей. Случалось, занимались и разбоем. Угоняли скот, непрерывно воевали друг с другом, угоняли друг друга в рабство и продавали.

И вот так они жили до начала VII века.

Тогда появился оригинальный и непонятный для многих человек, его звали Мухаммед, сам он происходил, как говорят, из знатного рода. Это 570 год н.э., то есть в это время и иудаизм, и христианство уже устоялись, уже были традиции, уже были книги, уже была масса общин и иудейских, и христианских в той же Аравии. Но в основном это была земля таких кочевых бедуинов. Они были ужасно свободолюбивы, у них не было государства, у них были только племенные вожди.

Отец Мухаммеда умер, когда он еще не родился. Мать умерла, когда он был еще маленьким мальчиком, и его воспитывали родственники. Ну конечно с самого детского возраста пас овец и работал везде, совершенно ничем не выделялся. Потом он стал ходить с караванами торговыми на Север и на Юг. Юг – это Йемен, юг Аравийского полуострова.

Там были очень сильные христианские общины. И в других местах – в районе нынешней Сирии, там были иудейские общины. Человек обладал, безусловно, очень пытливым умом, и знакомство с жизнью этих общин давало ему широкий кругозор.

У всех арабских племен были свои боги. Поклонялись как язычники, кто чему, кто кому. Он стал проповедовать среди своих племён, что надо прекратить это идолопоклонство. В Мекке была знаменитая Кааба, которая сейчас центр их поклонения, и там были десятки племенных богов поставлены, и каждое племя им молилось. Он стал проповедовать идею единого Бога, Бога Всемогущего, Бога Всеведущего. О себе он говорил, что он пророк этого Бога, что ему были видения, что архангел Гавриил являлся к нему, что он свыше получил откровение и т. д.

Примерно 10 лет он подвергался гонениям, поношениям, всяким издевательствам. Разница была только в том, что одни считали, что он больной, а другие считали, что он жулик. Но в это время ему очень повезло с личной судьбой. Он стал работать приказчиком у одной очень богатой вдовы, которую звали

Хадиджа. Он стал ее приказчиком, водил ее караваны, он продавал ее товары и т. д. и этот брак с ней был очень удачным с обеих сторон. Пока она была жива, он не брал себе других жен. С большим уважением и с любовью они относились друг к другу, она его поддерживала.

Преследования были очень серьезные, но, в конце концов, как-то часть его родственников прониклась. Он человек был незаурядный, красноречивый, очень убежденный. И постепенно, сначала некоторые его родственники стали поддерживать, некоторые из его племени. Вокруг него сплотился небольшой тесный кружок очень убежденных сторонников его самого. Из рядов этого тесного круга потом выходили первые халифы мусульманские.

Он стал записывать то, что он получал во время своих видений или просто так. Он стал записывать то, что ему сообщал Бог. И из всех этих записей сложилось то, что называется Кораном. Дело шло. Кроме идеи единого Бога, он стал создавать и разрабатывать новую модель жизни для этих людей. Потом она утвердилась.

В чем она заключалась? 5 раз молитва. Начиная от восхода солнца и кончая его закатом пять раз молитва. Надо верить в единого Бога, надо уважать и почитать его пророка, надо совершать молитвы пять раз в день. Перед молитвами омовение, чтобы смывать с себя грехи. Надо полностью выдерживать священный месяц рамадан, когда нельзя ни пить, ни есть от восхода до заката солнца. Надо быть дружным и поддерживать друг друга. Надо материально помогать друг другу, давать деньги на бедных и на саму организацию.

Из Мекки Мухаммеду пришлось бежать в соседний город Медина, который принял его с распростертыми объятиями. Там уже были его сторонники. Бегство в Медину произошло в 622 году. Это окончательный разрыв с миром идолопоклонников и от этого года мусульмане ведут свое летоисчисление.

А в 632 году он уже умер. Но за эти 10 лет он успел создать организацию целую. Он успел создать начало государства даже.

Он был очень практичный человек. С одной стороны, возвышенный, а с другой стороны, очень практичный. Он был абсолютной властью. Пророк Аллаха, Бога. Любое его слово принималось к исполнению, поэтому вокруг него возникла очень сильная, сначала хотя бы и небольшая, военно-религиозная организация, с которой справиться не мог никто. Среди правоверных строгая дисциплина, нельзя друг с другом там драться, тем более убивать друг друга. Все решения принимает пророк, какие бы у них там ни были разногласия, конфликты друг с другом – все это решает пророк. Вот такая удивительная стала возникать организация. И вот знаете, он хотел вовлечь к себе иудеев. Первоначально идея заключалась в том, что был Авраам, который был послан Аллахом, был Моисей, были другие пророки, был очень хороший пророк Христос, которого надо ценить. Но христиане, за шесть веков, которые прошли после Христа, очень сильно его исказили, испортили, и вот теперь пришел новый пророк Мухаммед, который и само христианство очистит, и он еще более компетентный, более совершенный. Но поклонение всем предыдущим пророкам остается, и боже упаси, если кто-то будет их оскорблять.

Вот такая вот начиналась организация. Сказочные были успехи.

История благотворительности в России

У нас в России благотворительность началась с Великого князя киевского Владимира, с принятия христианства. Сразу же как-то появились эти идеи благотворительности. Сразу же был поставлен вопрос о бедных, больных, нищих, голодных. Развозились продукты питания, устраивались разные пиры для людей, которым нечего было есть и т.д. Благотворительность в Киевской Руси в домонгольский период, в общем, развивалась и была достаточно значительной. Естественно, и отдельные представители феодальной верхушки уже тогда отличались. Были замечательные примеры, когда организовывали детские центры, причем сразу же, уже в X веке, детские центры и помощь больным, помощь голодным и т.д.

Потом наступил ужасный период татарского нашествия. И очень много людей оказалось на грани, вернее даже за гранью, между жизнью и смертью. И здесь опять-таки многое у нас погибло, наше государство фактически развалилось. Но общественность боролась и в эти тяжелые века, в эти тяжелые времена за людей.

Центрами этой борьбы были, конечно, монастыри и церкви. Вы знаете, что татаро-монголы церкви не трогали, налогов с них не брали. К церквям относились, в общем, так, с каким-то даже, может быть, преклонением. И очень много людей было спасено. Церковь в этот период поднимается как единственная общественная организация, которая сохраняла, вообще, страну, сохраняла народ и т.д. И так было достаточно долго.

Ещё до Петра в Москве было порядка сотни богаделен, в которых находилось около пяти тысяч призреваемых. Сотня богаделен, пять тысяч – это вообще не так мало, если учитывать, что население Москвы при Петре составляло тысяч двести, может быть, немного меньше. Пять тысяч, но цифры все,

в общем, оценочные. Историки взвешивают, математически обрабатывают отдельные данные.

Царь Федор Алексеевич ставит вопрос о необходимости государственного вмешательства в благотворительность. Аргументируют это тогдашние государственные деятели тем, что развелось невероятное количество нищих. Это российский феномен, российское «нищелюбие». Жизнь была такая, что люди, простые люди не разбирались, действительно человек болен или он мошенник и жулик. Подавали всем, помогали всем. И создалось целое сословие праздных паразитирующих нищих.

Петр I уже очень энергично вмешивается в это дело и ставит вопрос о том, что государство обязано заниматься благотворительностью. У него десятки указов, распоряжений, направленных на то, чтобы навести порядок в этом мире нищеты и бедствий, отделить действительно страдающих и нуждающихся в помощи общества людей от бездельников и паразитов, отделить их друг от друга. И для одних создать госпитали, направлять их в госпитали, направлять их в монастыри, отправлять их под опеку церкви. А с другими поступать очень строго: заковывать в железо, бить плетью, клеймить, отправлять даже не в армию, а на флот, отправлять в рудники, на железоразрабатывающие заводы и т.д. Петр, вы понимаете, человек был суровый.

Вот таким образом предписывали людей, которые пострадали на войне, инвалидов войны, солдат, офицеров и распределяли по монастырям, поскольку они не могут кормиться собственным трудом. И монастыри обязаны их содержать.

Но, вы понимаете, обилие вот этих указов и распоряжений вовсе не означает, что они все исполнялись. Это была такая своеобразная пропаганда декретами, законами. Тем не менее, всё-таки кое-что делалось.

После того, как Петр умер, до периода Екатерины Второй, все дела были пущены в основном на самотек.

Завершает этот период благотворительности Екатерина

Вторая. В 1775 году, уже буквально на следующий год после своего воцарения, она подписывает подготовленный Иваном Ивановичем Бецким (был такой деятель нашего образования, просвещения, благотворительности) Указ о создании Воспитательного Дома в Москве. Там сейчас Военная Академия имени то ли Суворова, то ли Кутузова. Это около Яузского моста огромный великолепный комплекс. Незаконнорожденных детей бросали. Стали туда брать детей. Просто брать. Думали, что женщины будут стесняться новорожденных детей туда приносить, которых или не могут выкормить или не хотят выкармливать. Были устроены приемные пункты, где она могла отдать его в какое-то окошко, не называя себя. За Московским воспитательным домом через некоторое время был создан такой же воспитательный дом и в Петербурге. Причем, в своем указе Екатерина написала, что общим иждивением надо создавать это дело, т.е. что не просто государство вам отвалит и всё. Большие деньги были нужны. И деньги были найдены. Этот воспитательный дом в основном был построен на деньги Демидова. Потом этот воспитательный дом оброс всякими прочими заведениями - сиротскими институтами и т.д. Там была очень высокая смертность, как во всяком государственном большом учреждении, там была очень высокая смертность. Её никак не могли толком уменьшить даже в 19 веке. Иногда, я боюсь даже цифры эти произносить, умирало до девяноста процентов тех детишек, которых вот удавалось туда собрать.

Но все-таки дело было начато. А потом в 1775 г. Екатерина создает целую систему благотворительности. В каждой губернии создается Приказ общественного призрения, через букву «и» пишется. Призрение, призреть – значит помочь, пригреть и т.д. Дали каждому Приказу что-то по 15 тысяч рублей, т.е. деньги были очень малые. Было разрешено каждому губернскому Приказу общественного призрения заниматься коммерцией, т.е. отдавать эти деньги в рост, кредиты выдавать под проценты, вкладывать их в какие-то там кампании, предприятия и т.д. Я вам должен сказать, через 50 лет из этих вот

15000-х сумм вырос общий капитал в 25 миллионов рублей. Они должны были создавать училища для детей, больницы, богадельни, естественно. Капитала всё равно не хватало. Была поставлена такая проблема в общегосударственном масштабе, чтобы собирали еще пожертвования частных лиц.

У нас, конечно, несколько одностороннее представление об этих тогдашних учреждениях. Мы сразу вспоминаем «Ревизора» гоголевского, Землянику – попечителя богоугодных заведений, и прочие такие вещи. Конечно, как во всяких казенных заведениях, много там было всяких недостатков. Но всё-таки важно то, что проблема была поставлена в государственном масштабе. Это имело очень большое значение.

Павел I дальше двинул это дело. Он создал нечто вроде Министерства социальной помощи. Он создал Ведомство императрицы Марии. Его жена, Мария Федоровна была очень деятельным человеком. Сначала она занималась этими двумя воспитательными домами и небольшим количеством приютов. А потом, в течение следующего столетия ведомство императрицы Марии насчитывало уже 400 или 500 разных учреждений. Больницы, приюты, богадельни, целые общества благотворительные стали сюда входить. В основном, ведомство императрицы Марии тоже существовало на частные средства. Государственный бюджет давал туда очень небольшие суммы. Почему давали частные средства? Ну, это был и почет, и потому люди все-таки тоже хотели принять участие в этом деле.

При Александре I начинают развиваться ещё другие благотворительные общества. Например, было создано такое Человечколюбивое общество, было создано Тюремное благотворительное общество. В каждой губернии был тюремный мужской комитет и тюремный женский комитет. Тюремный мужской комитет, как правило, возглавлялся губернатором. Они собирали деньги, они попечительствовали над тюрьмами. Это не значит, что они старались помочь побыстрее освободиться, пересмотреть судебные решения. Нет, они собирали дополнительное питание, они собирали одежду, они старались устроить там

мастерские, потому что в те времена не было принято, чтобы заключенные работали, а работа в местах заключения очень важна нормальному заключенному. Создавались мастерские, создавались библиотеки. Как правило, жены губернаторов возглавляли Дамский благотворительный комитет о тюрьмах. Естественно, если первые лица губернии занимаются этим делом, то уж, конечно, они не остаются одиночками. И, хотя бы из карьерных соображений чиновники или деятели местного бизнеса и помещики для того, чтобы высветиться перед вышестоящими, конечно, участвуют в благотворительной деятельности. Короче говоря, всё-таки это был период, в основном, государственной, казенной благотворительности, но под крышей этих государственных благотворительных организаций всё-таки появлялись люди, которые хотели принимать участие в этом деле. Какие-то силы общественные стали создаваться.

Во второй половине XIX века было отменено крепостное право. Крепостное право сдерживало развитие общественной жизни. Поэтому настоящее развитие благотворительности начинается после освобождения крестьян в 1861 г.

В 1864 г. государство разрешает существование общественных организаций. В сельской местности – это земства, в городах – это городские думы. И земства, и городские думы не являются частью государственного аппарата. Они называются организациями самоуправления. Выборы, конечно, не на основе всеобщего избирательного права. Право голоса имеют, может быть от одного до трех процентов жителей Москвы, например. Тем не менее, это общественность. Все решения этих общественных организаций должны быть утверждаемы в государственных учреждениях, то есть в канцеляриях губернаторов. Целые отрасли жизни отдаются этим общественным организациям. В городах – это образование, начальное и среднее, это здравоохранение и это все коммунальные проблемы. До этих реформ, например, улицы Москвы принадлежали министерствам. В результате этих реформ город получил власть над своей территорией. И, более того, город был обязан уже

заниматься благоустройством. К этим общественным организациям предъявлялись претензии, они получили право учреждать свои налоги, свои, кроме государственных. И на эти свои налоги они должны были работать в этом направлении. Естественно, в этих рамках развитие благотворительности пошло совершенно невиданным темпом.

И ещё, самый главный момент. Вы понимаете, помещик, барин совершенно не был заинтересован в развитии, например, грамотности своих мужиков. Они должны были пахать, сеять традиционным образом. Если они пьянствовали, то он драл их розгами или, вообще, мог сослать в Сибирь, отдавать в солдаты и т.д. Фабрикант, заводчик нуждался в грамотных рабочих. Этого требовал от него бизнес, требовал от него рынок. Когда они начали создавать свои фабрики и заводы в конце еще XVIII века, эти люди буквально плакали от того, что нет рабочих. Желających работать много, но никого нельзя взять, они настолько неграмотные, что только всё ломают. Короче говоря, возникла потребность в этой самой благотворительности. Она стала не просто делом духовных порывов, как это в значительной степени было раньше, она стала объективной экономической необходимостью.

Фабрикант был заинтересован, чтобы его рабочие не болели, чтоб его рабочие не помирали рано, потому что ему придется новых обучать, и это невыгодно. Неграмотность невыгодна, дикость невыгодна, плохое состояние рабочих невыгодно и так далее, и так далее.

И вот тут эта гуманитарная, филантропическая деятельность сливается с объективной потребностью. И начинается поэтому социальное развитие на совсем другом уровне. Я могу сказать так – это была часть жизни. Это была часть жизни, вот как у нас при советской власти была общественная деятельность. Считалось, что каждый нормальный вообще советский человек обязательно кроме производственной деятельности, от которой он получает деньги, должен заниматься еще бесплатной общественной деятельностью, кто чем. Ну

вот, в какой-то степени можно сказать, что благотворительная деятельность до революции – это и была общественная работа всякая. Она была в самых разных форматах. Богатые люди в основном вкладывали деньги в благотворительность, их жены вкладывали свой труд в благотворительность, а простой народ жертвовал, что мог, даже иногда очень небольшие суммы и принимал участие в этой благотворительной деятельности тоже своим трудом.

ЛЕКЦИЯ VI

Благотворительность в Москве XIX – начала XX в.

Я напомним, что я говорил в прошлый раз. Московская медицина, например, была построена практически на благотворительных началах. У нас были казенные больницы уже, сеть казенных больниц у нас была до середины девятнадцатого века. Это Екатерининская больница, старая Екатерининская (сейчас она называется МОНИКИ), новая Екатерининская больница – это все было построено в дореформенные времена на казенные средства. Мясницкая больница была, Басманная больница, Яузская больница – вот такой круг лечебных заведений.

Во второй половине девятнадцатого века масштабы уже совершенно другие. Вырастают три города медицинских – один на Девичьем поле (там сейчас все застроено, а было поле совершенно пустым перед Новодевичьим монастырем). И первой там построила медицинское учреждение женщина - Варвара Алексеевна Морозова. У нее была фабрика, очень большая фабрика в Твери. При этой фабрике был социальный комплекс – театр, больницы и все прочее.

А в Москве на Девичьем поле она строит психиатрическую клинику и называет ее именем своего недавно умершего мужа Абрам Абрамовича Морозова. Тот был очень деятельным человеком, построил прекрасную фабрику. Но к концу своей жизни стал очень сильно хворать, нервное заболевание оно перешло в какую-то психиатрическую патологию, в общем, он умер. В честь его Варвара Алексеевна ставит клинику и передает ее в ведение Московского университета.

В это время в Москве психиатрии вообще не было никакой. Был медицинский факультет Московского университета, но там не только кафедры не было, но там не было ни одного сотрудника, ни одного доцента не было. Психиатры приезжали из Петербурга или из-за границы. И вот Варвара Алексеевна

ставит эту клинику, полностью ее оборудует и потом она каждый год перечисляет средства, остается попечительницей. Система была такая. Вы даете деньги, что-то создаете – какой-то приют или больницу или что-то. Собственностью вашей это не является. Это становится собственностью или медицинского факультета университета или города. А вы можете, если хотите, остаться почетным попечителем этого медицинского учреждения, соберете какую-то группу людей и будете собирать с них деньги и добавлять в бюджет этой больницы.

Потом стали создаваться другие психиатрические заведения в нашем городе. Самое крупное – это (ей сейчас вернули старое название) Алексеевская психиатрическая больница. После революции сняли имя Алексеева, капиталиста и дали фамилию участника революционного движения доктора Кашенко, который был очень полезным работником. Он был главным врачом этой больницы, но ни в коей мере не основателем. Эта Алексеевская больница строилась очень интересным образом. Денег не было. Денег никогда нигде ни на что не было, но из положения выходили... Московский городской голова Николай Александрович Алексеев (потом я покажу вам его маску посмертную и фотографию) очень близко к сердцу принимал несчастья этой категории больных людей. Относились к ним как к людям, одержимым нечистым духом, – их били, связывали и так далее и т.д. И он на заседании Государственной Думы поставил вопрос о том, что надо, наконец, покончить с этим безобразием и создать какой-то крупный центр. Причем до этого он пытался расширить уже существовавшую на Яузе напротив Преображенки психиатрическую больницу, которая сейчас носит имя доктора Гиляровского. Ее расширили, увеличили. Но это было слишком мало. И он поставил вопрос о том, что надо, в конце концов, построить что-то капитальное. Денег совершенно не было. Он первым внес 300 тысяч рублей и потом собирал у московских бизнесменов деньги на это дело. Вообще-то, благотворительность – это умение собирать деньги. Давали по-разному. Морозовы – по 100 тысяч, по 150

тысяч, по 300 тысяч. Были некоторые другие жертвователи очень крупные. Но были и люди, которые довольствовались какими-то очень незначительными суммами совершенно.

Существует анекдот (я вам, по-моему, не рассказывал), как Николай Александрович обратился к каким-то очень состоятельным людям, собравшимся в Думе, с просьбой вносить деньги. Там оказался один человек, который сказал ему – «Ты просишь-то не так. Что же я тебе вот так даром дам деньги. Вот ты мне в ноги поклонись, и тогда будет другое дело - 25 тысяч дам». Ну, старого закала такой купец, которому надо было шапку ломать. Николай Александрович говорит: «Ну что же, слава Богу!» Стал перед ним на колени, поклонился и говорит ему: «Ты, брат продешевил, я бы перед тобой на колени и за 5 тысяч встал». Тот смущен, а все смеются вокруг конечно. Тот смущен, да. Ну, в общем, ну он был очень находчив на язык, и надо было этого деятеля еще уколоть, вот. В общем, денег было собрано много. Причем некоторые очень богатые люди жались, давали по тысяче рублей миллионеры, с огромными капиталами. Ничего, у них у всех принимали. Бывали случаи, что и 300 рублей человек давал с всероссийским именем давал. У всех принимали. Некоторые денег вообще не давали, но привозили кирпич на строительство, бревна, доски, известь. Все это собирали. И, в общем, первую очередь выстроили довольно быстро. Потом Николай Александрович погиб. Его застрелил в его кабинете, кстати говоря, человек, который был признан потом душевнобольным. Вот, он погиб, но дело продолжали. Сделали вторую очередь. Да, перед самой своей смертью (оставалось ему там день еще пожить) и он сказал своей жене, чтобы она дала еще деньги, и она, по-моему, еще 300 тысяч, да, 300 тысяч еще она добавила на это дело. Александра Владимировна Алексеева.

И создался очень крупный комплекс, причем они там долго торговались. Была такая же бюрократия, была такая же несогласованность, каждый тянул в свою сторону, ругань страшная, где взять землю. Город чего-то торговался. В конце концов,

нашли у купца Канатчикова, выкупили землю Канатчикова дача. Выкупили или поменяли ему, где-то в другом месте ему дали. В общем, Дума эта городская крутилась-вертелась. Землю нашли. Сейчас там осталась половина примерно, их обрезали очень здорово. Но там был пруд (теперь он уже не в больнице), там был лес. Вообще прекрасное дело. Вот так они создали очень крупный психиатрический центр, и, значит, он стал действовать. Он был самый крупный в Европе тогда. Вот так они решили эту, значит, проблему с психиатрией.

Вот психиатрия как-то появилась у нас. Я вам, по-моему, говорил, что когда она еще создала свою первую больницу, то сразу же пригласила на роль главного врача (она юридических прав не имела приглашать, конечно, но она порекомендовала). А поскольку она вложила 800 тысяч в это дело, то с ее рекомендацией считалась. И Дума назначила Сергей Сергеевич Корсакова главным врачом в этой больнице. И он, мало того, что лечил там людей, естественно, он вырастил там школу московских психиатров. И все те фамилии, которые мы сейчас знаем, они все вышли из этой клиники Варвары Алексеевны, они все ученики Корсакова. Это Сербский (сейчас есть Институт судебной психиатрии имени Сербского), Гиляровский, вот (это крупная больница на Яузе), Россолимо (улица есть такая Россолимо), психиатр очень серьезный такой был, тоже ученик вот этого человека.

То есть вы видите, они не просто была такая благотворительность просто помочь людям, а еще сверхзадача была определенная – создать такой центр медицинский, чтобы там своя школа выросла. Не было тогда в Москве своей школы. Была Бехтеревская школа в Петербурге, а тут появилась Корсаковская школа. И он оказался очень талантливым человеком. Он сделал несколько научных открытий, ученики его были на очень хорошем уровне. Появилась школа Московской психиатрии.

Не было и онкологии у нас – ни кафедры, ни специалистов, ничего не было. Говорили, что есть такие болезни, которые

называются «опухоли». От опухоли люди умирали. Что за опухоли? Варвара Алексеевна уже очень крупно израсходовалась на психиатрической больнице. И тут она сказала своим Морозовым, что давайте вкладчину как-то. И они собрали, в общем, что-то много, порядка полумиллиона. Уже ее дети подросли, сыновья, у которых были свои капиталы. Они дали деньги, она дала деньги, и кто-то из Морозовых. И возник Онкологический центр у нас вот. Затем, и врачи появились у нас, онкологи.

Затем, что еще у нас из медицинских новшеств. Ну, естественно, хирургия была очень сильная. 13 клиник было выстроено. В течение примерно лет пятнадцати они выстроили 13 клиник по всем основным направлениям, по всем болезням. Школа московская появилась хирургическая.

Детская больница была одна на М. Бронной. Там очень плохой был климат, Козье болото, гнилой воздух, и дети там очень здорово умирали. И стали строить детские больницы. Первую больницу построил Павел Григорьевич фон Дервиз в Сокольниках. Она называется теперь Русаковской (с них фамилии всех создателей сняли и дали им названия разных большевиков). Вот, был какой-то Русаков, вот вам Русаковская больница.

Условия были еще такие. Благотворители часто ставили такое условие, чтобы их хоронили в помещениях церкви (при больницах же внутренние церкви бывали обязательно), в самих храмах, в криптах, то, что находится на полу. Вот Бахрушиных похоронили в Бахрушинской больнице. Технология была такая. Вы подаете заявление, – желаю построить такую-то больницу. Городская Дума должна дать согласие. После этого составляется устав и направляется в Петербург на высочайшее имя. Вначале каждое благотворительное общество утверждалось императором. Потом их стало столько, что уже это было немыслимо, – утверждал министр внутренних дел. Потом стали утверждать заместители министра внутренних дел. И в уставе Бахрушинской больницы, (которая в Соколь-

никах сейчас находится, называется 33-я больница, целый огромный комплекс), там было записано. Что они, во-первых, имеют право из своей среды выдвигать почетного попечителя (т.е. общественный контроль и сбор денег) и, во-вторых, они имеют право быть похороненными в церкви, во внутренней церкви этой больницы. Вы обращаете внимание, что на старых больницах купола везде, крестов уже нет, но купола везде. Естественно, стремились, чтобы больные могли, не выходя из помещения, или их там даже носили, чтобы они могли принимать участие в церковных службах.

Детская медицина была тоже создана вся на общественные деньги. Первым построил Дервиз. Потом была детская больница Хлудова Василия Алексеевича. Разные были люди. Василий Алексеевич был человек очень талантливый, но совершенно несерьезный. Отец его однажды отлучал от семьи даже за мотовство, потом простил, потом он все-таки пропил все свои деньги, которые отец ему оставил. Но детскую клинику успел построить на Девичьем поле, такое оригинальное здание (сейчас там все перекроили, конечно, другие уже лечебные заведения). В общем, выстроили там целый город. На Девичьем поле выстроили целый город. Солодовников дал большие деньги на клинику кожных болезней. Ему сказали, что вот очень венерические болезни в Москве распространились, ну, просто безумно, надо лечить как-то. И он говорит: «Ну, что же это вы напишите «Клиника венерических болезней имени Солодовникова»? Ничего я вам не дам, ни одной копейки. Потом они доторговались, что она будет называться клиникой кожных болезней. Ну, тоже что-то порядка 300 тысяч. Целый город... И было там два храма, один (так они и стоят, между прочим, сейчас) в начале этого городка, а второй храм, печальный, в конце. Это для отпевания тех людей, которых не вылечили и которые скончались. Вот выстроили такой медицинский город на Девичьем поле, рядом с монастырем, недалеко от Б. Пироговской улицы. Один в начале, более или менее недалеко от этого бульвара огромного, а другой уже в конце, поближе к

монастырю. Больницы были в собственности у медицинского факультета Московского университета, но благотворители за всем этим делом наблюдали. Я сам видел в психиатрической клинике, книги хранятся и всякие документы - В. А. Морозова столько-то тысяч на то-то, столько тысяч - на то-то и т.д. Естественно, они были люди очень такие, знавшие цену деньгам. И они использовали, конечно, свое право почетного попечителя для контроля, для такого общественного контроля. Вот на фотографии тот, который сидит, это Абрам Абрамович, первый муж Веры Алексеевны, а дальше сидит Тимофей Александрович. Тимофей Александрович – это отец знаменитого Саввы Тимофеевича Морозова. Он построил огромный гинекологическо-акушерский комплекс, т.е. не просто детские больницы лечить больных, но лечить женщин еще. И акушерству они предавали большое значение. Так вот он построил там этот комплекс, он больницы еще другие строил. И говорят, что он вел себя там очень своеобразно. Приходил и шел прямо в какой-нибудь корпус, поскольку, конечно, имел свободный доступ. Их там все знали. Никаких преград. Он мог прийти в любой момент дня и ночи посмотреть, чего там творится. Конечно, командовать он не мог, распоряжения администрации отменять он не мог. Но держались они всегда очень властно. Приходил прямо в палату и спрашивал, как, чего. Говорят, вопрос у него как-то был такой:

— Ну, как у вас...позавтракали?

— Позавтракали.

— Молочка-то вам давали?

— Молочка не давали.

— Так, а яблочко-то давали вам?

— Яблочка тоже не давали.

Тогда он обращается к представителю администрации и говорит, «в чем дело? Я ж велел, чтоб давали». Вот это была очень полезная вещь. Если они видели, что ни того не давали, ни сего не давали, они обращались в городскую Думу с просьбой прислать какую-то комиссию, проверить, куда деваются

яблочки там, молочко. Могли возбудить вопрос о смене руководства. Сами, конечно, менять не могли, но поставить вопрос могли. Вообще вот была такая еще интересная вещь.

Сейчас столько разговоров идет о медицине у нас, об организации медицины. В Москве при городской Думе был, естественно, медицинский совет из врачей, не из чиновников, а из врачей, причем из наиболее опытных авторитетных врачей. И ни один вопрос на городской Думе по медицине не обсуждался без предварительной проработки этого вопроса в совете, в этом врачебном совете. Вот, и только после того, как они там до чего-то договорились и вынесли какие-то свои рекомендации, эти городские власти выносили этот вопрос на обсуждение. Это была очень важная вещь. И естественно, что нелепостей уже быть не могло. Могло не хватать денег, могли быть какие-то решения не в ту, а в другую сторону. Но уже смешных вещей, как сейчас мы очень часто сталкиваемся, что находящиеся во главе наших медицинских ведомств чиновники выносят решения несуразные просто в силу своей некомпетентности. И вот так они делали эти дела.

Первый больничный город у Новодевичьего монастыря, второй – в Сокольниках. Там был вообще-то лес. Сейчас по Стромынке движение сумасшедшее, а было тихо. И вся Стромынка была застроена больницами. Самый крупный там медицинский комплекс – это Бахрушинская огромная (сейчас она называется 33-ья больница). Там очень интересный комплекс: больница и рядом приют для неизлечимых больных. Ну, это люди, сами понимаете, которые уже и не ходят или что-то ещё. Подлечат этого неизлечимого – и в богадельню. Он там проживет какое-то время, обострится его заболевание – его опять в больницу и т.д. Вот это очень большой такой Бахрушинский комплекс. Ну и на другой стороне Стромынки, если вы пройдете даже пешком, вы увидите, что там огромные комплексы красного кирпича здания. Вот, например, Боевы, такие очень крупные тоже благотворители. Они построили медицинские учреждения, а рядом они построили дом бесплатных квартир.

И тут же рядом они построили учебное заведение – школу и училище, потому что в доме бесплатных квартир будут жить бедные семьи, у них дети, чтобы дети могли тут же учиться. Делались такие комплексы – медицина, образование и бесплатные квартиры. Там была богадельня Ермакова очень большая и т.д. Ну а на самом почти берегу Яузы стояла Екатерининская богадельня. Это длинная история. Когда-то Петр поселил туда инвалидов, списанных с флота. Они там жили, и фабричку для них сделали текстильную. Они парусину делали. Ну, а потом это превратилось просто в богадельню. Екатерининская Богадельня. В советские времена всех их оттуда убрали и сделали там общежитие Московского университета. Огромный такой комплекс – общежитие Московского университета.

Второй город в Сокольниках, третий город здесь. Это называлось не Октябрьская площадь, а Калужская площадь. Здесь тоже очень хорошее место, рядом Москва-река. Калужская, точнее Б.Калужская, которая почему-то называется Ленинским проспектом, была очень тихая. В середине этой Б.Калужской были деревья, такая лесная полоса. Когда стали эти деревья ликвидировать в 30-е годы, обнаруживали там дубы 300-летние и т.д. Здесь с давних времен жили очень богатые люди – Орловы, Шаховские и т.д. Но постепенно эти земли стали заниматься больницами. Первой построили тут Голицыны больницу, Она выглядит как роскошная барская загородная усадьба. Потом город построил 1-ю градскую, а потом 2-ю градскую построил городской голова Щербатов. На городские средства воздвиг очень большой медицинский комплекс. Потом тут семейство купцов Любимовых построило дальше клинику кожных болезней. И, наконец, сибирские золотопромышленники Медведниковы построили тоже очень большой комплекс для неизлечимых больных. Там богадельня была и больница. Сейчас церковь занимается этой больницей и называется она больница имени святителя Алексия. Во время войны там был госпиталь. Такое очень хорошее лечебное заведение. И, наконец, в самом конце, вот там (всегда это была,

конечно, Калужская застава, сейчас она называется площадь Гагарина) и туда вниз спуститься, там есть такой Андреевский монастырь. Давно он был основан, в 17 веке. Когда-то там один из первых наших допетровских благотворителей боярин Ртищев устроил школу для молодых людей в основном дворянского сословия. Их учили латыни, греческому. Преподавали там монахи, украинские монахи, которые все это знали. Философию они проходили и т.д. Потом этот монастырь при Петре стали превращать в убежище для самых разных категорий населения. Во второй половине 19 века в этот монастырь забрало уже московское купеческое общество и создало там огромную богадельню. Это целый город. Там два храма и по периметру прямоугольника трех – четырехэтажные здания, в которых находилось около тысячи пожилых людей, не имевших своего убежища. Вообще тысячных богаделен у нас в Москве было четыре или пять. Вот, таких крупных размеров. А мелких было очень много. Вот, если на Донскую улицу посмотреть, вот тут справа от нас сразу было три богадельни. В одной из них сейчас помещается пенсионный фонд, вторая скрыта, уничтожена, а в третьей помещается почта. Вот тут прямо буквально на маленьком участочке три богадельни, причем здание пенсионного фонда отличное было построено московским городским головой Тарасовым. Вот такая вот вещь. Вся Донская эта улица она вообще была набита благотворительными учреждениями разного рода. Она считалась как бы загородной улицей. Там дальше Третьяков создал училище для глухонемых детей, два больших корпуса (там сейчас детские учебные заведения находятся). Потом там знаменитая Ногтевка, психиатрическое тоже лечебное заведение. Много тут всего было. Какой-то приют для слепых детей. Много, много. Вот, улица была вся заполнена этими благотворительными учреждениями.

Итак, три крупных медицинских города. Были вне этих комплексов еще другие крупные лечебные учреждения. Причем у них была, конечно, тенденция создавать мощные комплексы,

не маленькие больнички, а очень большие комплексы. До 19 века не было у нас никаких родильных домов в Москве. Люди звали акушеров на дом. Перед революцией у нас было уже больше десяти, как тогда говорили, родовспомогательных медицинских заведения. Создавались они при участии городской власти, но в основном частными лицами

Дальше. То, что сейчас называется поликлиники. Это лечение приходящих больных, не стационары, а поликлиники. Они тоже начали создаваться в основном на частные средства. Тут у нас есть устав такой поликлиники для ремесленников, для Ремесленного Общества. Очень интересная картина разворачивается. Деньги очень небольшие, арендуют дом какой-то. Своего помещения нет. Арендуют дом. Откуда средства? Есть несколько категорий благотворителей. Одни – почетные члены благотворительного общества, это люди, которые сразу дают несколько сотен рублей. Такой человек может дать 500 рублей, 800 рублей один раз в жизни. И больше его никто не тревожит. Но во всех отчетах, везде его с уважением вспоминают как почетного члена этого благотворительного общества. И человек 150 обычных рядовых членов общества. Они стремились сделать участие в благотворительной деятельности доступным для широкой публики. В благотворительном обществе были членские взносы, как в советские времена в профсоюзы, общества спасения на водах и т.д. Взносы очень разные – от рубля до 5 рублей а год. Рубль все-таки – это очень небольшая сумма для желающего и даже женщина, которая собирала милостыню, на паперти храма, рубль в год она внести могла в благотворительное общество при каком-то детском приюте или при богадельне. Она естественно чувствовала себя участницей, практической участницей. Не только молилась за больных недужных несчастных, она еще практически участвовала в этой всей деятельности. Основная масса обществ была недорогая 3 рубля, 5 рублей в год, ну иногда 7 рублей в год. Система благотворительных обществ покрывала всю Москву. Естественно, при каждой гимназии было свое

благотворительное общество. Учеба в гимназии стоила очень дорого. Для простого человека 100 рублей в год это минимум. Заработная плата ткача, я вам рассказывал, рублей 15 в месяц. Причем, за год со всякими премиями он мог рассчитывать в лучшем случае на две сотни рублей. А заплатить в гимназию за одного ученика в год надо было 100 рублей. Поэтому у детей бедных родителей был выход только один – тех, кто учились на отлично, на пятерки, благотворительные общества старались освободить от платы за обучение. Они за них вносили деньги. Бывали случаи, семьи такие известны, когда по три, по четыре мальчика и девочки из таких недостаточных семей оканчивали гимназию бесплатно. Ну и поскольку они хорошо еще учились, то им давали грамоты, им давали в подарок книги. Старались освободить от платы за завтраки, учебники. Такая практическая была помощь благотворительных обществ при учебных заведениях.

Были благотворительные общества при Московском университете, при Высшем Техническом училище, даже при Офицерских училищах были благотворительные общества. Тогда не было такой огромной массы людей, все друг друга знали. Эти благотворительные общества иногда помогали тем, кто окончив учебные заведения, не мог устроиться, чего-то у него не получалось или заболел. Вот таким людям оказывали то же самое помощь. Помнили долгие годы своих сокурсников, однокашников и им помогали. Это учебные заведения.

Дальше. Благотворительные общества, например, были такие. Благотворительное общество «Приказчик». Работает человек приказчиком в течение своей жизни, платит вот эти трёхрублевые взносы в год, для него это не проблема, может быть, пять рублей в год. Когда наступает время ему уходить с работы, и он, допустим, не накопил никаких денег и т.д., это общество может оказывать ему помощь или устроить его в какую-то богадельню. Но для этого приказчики должны были организоваться. Вся благотворительность требует организации. Вот, для того, чтобы вам потом помогали, нужно, чтобы

было это общество. В Москве благотворительных организаций было около тысячи. Никто из них не имел оплачиваемого аппарата. Платили в каждом обществе только одному человеку. Это назывался счетовод (не бухгалтер, бухгалтер-это большая фигура, а это счетовод). Зарплата счетовода в Москве была рублей 25 от силы 30. Это все, все штатные расходы. Все остальные в обществе работали бесплатно, вот. В обществе есть совет и есть практические работники. Старались в Совет привлечь какую-то фигуру известную. Ну, vip-персону какую-то. Это какая-то княгиня или это предприниматель какой-то очень крупный серьезный известный в своем районе, или кто-то ещё. В совет входили вот такие авторитетные люди, которые могли подписать под ходатайством поставить или пойти куда-то с прошением в чиновничьи инстанции и т.д. А обычная публика, которая работала в этих благотворительных обществах - это простые люди, которые просто выражали желание заниматься этим делом. Вот такая система благотворительных обществ.

В Москве тогда было порядка полутора миллионов жителей. Вот и считайте, на полтора миллиона, может быть, немного побольше, - тысяча благотворительных заведений. Это, в общем, совсем не мало. По России у нас считалось, министр внутренних дел Маклаков дал эту цифру, что в благотворительной помощи нуждаются 8 миллионов. По статистике оказывалась она все-таки была нужна только одному миллиону. В больших городах, конечно, эта пропорция была выше, а вот где-то в глубине, в деревнях там, конечно, с этим делом было хуже. В Москве и денег было больше и уровень культуры, сознательности - всего было больше. Только сто одна богадельня была при церквях, 101 богадельня. Но конечно, это очень скромные были заведения. Вот я вам предъявлю доказательства. Это обычно небольшой домик при церкви, в котором живет 3-4-5-6 женщин, совсем пожилого возраста, не имеющих никакой опоры в жизни. Они ведут всю уборку в церкви. Им за это представляют кров, тепло (они там живут) и им платят. Церквей в Москве было очень много. Бывали такие приходы,

что на храм в центре города приходилось 2-3 дома, т.е. сборы там были очень небольшие, там же причт, священники. Поэтому женщинам этим, которые жили в богадельне, материальная помощь была очень небольшая. Иногда даже рубль давали в месяц и все, 2 рубля, 3 рубля – это прилично. Ну, и они должны были где-то еще подрабатывать что-то. Очень скромненько они жили.

Вот из одной такой богадельни нам достался вот этот вот предмет. Это деревянная скульптура Божией Матери. Здесь рядом на Якиманке есть церковь Ивана Воина, и при этой церкви богадельня была небольшая. И вот там была у них, у этих нескольких женщин, вот такая вот скульптура, совершенно самодельное такое произведение. Скромно они там жили, но, во всяком случае, они не были выброшены на улицу, у них был какой-то коллектив, все-таки они были вместе, и, конечно, они были под моральной защитой священника, храма самого. Это была, в общем, вполне такая уже человеческая жизнь, а не какого-то одинокого брошенного человека. 101 богадельня такая. Разные богадельни – от тысячи человек, которые жили в Андреевском монастыре, до, может быть, 2-3-4 женщин при каком-то очень скромном храме московском. В общем, система действовала и главное то, что ведь все это опять-таки была самодеятельность, здесь нельзя просто рассчитывать все в рублях. Рубли-то были и не такие большие, скромные. Но их никто не заставлял это делать. При одной церкви была богадельня, при двух соседних не было богадельни. Значит, священники, причт этой церкви заботились, собирали деньги, строили какое-то маленькое зданьице. Т.е. это все было, как сейчас говорят, гражданское общество, самодеятельная совершенно инициатива людей, пусть в самых скромных размерах все это было.

Про искусство, культуру скажем кратко, так как это не благотворительность. В Москве, почти создавалось на частные деньги. У нас только Большой театр финансировался из Петербурга. В Петербурге там, конечно, императорский Эрми-

таж, Русский музей. А у нас то, что там создавал Александр Ш, у нас создавал Третьяков. И они конкурировали друг с другом. И очень иногда сердились друг на друга, потому что на выставке то Третьяков перехватит картину у императора (чаще бывало так, потому что он был подвижнее, заботливее и больше понимал в живописи), то тот где-то у него что-то перехватит. Такая разница была между Москвой и Петербургом. То же с театрами, то же со всем на свете. Все это делали сами богатые люди и даже, может быть, не очень богатые. У Рубинштейна Николая Григорьевича никакого капитала не было. Тем не менее, он Консерваторию создавал. Вот как вела себя интеллигенция. Конечно, она была в другом все-таки материальном положении тогда. Оно было более устойчиво, Это был средний уровень.

Я вам говорил о том, что ремесленники решили создать свою поликлинику. Они пригласили нескольких врачей. Врачи работали бесплатно. Иногда, когда врач давал в газете такое объявление, что врач такой-то, живущий там-то и там-то дает бесплатные медицинские советы в понедельник и среду с 10 до 12 утра. Все, и любой человек мог к нему прийти пожаловаться на свои боли. И он оказывал медицинскую помощь. Он мог дать какую-то рекомендацию. Написать направление в какую-то больницу у него, конечно, власти не было. Таким образом они выполняли свою клятву Гиппократу. Вот таким образом. Никто его не финансировал, он работал, где-то в больнице он работал, частный прием он мог вести коммерческий. Но все-таки два раза в неделю он ведет приемы. Врачи, у которых были средства лекарствами снабжали такую совсем уже бедноту. Придет какая-то бабка, у которой язва или что-то, перевязки там, допустим, элементарные. Интеллигенция вот так участвовала. Фельдшеры - кто-то бесплатно, а кто-то и за плату. Санитары – за плату в этой больнице ремесленников, уборщики за плату работали. Составляется бюджет, годовой бюджет. Обязательно каждое благотворительное общество печатает свой отчет. Не просто раздают ксерокопированные

листочки. Обязательно сотни этих обществ печатают свои благотворительные отчеты: вот какая-то детская больница, пожалуйста, тут Мариинское родовспомогательное заведение, тут Н.Новгород (по Н.Новгороду нам довольно много досталось). Уж не ахти какой-то огромный город, но сколько там всего было. Вот некая Ермолаева Евгения Робертовна сделала духовное завещание, и городская дума Н.Новгорода заслушивает отчет о том, как исполняется ее завещание. Завещание утверждал суд, потом на исполнение передавали душеприказчикам. Каждый, кто завещает, называет трех душеприказчиков по их согласию. И потом эти душеприказчики должны были отчитываться до копейки. Потому что, вы же сами понимаете, человек умер, растащат все. У нас, конечно, не очень много этих отчетов, но, тем не менее, все-таки картину они дают. Вот устав общества вспомоществования при частной женской гимназии. Вот чем они могут помогать несостоятельным учащимся – бесплатная выдача книг и учебных пособий, снабжение одеждой, пищей и приютом неимущим, если они не могут приобретать их собственным трудом. Учреждение для бедных учениц столовых, дешевых квартир, общежития, склады учебных книг, нуждающимся приискание работы, медицинские пособия, помещение в больницу, бесплатная помощь слабым по успехам ученикам и т.д. И тут всё расписано. Средства откуда – членские взносы, доходы с капиталов общества, пожертвования и всякие общественные мероприятия. Вот они еще собирали деньги на общественных мероприятиях, а также подписные листы и книжки, кружечный сбор.

Во время 1-ой мировой войны кружки стояли везде: раненым воинам, инвалидам войны, детям солдат мобилизованных, детям погибших и т.д. «Помощь тем-то и тем-то».

Подписные листы. Вот как Алексеев строил эту больницу и решал социальные проблемы в городе. Открывает городской голова заседание и говорит: «Господа, абсолютно необходимо построить такую-то больницу», или что-то ещё. Господа улыбаются и говорят: «Денег нет. Можем в следующие годы чего-

то подумаем». Он говорит: «Дело не терпит отлагательства». Они говорят: «Денег нет». Тогда он говорит: «Ну что ж, ничего не остается – я объявляю подписку». Берет лист бумаги и пишет: «Подписной лист на создание больницы или приюта какого-то. Алексеев». Ставит цифру и передает им. Ну, сами понимаете, восторгов, аплодисментов никаких нет. Все люди жмутся, трутся, но кто-то чего-то там напишет. Потом эти листы пускают в других местах. И, в общем, глядишь... Важно начать строительные работы. А потом он уже говорит: «Ну, что ж, господа, корпус построен, стены поставлены, крышу покрыть денег нет, ну, давайте, как-нибудь еще». Ну, и выжимает-выжимает-выжимает. Они знают, что он не отстанет. И, в конце концов, глядишь, что-то новое появляется.

Такая система благотворительности существовала у нас в Москве. Она была, конечно, распыленная, потому что этот говорил: «Мне на глухих наплевать, я буду помогать слепым». Ему говорили, что лучше бы глухим, потому что слепым уже чего-то есть. Он говорил «нет». И все. И он будет помогать только слепым. Другому нужно что-то еще - грудным детям, третьему ещё что-то. Могло быть много одних заведений и совершенно не было других. Конечно, тут городская Дума должна была обращать на это внимание. Но, в конце концов, тот же Николай Александрович Алексеев обратил на это внимание и выдвинул идею – создать всеобщую систему благотворительности. К несчастью, не успел это осуществить, погиб. Но его преемник, Рукавишников Константин Васильевич это дело сделал.

Город разбили на 28 участков и в каждом участке создали общество, благотворительное участковое общество - Арбатское, Хамовническое, Рогожское, Серпуховское и т.д. и т.д. Двадцать восемь обществ. Создали структуру. Во главе каждого общества стоял Совет. Председателя Совета назначала городская Дума. Ну, конечно, из местных людей. Город давал треть денег. Остальное они должны были собирать сами со своих состоятельных людей. Подписки, концерты, общественные

мероприятия, как хотите. Две трети вы будете собирать сами. И вот была создана такая структура, и она действовала до самого 917-го года. Естественно, город постарался, чтобы знаковые лица возглавляли эти территориальные общества. Ну, например, Рогожская часть, она не центральная, там, понимаете, аристократии никакой нет, но там была фабрика Алексеевых. И одного из них запрягли возглавлять Рогожское участковое общество благотворительности. Это был Константин Сергеевич Алексеев (тогда он еще не был Станиславским). Он был молодой парень, его сделали председателем этого общества, вот этого попечительства о бедных Рогожского территориального района. Как они работали. Они должны были обследовать каждый дом, составить картину на всей территории своего участка своего района. Чтобы они знали семьи во всяком совсем уже упавшие, совсем уже гниющие, совсем ужасные. Молодежь, конечно, работала, гимназисты, студенты, если они где-то были, и вот волонтеры вашего типа. Ходили по домам. У каждого был опросный лист. И на каждую бедную семью заполнялся этот лист: состав семьи, состояние, кто работает, кто учится, состояние здоровья, практические нужды какие-то. И потом с этими листами люди шли в Совет и говорили: «У меня таких-то 5 семей» и т.д. И совет уже, исходя из своих возможностей, решал. Первое, чем занимается Совет, это разгрузить эти гниющие семьи. Вынуть детей в приюты, стариков в богадельни, безработным - помочь с работой, больных подлечить как-то в больнице. Это первое, что они могли сделать, не тратя ни копейки денег, пользуясь своей нравственной властью. Дальше они начинали соображать. Совсем голодные люди, нечего есть. Тот человек, молодой парень или не очень молодой, который эту семью обследовал, ему писали записку к какому-то местному бакалейщику, торговцу бакалейными товарами «Просим, Милостивый государь, Иван Петрович, просим оказать помощь такой-то вот нищенствующей семье, как вы можете». Он давал, чего он мог давать – крупу он давал, песок давал сахарный в каком-то количестве, масло растительное

давал. И волонтер относил им туда. Денег им не давали, потому что ясно было, что пропьют, несмотря на всю свою нищету. Дальше. Холод, зима, мороз. С такой же запиской или сам идет к владельцу дровяного склада. Вы-то уже не помните по своей молодости, а мы-то помним. Эти дровяные склады были везде. И выпрашивает там какое-то количество поленьев дров. Как-то их привозит на каких-то санках, чтоб они могли затопить печку. Деньги дают только в том случае, если нужно уплатить за квартиру домовладельцу, чтоб он их не выгнал оттуда. Вот только в этом случае. Причем сам волонтер берет эти деньги, относит домовладельцу, с ним устанавливался контакт и т.д. Правило было такое, что раз в две недели этот волонтер должен был навещать свою подопечную семью и смотреть, чего у них там твориться. А потом он должен отчитываться на Совете, что он сделал. Вот такая система.

Бывали ведь у нас такие дыры в Москве, где половина жителей этих трущоб нуждались ну просто в первоочередной помощи. И вот эти добровольцы все это делали. Москва покрылась сетью таких участковых благотворительных обществ. Это было очень серьезное дело. Оно успешно развивалось. И городская Дума очень этим делом сильно занималась. Сотни людей были заняты в этих делах.

Была такая категория женщин, которые обладали особыми качествами. Иногда в отчетах их фамилии упоминаются. Они очень умели выдирать средства. Причем такая особа имела, так сказать, свою территорию. Вот, как говорят, нищие имеют свою территорию. Если сосед заметит, что на его территорию вторглись, пришельца побьют. Вот эти собиратели благотворительных взносов, они тоже имели свою территорию. Эту особу в данном доме уже все знали. Знали, что перед Рождеством она придет и будет просить на то, на се, на пятое, на десятое. И отвязаться от нее не будет никакой возможности. И какую-то сумму она соберет. В следующий раз она придет на Пасху и будет то же самое. Понимаете, такие люди всегда есть и работает она бесплатно – это ее долг внутренний. На таких

людях очень многое держалось. Конечно, в каждом территориальном обществе никаких платных чинов, ничего. В совете все работают бесплатно. Только казначей что-то получает.

Когда Алексеев стал Станиславским и создал Художественный театр, он взмолился, что он совершенно не может, потому что он еще директор своего торгово-промышленного товарищества. Тогда его освободили и нашли другого - Зубова Николая Васильевича, который жил на Таганке. Внучка его до сих пор обитает там, на 3-ем этаже их дома. И Николай Васильевич Зубов взялся председательствовать в этом Рогожском территориальном благотворительном обществе и заниматься этими делами.

Что еще интересного. Разовые мероприятия. Сейчас покажу вам такую штучку. Благотворительные общества имели свои значки. Кто-то, чтоб пыль в глаза пустить придумывал сложную комбинацию из металла чем-то покрытого. Кто-то имел простенькие значочки. Они давали этот значок в награду. Вот вы дали какую-то деньгу на что-то и они дают вам этот значок, понимаете.

Была такая вот еще история. Последнее воскресенье апреля в Москве и других городах устраивалось такое очень интересное мероприятие, которое называлось День белого цветка. Вот такой цветок – ромашка из бумаги. Группа женщин московских создает такой комитет, совет, как хотите. И в газетах даются объявления, что такого-то числа в Москве будет проводиться День белого цветка или белой ромашки. Собранные деньги пойдут на лечение туберкулеза, туберкулез был ужасный, косил людей всех подряд. Вот и все. И они изготавливают эти цветочки самые дешевенькие. Сколько они стоят? Копейку, пол копейки. И в назначенный день сотни молодых женщин выходят на улицы Москвы с корзинками, в которых находятся эти цветочки. У этого сейчас вид ободранный. А свеженькие они так более или менее выглядят. У каждой такой особы лента. Там написано – «День белого цветка» или что-то в этом роде. При ней состоит кавалер, который несет

ящик. В ящике прорезь, а крышка запечатана сургучной печатью. Все уже знают, что цветок стоит 3 копейки, т.е. минимум 3 копейки вы должны положить, минимум. Но где они ходят? Конечно, они ходят в первую очередь в центре, около ресторанов, около театров. Бывали случаи, когда эта энергичная публика пробиралась в театр. Был случай, когда эти сборщики зашли в Художественный театр. Там был этот перерыв, антракт. И там стали ходить по рядам. Немирович-Данченко рассвирепел, что сорвут вообще все на свете, дал им 500 руб, чтобы они тут же выматывались. Рестораны, бульвары. Сейчас бульвары прогулочными местам не являются, а раньше гуляли там. Апрель, последний выходной, хорошая погода, кавалеры, дамы – все на свете. По 3 копейки никто не кладет. Кавалеры, естественно, не хотят ударить в грязь лицом, они кладут там какие-то деньги, иногда и хорошие очень. И вот так ходят. На пролетарских окраинах, там дело идет туго. Там рабочие говорят «самим жрать нечего». Тогда идут к хозяину. Хозяин говорит: «Ладно, вот вам деньги, а мы с них по 3 коп., может, меньше вычтем в зарплату, наверно, не помрут». Набираются деньги. К ночи они все собираются. Никакого офиса, ничего. Откуда у них чего, ничего у них нет. Сотня этих женщин с кавалерами проходят в квартиру председателя всего этого комитета. Иногда это жена московского градоначальника. И там они высыпают все содержимое своих ящичков и считают. И пока не сосчитают, конечно, никто не расходится. Подбивают общую сумму и распределяют. Распределение очень простое. Может быть, они решают построить новую здравницу туберкулезную, значит, собралась порядочная сумма. А в основном больным дают какие-то суммы, чтобы оплатить путевки в туберкулезные здравницы. В Крыму у нас были эти здравницы. Наутро в газетах везде публикуется информация, что собрано столько-то, вплоть до копеек. Распределено таким-то образом. Все успокаивается до следующего апреля в День белого цветка.

Когда бывали голодные годы в России, делали День хлеб-

ного колоса. Тоже делали какое-то подобие этих колосьев, собирали на голодающих. Вот такие разовые кампании.

Вообще благотворительностью, я вам говорил, было пропитано все на свете. Вот давайте я вам покажу книжку. Занудная книжка такая – «Указатель для выбора книг», то есть библиографический указатель по различным областям знаний. Тут живопись, тут римская литература и т.д. И написано «В пользу голодающих». Какой это год? 92-й, 1892-й год. В пользу голодающих. То есть типографские издательские всякие дома какое-то количество литературы делают в пользу голодающих. Такое вот интересное дело. Головы у людей работали.

Вот смотрите «Московская торговля», это ксерокс. Был составлен рекламный сборник. Тут фирмы, которые отчисляют 1% или что-то около того от своей выручки на благотворительность. Это реклама такая, понимаете. Тут пруд пруди этих магазинов, сотни – «Своими руками», какая-то «Лампа» и т.д. Приходят к владельцу магазина и говорят. Вот у нас образуется такая группа магазинов, которые соглашаются поучаствовать в сборе средств. Может, они пол процента всего отчисляют (не думаю, что они много отчисляют, но что-то они отчисляют). Вы согласитесь принять участие в этой компании, мы вас помещаем в этот список. Конечно, никаких уменьшений налогов, ничего этого делать не будут, но изобретательность очень интересная.

Как в семьях детей приучают к этому делу. Например, праздник, Рождество, Новый год, именины чьи-то, день рождения. Семья, собираются гости, такая интеллигентная семья, небогатая, но такая вот состоятельная все-таки, не нищая какая-то. Дети, это было принято, дети готовят стихотворения, какие-то спектакли делают, песенки поют. Кто может, играет уже легонечко на каком-то инструменте. Делают концерт. Гостей предупреждают, что, вы, конечно, приходите, но билеты у нас будут платные. И собирают какие-то деньги, 20 копеек, может быть, с каждого приходящего гостя, может быть 50. И все эти деньги отдают детям, которые этот концерт устраивают. И из-

вестно детям, всем, что деньги пойдут на благотворительные цели – в приют какой-то или что-то они там сделают.

Когда были голодные годы, у нас такое было интересное общество. Общество школьных столовых в Москве. Наступил голодный год. Общество сосредоточилось на сборе денег для голодающих. Вот как они собирали деньги для голодающих. Вы можете сдать 20 коп., полтинник. Мальчик может из копилки вынуть. Куда сдать? Очень просто, можно отнести в редакцию газеты. Вот газета «Русские ведомости» такая была. Тоже, финансировала Варвара Алексеевна. Они принимали деньги в помощь голодающим. И на следующий день в этой газете список 5-6 фамилий. Там иногда так: «От Пети, Вовы и Маши – 43 коп.». Они наскребли где-то, небольшие суммы. Дальше: «Леонид Витальевич Собинов - выручка от благотворительного концерта рублей», вот. Механизмы благотворительного дела были очень простыми и доступными. И никаких налогов, вы сами понимаете. Потому что, если это крупная сумма, как у Собинова, то никто ничего не облагает. Он отдал на помощь голодающим.

Выдающиеся деятели эти впрягались в благотворительность уже капитально. Знаете, что когда был голод 91-92 годов, Лев Толстой создал в самых голодных губерниях 150 столовых, в которых кормили голодающих крестьян и детей. У него были помощники, и они собирали очень серьезные деньги. Причем приходилось разбираться с администрацией, потому что администрация голодающих губерний заявляла, что никакого голода нет, все в порядке. А что там недоедают, то они сами все сделают. Приходилось жаловаться, писать. Уже когда начали помирать массами, тогда уже их пускали туда. И эти люди, типа Льва Толстого, собирали деньги, закупали хлеб, где он дешевле, и везли туда в виде муки. Это колоссальная работа. Приезжают в деревню, выбирают избу, выбирают женщину, которая будет печь хлеб и варить похлебку. На всех не хватит. Кого кормить? Положение разное. Одни уже совсем помирают – это 1-ая очередь на кормежку. Дети – первая очередь. А те,

кто мало-мальски еще тянется, те сами говорят «ладно, мы потом», вот. В 91-92 годы огромная организаторская работа разворачивается по всем этим губерниям, охваченным голодом. Лев Толстой 2 года ничего не писал, не занимался никаким литературным трудом, дома не бывал – все там. Кончился голод - все разъезжаются по своим домам, начинают заниматься своими делами. Журналисты, врачи туда едут. Дальше. Скотина падает – сняли солому с крыш, скормили. Надо хотя бы минимум сена им туда, иначе пахать будет не на чем. Следующий год может урожай будет. Вот такие разовые мероприятия – туберкулез, школа, помощь голодающим. Что сейчас у нас – прежде чем, чего-то создать говорят, что надо создать фонд. Тогда никаких фондов, ничего. Вот сделали с белым цветком и разошлись. Следующий март они начнут шевелиться, собирать деньги, делать эти цветы и т.д. Такая была атмосфера в нашем отечестве в старые времена.

Пресса, газеты. У нас материалов–то сейчас в прессе нет. Благотворительность-то есть – и вы ходите что-то делаете и другие, а материалов нет, потому что пишут о всяких преуспевающих артистах, авторах книг и т.д. А если писать об этих вещах, то ведь не очень веселая история. Это надо все вскрывать, это надо все показывать. Мы уже давно отвыкли от этих вещей. У них это все было каждый день. Иван Сытин издавал газету. Вот, пожалуйста, «Искрой» называлась. «Новый детский сад в Москве 7 июня 1913 года открыли для детей, не имеющих возможности проводить лето в школьных колониях» (школьные колонии - это, что у нас назывался пионерлагерь). Вот вам «Детский праздник у памятника доктору Гаазу». Гааз, вы знаете, это немецкий врач. Вот столько-то насобирали с разных районов Москвы. Памятник до сих пор стоит в переулке недалеко от Курского вокзала. Вот, пожалуйста, вам - Всероссийская лига борьбы с туберкулезом.

У нас есть кое-какие фотографии. Вот это «Общественные работы на Ходынском поле». Это для безработных. А это музей кустарного дела. Создала Мария Клавдиевна Терехова

в Смоленске. А вот это-то какая прелесть. Смотрите, какие джентельмены лежат – «Камеры для вытрезвления». Негосударственное тоже учреждение. Там они уже в разных стадиях – одни в лежачем состоянии, другие уже поднимаются. Эти отчеты я уже вам показывал. Впрочем, вот интересный. «Отчет по колонии посемейного призрения душевнобольных». Что такое за посемейное призрение? Это значит, больных берут в семьи. Всего 77 человек.

Теперь, что было во времена общенародных потрясений. Началась война, 1-ая мировая война. Москва стала центром по приемке раненых. Всех везли сюда. Город создал тысячу лазаретов, 1235 госпиталей. Это на 1 марта 15-го года, война уже полгода шла, 1200 госпиталей. Частные лица создали. Разные люди, в этом участвовали. Шаляпин Федор Иванович создал сразу два госпиталя. Один у него был в Москве, другой в Петербурге. Конечно, он туда приходил. Там есть фотографии, как он с ранеными толкует. Это полное обеспечение. Во-первых, это выделяются помещения какое-то, 1-2-3 палаты. Во-вторых, ищут врачей и их оплачивают. Санитары, белье, короче говоря, полное содержание этого госпиталя. Конечно, не только частные лица это делали. Гимназии делали у себя такие госпитали. Освобождали какое-то тоже помещение, класс-два подсобные. 1200 госпиталей Москва одна только создала за полгода.

Наверно, походить нам немножечко с вами надо. Давайте посмотрим. Вот там, смотрите под этим портретом человек с черной бородой и его дети. Это Хлудовы. Внизу слева - Алексей Иванович, справа – Герасим Иванович. До сих пор на Язуе у нас стоят здания благотворительного комплекса, который они там построили. Купили земли, построили несколько зданий. Очень хорошо все выглядит. Это для людей, лишенных крова. Они жили бесплатно, с детьми. Детей учили, медицинский центр был и т.д. Это очень дорогое было удовольствие – создать такое. А потом они до самого 18-го года полностью содержали этот благотворительный центр.

Были, как бы теперь сказали, и проекты помельче. Вот промышленные здания Хлудовых у себя в Егорьевске. А вот там дома жилые для рабочих, богадельня и больница. Богадельня для стариков, больница и дома для рабочих. В одном из домов я был. У семьи есть комната. Там тепло, нормально и т.д.

Давайте вам еще покажу Кострому. Большое село Родники и при нем целый городок. Построен он Красильщиковой Анной Михайловной. Говорили, что у Анны Михайловны было два платья. В одном она фотографировалась, а во втором руководила фабрикой. Очень деятельная женщина, довольно суровая. Но все было построено. Были построены училища, больницы. В окружающих фабрику деревнях построили школы, чтобы дети крестьян приходили к ним на фабрику уже грамотными. Школа считалась как первый цех. Борьба с пьянством. Здесь у них очень интересные картинки даже есть. Они ввели статистику, и они вывели такое соотношение – с повышением грамотности на какой-то процент соответственно падает алкоголизм, примерно настолько же процентов. Вот так, люди практические были. Это очень важно, потому что алкоголизм на производстве – это страшная вещь. И все это делали не только такие известные и просвещенные предприниматели как Морозовы, а это обычные фабриканты провинциальные.

Давайте дальше. Сейчас мы просто посмотрим на лица, на людей. Вот этот человек в Петербурге - очень хороший коммерсант. Обычные крестьяне-огородники из-под Суздаля пришли в Петербург и устроили сельскохозяйственную ферму. Стали разводить там овощи, фрукты, ну потом понастроили оранжерей. У них там были и персики, и абрикосы и все на свете. Стали миллионерами. И естественно, богадельня, больница, школа. На окраине Петербурга все это было построено. Вот такая очень обычная вещь.

Рябушинские. У Рябушинских много предприятий. Получили они три с половиной миллиона прибыли за год. Заплатили в казну сразу в качестве налога 1 миллион. Миллион в казну, это включая военный налог, это примерно процентов

29. Дальше средства идут капиталистам. 750 тысяч – это дивиденды на акции, награды и всё такое прочее. 605 тысяч – пособия, пенсионный капитал, помощь инвалидам, обучение, больницы, училища, богадельни, ясли. Таким образом, 750 идет капиталистам, 605 возвращается к рабочим в виде целого города при фабрике. Это вторая натуральная зарплата. Это то, что они бесплатно живут, бесплатно лечатся. Видите, бабушки тут сидят. Это богадельня. А в этом здании сейчас помещается строительное управление Министерства внутренних дел. Это был дом, в котором Рябушинские сначала жили сами, потом переехали на Бульварное Кольцо, а дом передали под общественную столовую. Таких общественных столовых было довольно много. Раздавалось 300 обедов в день, 500 обедов в день. Такая вот история. Это тоже такой был вид благотворительности.

Дома бесплатных квартир. С жильем было ужасно, потому что Москва росла стремительнейшим образом. Приходили деревенские люди работать, а жить было негде. Устраивались как попало. Но все-таки были такие организации, которые давали бесплатные квартиры.

А вот этот человек, это очень интересная фигура. Это Солодовников Гаврила Гаврилович. Я вам рассказывал, что он очень не хотел, чтобы на его клинике было написано его имя. Он начинал торговцем 3-ей гильдии. Насобирав очень большой капитал, очень был богатый человек. Образ жизни вел совершенно аскетический. О нем рассказывали, вся Москва рассказывала анекдоты, что Гаврила Солодовников в трактире спрашивает только вчерашнюю гречневую кашу, чтоб платить на 3 копейки меньше. У него был целый квартал между Дмитровкой и Петровкой, там, где театр Оперетты, которое тоже он построил. В этом квартале в аренду сдавались квартиры. Он запрещал своим дворникам закупать дрова для отопления этих квартир. Говорил, что много в Москве ломают всяких домов, заборов, доски ищите, режьте и топите, нечего, понимаете ли, вот. Гаврила Гаврилович дал 200 тысяч на Московскую

консерваторию. Самые большие деньги, которые кто-либо туда давал. Построил клинику на Шаболовке. Там, где сейчас помещается телевидение, Шаболовка 37. Там был Варваринский детский приют. В церкви святой Варвары, Гаврила Гаврилович сам был казначеем. Десятки лет девочки, лишенные родителей, там жили. Но самое главное, когда он скончался, открыли его завещание. Там было две цифры – 20 миллионов рублей на школы, профессиональные училища, дома дешевых квартир в Москве и больницу в его родном Серпухове. 20 миллионов. И 800 тысяч его семье. У него было двое сыновей. Они сразу подали в суд, пытались оспорить завещание. Но он все оформил, как надо, все было нормально, но сделал один промах – одного из своих сыновей включил в число душеприказчиков. И этот парень до самого 17-го года саботировал реализацию завещания. А там было написано, что в течение 20 лет надо эти 20 миллионов вложить. А поскольку надо было много всего продать, перевести в деньги и т.д., он и тянул, тянул. Все-таки два дома были построены. Недалеко от Рижского вокзала роскошные два дома стоят. В одном сейчас помещается офис Албанской фирмы, в другом какой-то Центросоюз или что-то в этом роде. Дома дешевых квартир. Не совсем они были бесплатные, но он написал в завещании, чтобы комната не больше 5 рублей в месяц, а стоило это намного дороже. Однокомнатная квартира – то же самое. Там уже были телефоны, там были лифты - все на свете. Вот такая очень интересная фигура у нас была. Вот такие люди были в нашей стране.

Господин Солдатенков из этой же породы. Он из Рогожской части. Он был очень опытным финансистом. Начал свое дело с отцовского наследия совсем небольшого, стал очень богатым человеком, миллионером. От него у нас осталась Боткинская больница для семей, не имеющих средств на платную медицину. Он завещал большие деньги на ее строительство. Там целый город сейчас. И еще что он сделал этот самый Матвей Юрьевич? Училище создал вот тут на Донской улице. Из этого училища выросла Текстильная академия в частности.

Там дома были построены. Мастерские этого училища – это сейчас завод, небольшой средний завод. Прекрасно все было сделано. Такой человек. Это тоже миллионер.

Были такие два брата Рукавишниковы, вот здесь они, младший и старший. Они устроили приют для малолетних преступников. Преступность молодежная была в Москве всегда, очень тревожные были факты. И они купили очень богатый дом, который продавало какое-то разорившееся дворянское семейство. Они все продавали. Купили, и в этот дом они стали брать парней, получивших судебный приговор. В основном это было хулиганство и воровство. И парни отбывали сроки не в тюрьме, а у них в этом здании. Потом можете посмотреть здание, там банк сейчас помещается. Там не было решеток, не было камер. Жили они нормально там. И они работали. Рукавишниковы были сами юристы, ни в какой детской педагогике они искушены не были. У них просто было твердое убеждение, которое они высказывали, что если человеку дать профессию, он воровать не станет, если ему дать возможность зарабатывать. Они устроили столярные и мебельные мастерские. Все это продавалось. Часть денег, вырученных от продажи, они помещали на счет тех парней, которые все это делали. И когда те выходили, у них были какие-то деньги. Вы видите, что это мебель не низкого совсем уровня, это прямо такой средний вполне. Тем более стояло в коммунальной квартире 100 лет, тут и полы мыли и все. Через 100 лет такой вид очень приличный. Этот парень, который делал такие вещи, выходил в жизнь не на 15 рублей уже. Его брали на любую мебельную фабрику, это уже мастер. Это не просто рабочий, а специалист.

Другая мастерская швейная. Учили шить фраки, сюртуки мужские, только мужскую одежду. Шилось вполне на уровне, для приличной публики. Когда попадали под суд парни деревенские, для них в Дмитровском уезде, сделали специальный филиал. Их учили пчеловодству, цветоводству, разведению спаржи и т.д. Они выходили фактически уже садовниками или кем-то в этом роде. Работать там было нелегко. Основная масса

ребят были не очень сильно испорчены, но попадались такие, с которыми уже поделаться было практически ничего невозможно. Они вели статистику. И по статистике у них получалось таким образом: из каждых 100 парней, которые оканчивали свои сроки в этом убежище или училище, в криминальный мир не возвращались. 91-95 %. Это замечательный показатель. Таких у нас было в России, по-моему, 18 учреждений. Деньги давали сами Рукавишниковы. Вначале все вообще было на их деньги. Городская Дума давала, она была заинтересована. Министерство внутренних дел давало, поскольку на каждого заключенного парня тоже чего-то ассигнуется. И вот таким образом они коллективно все это делали. Вообще установка у них была такая: в первую очередь помогать молодежи, находящейся в особо критической ситуации. У Третьяковых было училище для глухонемых детей на Донской улице, Павел Михайлович его создал и содержал. Их учили. Девочек - швейному мастерству, а мальчиков учили типографскому делу. В типографиях тогда хорошо платили. Вот такая вот вещь - не просто дать крышу мальчику, девочке-сироте. Выпустить, как они говорили, надо выпускать молодежь на хорошие деньги. Вот это обязанность, а не просто так вот пригреть, потом какую-то ему бумажку сделать и все пятое-десятое. Третьяков очень много денег вкладывал. Богадельня Третьяковская была на Серпуховской улице. Это был дом, в котором жили вдовы и сироты рано умерших художников. Детскую психиатрическую больницу первую создали Медведниковы (это рядом с Алексеевской больницей). Там очень хороший уровень.

Напротив Кремля на другой стороне Москвы-реки стоит огромное здание. Пожалуйста, смотрите. Сейчас там помещается самая нищая организация в нашей стране – Роснефть. А Бахрушины построили это для вдов и сирот. Комнату маленькую имела женщина с тремя и более детьми. И где-то внизу жили, как они называли, не студентки, а курсистки неимущие. Эти жили по несколько человек в комнате. Значит, что им давали, женщинам-вдовам: кров, тепло, свет. Детей они

могли отдавать в детский сад, даже в ясли, потом училище, больница, медицина вся. А женщинам давали снаряжение, чтоб они брали заказы и зарабатывали деньги, то есть, видите, не просто раздача. Благотворительность, мы с вами уже говорили, - это пробудить внутренние ресурсы человека, потому что кормить человека всю жизнь никто не может. Ему надо в критических ситуациях помочь, поднять его, и потом он сам пойдет. Это дорогое удовольствие. Рублей 120 стоила такая швейная машинка, как вы у нас видите. Поэтому, если вы зарабатываете 15 рублей в месяц, вы ее не купите эту машинку. А тут ее давали бесплатно. И вот в одной из семей, которые там жили, сохранилась та самая машинка. И человек ее нам принес и сказал: «Моя бабушка шила, бабушка шила хорошо, шила даже подвенечные платья». И они, в общем, жили, прилично зарабатывали.

Это Вера Ивановна Фирсанова вместе со своим отцом. Отец был крестьянин, курский человек. Нажил очень большие капиталы на торговле дровами в Москве и умер, отдал все деньги дочери. Дочь, сами видите, какая эффектная молодая особа. Много у неё в связи с ее привлекательностью было неприятностей в жизни, но она выстроила огромный вдовый дом в Фирсановке. А так она деньги не растранила. Построила Сандуновские бани, придала новый современный вид ресторану «Прага». Она организовала строительство таких вот очень дорогих высокодоходных домов.

Это Николай Александрович Алексеев. Я вам говорил, что он был убит в своем Комитете. Это его посмертная маска. Он был молодой, сорок ему было. Его двоюродный брат, Константин Сергеевич, тоже Алексеев, Станиславский. Очень плохое изображение. Алексеевы очень много занимались всякой благотворительностью. Отец Станиславского, Сергей Владимирович в Москве очень был известен, во многих делах участвовал. В частности, в Болшево на нем был приют для порочных девочек. Малолетних проституток собирали, туда их отправляли и на деньги Алексеевых пытались приучить к какому-то делу.

Это Павел Григорьевич Шелапутин с сыновьями. Он на 8 миллионов рублей построил школ, приютов. Институт гинекологии построил на Девичьем поле. На 8 с лишним миллионов рублей.

Это Сытин Иван, Иван Дмитриевич Сытин. Этот на деньги был очень жесток. Он создал самое крупное в России издательство. Вот такая книжечка Толстого у него стоила копейку, полкопейки. За рубль в магазинах Сытина можно было купить библиотечку из 23 книг, это практически вся российская литература. За рубль можно было это купить. Вот он фактически благотворительствовал таким образом. Том Пушкина до Сытина стоил 8 рублей. Сытин издал том Пушкина за 80 копеек. Прямые акции благотворительности у него были. Когда умер Лев Толстой (он издавал книги Толстого), Сытин издал два издания его сочинений: одно вон то – дорогое, видите, а другое – в бумажной обложке. И вырученные деньги отдал Софье Андреевне и всем детям Толстого с условием, что они земли, которые Толстой хотел отдать крестьянам около Ясной Поляны, бесплатно отдадут крестьянам. Долго там шла торговля на эту тему, но, в конце концов, он все-таки настоял на своем. Мужики землю получили. Толстой все время говорил, что Иван очень хитрый мужик, вы смотрите за ним. Толстой же требовал, чтобы рубашки снимали, понимаете. А этот имел 20-30 миллионов капитала.

Л Е К Ц И Я VII

Современные примеры благотворительности

Это человек, который начал организовывать то, что сейчас называется Международной организацией детских домов спасения. Это австриец, австрийский немец Герман Гмайнер, который прошел сам очень тяжелый путь в своей жизни. Путь обычный, наверное, для человека XX века.

Тироль, северная гористая часть Австрии, крестьянское хозяйство. Это начало XX века, крестьянское хозяйство, не какая-то элитарная среда, а самая простая и обычная. Небольшое состояние, очень трудовая суровая жизнь. Дети все работают, работает отец, работает мать. Хозяйство свое имеется. Все дети работают с раннего возраста. Денег на учебу никаких нет. В лучшем случае удастся обучить детей просто элементарной грамоте. И вот в этой семье один из мальчиков, который потом и стал основателем этой системы, с самого детского возраста обнаруживает большую тягу к учебе, к познанию. Мальчик выходит за пределы, обычного крестьянского трудового мира. Его замечают, ему помогают, отправляют его учиться в школу, которая находится довольно далеко от дома родителей. Он учится на средства церкви, ему помогают благотворительные организации. Ну и затем, естественно, его забирают в армию. Австрия входит в состав Германии. Его забирают в армию, и он проходит весь путь солдата, сержанта, начиная с тридцать девятого по сорок пятый год.

Путь этот очень тяжелый, в особенности, когда он попадает на восточный фронт. И там, в армии, с ним случается один случай, о котором он впоследствии рассказывал как о толчке ко всей своей дальнейшей деятельности. Он находился в составе воинской части в Белоруссии и жил в каком-то крестьянском доме (солдаты были размещены по домам), и он делился с семьей белорусских крестьян, у которых он жил. Он делился с ними своим солдатским пайком, потому что они жили очень

трудно. В первую очередь, он старался дать какой-то кусочек детям этой семьи. У них были очень хорошие человеческие отношения. И однажды, мальчик прибежал в дом (они уже понимали друг друга) и крикнул солдату: «Давай, беги, спасайся, пришли партизаны!» Гмайнер сумел как-то выпрыгнуть то ли в окно, то ли в дверь, ушел и запомнил этого мальчика. Запомнил детей, запомнил мальчика, который спас ему жизнь.

Кончилась война. Гмайнер был довольно тяжело ранен, вернулся к себе на родину. Он не переставал думать о волнующих его проблемах, естественно, с опытом всего пережитого. Его, в первую очередь, тревожило положение детей. В Австрии тоже в это время было очень много сирот. Отцы погибли на фронте, многие дети бродяжничали, находились в ужасном состоянии. И он тогда, в итоге, предложил местной общественности как-то начать собирать этих абсолютно брошенных несчастных детей. Народ там был простой, практичный, естественно, ему говорили: «ведь нужны деньги, нужен дом, нужно кормить детей, нужно пятое-десятое». И все-таки он начал это дело. Детей удалось найти довольно быстро. В конце концов, эти его мысли, настроения, призывы расположили к нему и самих крестьян, и местную администрацию. Один из жителей, руководитель маленькой строительной организации, построил дом для этих нескольких детей, которые вокруг Гмайнера уже собирались. Потом этот человек ему признался: «Я так думал, что если у тебя ничего не получится, то я заберу этот дом себе, и он мне будет очень кстати». Тироль – это не обычная местность, это не Германия, это Австрия, тем более, это горная местность. Люди там не были заражены гитлеризмом и сохранили очень много человечности, очень много хороших качеств. В конце концов, дело понемножечку пошло. Сейчас эти детские деревни имеются уже в ста сорока странах мира.

Я коснусь основных моментов. Задача заключается в том, чтобы вернуть брошенным, несчастным детям семью. Для этих детей организуют семьи. Это не какие-то огромные коллективы, как в наших детских домах, нет, состав семьи 6-8

человек. Во главе этой семьи стоит женщина, которую все называют матерью. Она полностью ведет все хозяйство. Семье полагается одно помещение, один дом, как правило, небольшой. На первом этаже у них общая столовая, где они собираются. На втором этаже у них комнатки, в которых по двое живут эти дети. Здесь же комната, в которой живет мать. Каждая мать, получает определенное количество денег на месяц на прокормление и на содержание детей. В пределах этой суммы, семья имеет полную независимость. Никакого расчета питания, столько-то хлеба, столько-то там сахара – мать сама все это определяет. Всё делается на полном доверии к матери. Одна склонна к овощному уклону, другая, может быть, – ищет зерновую какую-то пищу, третья еще что-то. Значит, мать укладывается в этот бюджет, и она должна в этот же бюджет уложиться с одеждой для детей.

Денежная сумма зависит от поступления благотворительных взносов. С благотворительными взносами они прошли целую стадию. Сначала думали, так же, как у нас все думают, что надо с богатых людей всё собирать, что источником благотворительности могут быть только состоятельные, богатые люди. Стали обращаться к ним, но там у них оказалось богатых людей не очень много. В общем, дело не шло. Тогда Гмайнер выдвинул такую идею: давайте обратимся к обычным людям с просьбой вносить по одному шиллингу, то есть самую минимальную сумму. И оказалось, что такую сумму может выделить практически любая семья, в которой есть работающий человек. Вот эти шиллинги, вспоминал потом Гмайнер, эти шиллинги потекли в гораздо большей массе, чем поступления от состоятельных, от богатых людей. Люди откликнулись на это дело.

Сначала его, естественно, считали чужаком. Потом увидели, что действительно, первая деревня создалась, сначала первая семья, первый дом, и дело пошло.

Жизнь, как они все вспоминают, была очень скудная, дети недоедали. Надо сказать, в Европе после сорок пятого года

скудно жили многие. Матери приходилось нарезать кусочки хлеба потоньше, поменьше, и расхватывали их дети мгновенно. Однако никаких конфликтов не было, обстановка была такая, что никто никого не обижал. Дети все работали. По достижении определенного возраста ходили в школу обязательно, но работали все с дошкольного возраста. Где дети могли работать? На огороде, Местное самоуправление дало какое-то количество земель, выпасов. Были у них куры, было у них немножечко скота. Дети все работали. Коллективы были трудовые, вся домашняя работа была на них, такая, какую они могли делать: мытье посуды, подсобная работа по кухне, помощь в стирке белья. И обязательно старшие ухаживали за младшими. Семья формировалась так, что дети были разного возраста, Принимались дети от 2-3 лет, выпускали их примерно в 15-16 лет, поэтому в семьях были дети разных возрастов. И, естественно, те, кто постарше, ухаживали за младшими, нянчили их, вводили в жизнь этой семьи. Поэтому практически никаких конфликтов не было. Все дети были заняты таким образом. На сон, естественно, время оставалось, дисциплина была достаточно строгая: время отбоя, время подъема, но заняты дети были сильно. Потом стало полегче, стало посытнее, уже хлеб стал даже иногда оставаться на тарелках. Пища была, конечно, самая простая: овощи, супы, салаты из самых простых обычных овощей.

Ключевым, человеческим фактором был, конечно, подбор матерей. Женщина должна была жить вместе с детьми. Брали только одиноких женщин. Если женщина была замужем, как она ни упрашивала – ее не брали, потому что были достаточно жесткие требования. Считалось, что замужняя женщина не сможет всю свою душу, всё свое внимание отдавать детям. Здесь, значит, надо было, чтобы она, в какой-то мере, отказалась от личной жизни. Она могла выйти замуж, но тогда она уходила из этой деревни. На ее место приходит другая женщина. Им платят заработную плату. Вначале это была небольшая заработная плата, потом стала больше. После того, как матери

проработают известное количество лет (от 15 до 20 лет), они могут уйти на пенсию. И, значит, им полагается уже достаточно приличная пенсия. Вот такая схема работы.

Сначала первый дом, потом лет через восемь, уже деревня, в которой десять домов и десять семей (семьи живут отдельно, у каждой свой дом). У каждой семьи своё имущество, свои санки, свои лыжи, своя одежда. Вот такая история. Сейчас это уже сотни таких домов. И главное - удалось наладить благотворительное снабжение. Потому что, конечно, то, что сами эти детишки там выращивают на своих огородах, это существенный, может быть, вклад в семейный бюджет, но, тем не менее, недостаточный.

Во всём этом начинании личные качества основателя детской деревни, Германа Гмайнера, играли решающую роль. У него нет семьи, у него нет детей. Это вот все его дети. Он всё время с ними, хотя у него много административных обязанностей. Отношение у него к ним, как к своим детям. И у них к нему, как к своему отцу. Вот такая возникла организация. Совершенно удивительная история.

Надо сказать, что ведь сотни у них этих семей по всему миру. И вы смотрите, самое-то главное – сколько этих матерей уже там работает, ведь их там порядка тысячи человек. И вот их умудряются набирать. И практически, если и бывают случаи ухода матерей из этого коллектива, то очень редкие и бесконфликтные, бесскандальные. Очевидно, что опыт такой очень интересный.

Проверка того человеческого материала, который мы имеем, говорит о том, что очень много хороших людей, которые создают прямо буквально новый мир в этой нашей действительности. Гмайнер умер где-то в 1986-м году. Его место заступил один человек, который вырос в этой деревне. Мальчиком он туда попал, и жил-жил-жил, рос, и, в конце концов, когда Гмайнер стал уже старым, слабым, он предложил ему помощь. Тот, конечно, был изумлен... Гмайнер, Герман Гмайнер, вот такое негромкое имя, это вам не Софи Лорен, и никто

в этом роде, но имя, конечно, очень значительное для нашего времени. Его преемник сейчас работает. Гмайнер сказал ему, что «ты вырос в этой атмосфере и лучше, чем кто-либо другой, сможешь и дальше руководить всем этим делом».

А что дальше? А дальше, когда дети подрастают, они организуют систему «Дом молодежи», это после 15-16 лет. Потому что не только у нас с жильем для молодежи тяжело, там тоже никуда особенно не денешься. Вот в этих домах они живут. Им помогают уже с устройством на работу.

Дети в детских деревнях учатся обязательно. С утра они съедают свой завтрак в семье и отправляются в школу. Особых школ в этих деревнях нет. Они ходят в обычные школы, территориальные, которые рядом расположены. Потом они приходят из школы, обедают, делают уроки и занимаются домашними делами и всем на свете. Те, кто хочет, кто имеет какую-то склонность, им, конечно, помогают в овладении специальностью, то есть направляют на какие-либо курсы или учат у себя на месте.

Как только мальчик или девочка выйдут из детского возраста, начинается подготовка к самостоятельной жизни. Но, естественно, там не готовят докторов наук и фотомоделей. Австрийцы народ практичный, тем более, что это провинция. И там их готовят к обычным простым профессиям: готовят мастеров по дереву, по металлу, по всяким коммунальным делам и т.д. Вот такая система, сейчас существует, и она очень нас всех оптимистично настраивает, что вот это все можно устроить.

У нас, в нашей стране, уже несколько таких домов тоже существуют. Сейчас эта международная организация имеет уже достаточные денежные фонды. И наши деревни, в общем, существуют на их деньги. Какую-то долю вносят наши предприниматели, но в основном, детские деревни существуют на деньги международных фондов. Конечно, у нас строить такие вещи гораздо труднее, чем там; наши матери в детских деревнях совершенно изматываются. Я думаю, здесь дело в том, что

там принципы, конечно, гораздо более строгие и жесткие. Там все дети работают, поэтому там, естественно, значительная часть всех забот, которые в семье бывают, ложатся на детей. И это создает нормальную атмосферу в семье. Вы знаете, что у нас это сделать очень трудно. Вы наберите наших испорченных детей из подворотни и попробуйте позаниматься с ними, чтобы они сами себя обслуживали, работали и, вдобавок, учились. О-о-о, это тяжелейшая будет проблема. Думается, что если бы у нас детские деревни начали создавать в сорок пятом - сорок девятом годах, у нас бы это легче пошло, потому что тогда народ был как-то проще. А сейчас уже, вы понимаете, с этим делом гораздо труднее. Я помню, лет двадцать назад мне пришлось быть в Одессе, в одном интернате, где жили дети, лишенные родителей. Завод, на котором я тогда работал, снимал там помещение. И это было что-то вроде летнего дома отдыха для нашего завода. Когда мы туда приезжали, часть детей оставалась там. И мы с ними контактировали, старались как-то помогать, старались что-то им принести: что-то сладкое, какие-то пирожные, мороженое. Я помню, как они к этому относились. Они, конечно, брали все это, но они говорили, что вот шашлыки бы устроить тут. Вы понимаете, Одесса, город несколько особый. Там они всё знают, у них порт. Они знают все эти европейские удовольствия. И эти вот детские штучки – пирожные, мороженое – им уже пресно. Ну, хорошо, что устриц не просили. Конечно, с ними создать такую семью, наверно, можно, но не так просто, как это пошло там.

Дело в том, что наше сознание в мире сильно поменялось? Что было заявлено? Что все будут счастливы. В Декларации прав человека так и записано: «Каждый человек имеет право на счастье». Все будут счастливы – а что такое счастье? Вот вы, может быть, видели по телевизору программу, которая называется «Большие» или что-то в этом роде. Там юноши и девушки очень элитарного вида. Они с очень большим апломбом и претензиями. У них главное совпадает с тем, что говорил герой пьесы Горького «На дне», Сатин. Он говорил:

«Работать? Вы сделайте так, чтобы работа была мне приятна, тогда я, может быть, буду работать». И молодые люди сейчас обеспокоены, главным образом, не тем, что вот как мне получить профессию, как мне стать высококвалифицированным специалистом. Нам должны дать. Работа должна быть увлекательной, интересной.

А что значит интерес? Подметание улицы, если серьезно к этому относиться, это тоже работа, которая может вызывать интерес: это вы очистили эту территорию и т.д. Но они ищут не тот интерес. И вы правы, что теоретических разработок на эту тему нет абсолютно никаких, то есть теоретической борьбы какой-то с этими настроениями, в общем, не заметно абсолютно.

Психология потребления, да, это страшная психология. Мы же с вами говорили как-то, что огромное государство Рим, Рим погиб именно из-за этой психологии, Потому что каждому полагалась буханка хлеба на день. Человек не ударял пальцем о палец, но свою буханку и какое-то там количество оливкового масла и всё прочее он получал. Да, и зрелища ещё (это наше кино). И зрелища там, в Колизее, где дикими зверями травили или гладиаторы убивали друг друга – Бог знает что. Вплоть до того, что обливали людей горючими всякими веществами, поджигали, такие там живые факелы были бегающие. Это, в общем, опасность для любого общества. Она была и в старину, она существует у нас сейчас.

Женщины в детских деревнях у нас мучаются с этими парнями, которые считают, что раз их взяли сюда, значит, им должны, обязаны обеспечить здесь такой своеобразный духовный комфорт, коммунизм и т.д.

На родине детских деревень совершенно другая история. Там, дети работают, они сами всё делают, поэтому матери не такие уезженные, не такие замученные, потому что там дети, естественно, и посуду моют, и картошку чистят. И все они там моют, все они там подметают. Может быть, они и здесь это делают, но после третьего-пятого предупреждения. Всё это, воз-

можно, идёт под прессом, всё это идет под нажимом на душу матери, на нервы этой матери. А ведь это должно работать автоматически, как механизм.

И потом, там деньги собирало для Гмайнера местное общество, по шиллингу. А наши деревни получают это откуда-то. Это совершенно разные вещи. Поэтому наша общественность смотрит на эти деревни, ну так, в общем, изучающе. Местные органы муниципальные помогают безусловно, но, тем не менее, это вот такой, привитый какой-то цветок чужеземный, который надо ещё освоить.

У нас есть свой опыт. Вы помните и вы читали, наверно, книги Макаренко – «Педагогическую поэму» и другие. Он собирал воров, собирал всяких. Он криминальный элемент в основном-то собирал, молодежный криминальный элемент. И ему стоило немалых трудов, переломить эту атмосферу. Но это было начало 20-х годов, был голод лютой. Им всё-таки некуда было идти. И сам Макаренко представлял из себя личность совершенно выдающуюся. Ему удалось как-то переломить эту атмосферу.

Но я должен вам сказать, что много детских деревень в развивающихся странах. Вы понимаете, что, конечно, в Индии всё это, наверно, проще. Там те дети, которых Мать Тереза собирала из всякого мусора, из подворотен. Там это дело проще.

В общем, это проблема здоровья, так сказать, нашей страны. И, конечно, вы понимаете, тут очень много проблем. Все наши дети хотят стать очень значительными людьми. Как-то сейчас вот так. Ну, правда, бывают мальчишки, которые идут и становятся кондитерами, выпекают хлеб. Делают все эти вещи спокойно. Очень много мальчишек идёт, например, в авторемонтные всякие службы. Идут совершенно спокойно. Есть ребята, к нам приходят группы из училищ, строители. Очень приличные ребята. Конечно, они не элитарии московские, они грубоваты, они резковаты. Но они знают все эти работы. Они работают с бетоном, они работают с деревом, они работают с

металлами и т.д. В принципе, такие вот здоровые коллективы у нас имеются. Но я согласен с тем, что наши идеологические службы стараются не трогать эту проблему. У нас всё устремлено на высшие учебные заведения. Всё это поднимается на щит. А что они делают после окончания учебных заведений, об этом никто не говорит. Что в Москве работают три огромных медицинских института, а врачей везде не хватает. Хотя каждый год выпускают, ну не тысячу, но полтысячи врачей. Но они все куда-то деваются. А участковых даже не хватало до последнего времени, и других врачей. Понимаете, это вам не работа санитаркой или уборщиком. Это всё-таки достаточно квалифицированная работа. Но, тем не менее, как-то вот, не больно-то. И сейчас уже делают в Москве так называемый «московский прием», т.е. принимают специально, группу, часть какую-то принимают на первый курс. Они подписывают обязательство после окончания работать в течение, по-моему, трёх или пяти лет в Москве, как бы по обязательному государственному распределению. И у этой вот части конкурс меньше, чем у тех, которые не подписывают этого обязательства.

Так что, это очень серьезная проблема – отношение к труду. Отношение к труду, на нём, в общем, всё строится. И если это отношение не будет здоровым, то никакие детские деревни вы нигде не постройте.

Реплика с места: ...Рядом с Гмайнером можно поставить имя Терновской Марии Феликсовны. Это подвижница, которая дело патронатного воспитания развивает...(речь идёт о практике в Великобритании по замене детских домов патронатом и использовании этого опыта в 19 детском доме).

Л.Н.: Но вот опять я вас хочу вернуть к тому что, вы говорите: это всё должно быть известно. Я говорю про общество. Ведь мучаются ужасно люди, которые занимаются этой проблемой. Это такая есть точка зрения, что да, действительно, надо идти по этому пути. Они говорят, что это практически почти невозможно пробить всю эту цепочку всех этих учреж-

дений. Это зарубежный опыт, у нас обычные детские дома, вот чиновники и уцепились за эти обычные детские дома. Хотя, как мы видим, даже у Терновской, ведь у нее дом сохраняется, но он является какой-то базой, он база. Она проводит там, так сказать, первичную обработку. Причем у нее сосредоточены силы исключительные. Это не средний уровень персонала детских домов, куда тоже часто идут люди, которым некуда деться и т.д. Она проводит на очень высоком уровне опыта и помощи первичную обработку, потом, у нее везде связи с семьями, которые как-то так в этом направлении развиваются и прочее. То есть детские дома в этом роде нужны как какие-то центры, потому что, где ещё вы соберете детей. Ну вот, в общем освещении, эта проблема.

Но самое главное, что ни Гмайнера, ни Терновскую никто на нашем телевидении не знает. Хотя у нас есть программы, которые вроде специально для этого созданы («Культура» и другие), которые, казалось бы, должны выискивать этот материал. У нас идут на телевидении какие-то суды, судятся, туда-сюда, пятое-десятое, там ужас иногда бывает.

Где-то есть материал о священнике, тоже на периферии, который набрал такую вот публику, в деревнях же там есть ребята. Он очень хорошо с ними там живёт, работает и учит их всему на свете. Они всё делают сами. У него такая тоже трудовая семья. Но это всё в каких-то отдельных журналах, которые выходят мизерными тиражами. На экране ничего об этом, проблемы, какие угодно, только не эти, реальные, животрепещущие проблемы, хотя телевидение оплачивает государство. Не беспокойтесь, они на телевидении тоже достаточно получают от государства. Не на одних объявлениях они там живут, поэтому государство, конечно, власть над ними имеет. И заставить их выделять какое-то количество времени на освещение этих животрепещущих проблем, на наш взгляд, может. Но, конечно, они это искать не будут, они работать над этим не будут, они залепят лучше какой-нибудь мудреный сериал.

В общем, ресурсы у нас есть. Вот говорят – все: мы раз-

валились. Нет, ресурсы у нас есть. У нас просто пена, которая на поверхности, она глаза закрывает, особенно в провинции, где жизнь сама заставляет как-то более реально смотреть на многие вещи. Ресурсы есть, но, конечно, мы их совершенно не используем. У нас общественность пробивается через эти, как вы говорите, «лаховские» законы.

У нас в России есть такое общество «Каритас». Их организации в 140 странах. Материальную помощь они оказывают. Еда, детству помогают, производство. Это мировая организация «Каритас». У них был очень большой бюджет. Французское отделение – это миллион с лишним спонсоров, 80 тысяч добровольцев. Это официальные данные. «Каритас» в России действует с 1991 года. Сейчас их количество сильно сократилось. У них было 38 отделений, в 160 приходах. И было у них 500 добровольцев. Добровольцев не так много, но все-таки.

«Каритас» Москвы вел более 100 благотворительных проектов, имел на это дело 3 миллиона долларов в год. Львиная доля, я думаю, шла из-за границы. Как-то у нас была конференция по благотворительности, были две женщины из этого общества «Каритас». Они производят очень хорошее впечатление, очень культурные, интеллигентные, очень проникнутые тем делом, которым они занимаются.

Что у них было сделано. Столовые для сирот, дом беженцев, дом престарелых, центр патронажа. Вот этого у нас вообще нет. У нас существует помощь государственная, то есть ходят социальные работники из территориальных организаций наших, которые обеспечивают их продуктами. Им дают деньги, и они покупают то, что нужно. Но и жалобы есть, что эти люди (не расшибаются в лепешку), стараются часто отделаться, формально выполняют просьбы. Патронаж необходим. Это довольно доступная форма. Но не все так просто, потому что среди этих стариков капризов, уверяю вас, не меньше, чем среди людей вашего возраста. И вы можете налететь на такого человека, который вас истощит, отвратит все ваше желание.

У них была такая интересная вещь: первичный социальный

прием, то есть, есть какой-то пункт, куда человек может прийти и изложить свои обстоятельства. И тот, кто его принимает из этого общества «Каритас» должен с этим человеком разобраться. Не деньги ему дать, а вот как-то его направить. Может помочь ему написать заявление, может быть, помочь ему получить бесплатного адвоката, если кто-то «наехал» на этого человека. Если с бытом очень плохо, отправить его в баню, сменить ему одежду, дать ему талон на еду. На постоянное обеспечение его не берут, но вот он пришел и все, и вы будете с ним возиться. Вот такой первичный социальный прием, самая элементарная помощь медицинская помощь, привести его в чистое состояние, дать ему один-два талона. И разобраться, что он намерен делать дальше. Если он не способен найти себе применение, то как-то попробовать его устроить. Если он болен, устроить его в больницу, чтобы элементарно вылечить. По-моему сейчас это перестали делать, но форма эта очень интересная.

Проект у них был такой: семья – семье. В одиночку человеку действовать очень трудно. Какая-то семья устроенная, благополучная в духовном смысле слова решает заняться семейной благотворительностью. Может быть, они сами выберут семью, которой нужно помогать. Или им кто-то посодействует в этом. Помощь может быть вовсе не тысячами рублей вложений. Помощь в первую очередь человеческая. Помочь как-то подняться. Порой люди перестают мыться, перестают убирать свои квартиры, впадают в антисанитарные состояния. Причем иногда это люди приличные. Придешь домой, там Бог знает что, а он считает, что все нормально. Очень культурный, серьезный человек, у него там книжки расшвыряны везде, какие-то записи пишет он, какие-то стихи там, мало вообще ценные. И вот он живет такой жизнью, он доволен.

Вот у нас, у нашего музея есть такая публика. Мы имеем дела с потомками всех этих людей, портреты которых вы видите на стенах. Разные люди есть... Один человек остался совершенно одиноким. Ему 95 лет, ни больше, ни меньше.

Несколько месяцев назад он потерял свою жену. Жена была достаточно капризной особой, но она, тем не менее, его держала в тонусе. Он должен был ее кормить и ухаживать за ней, и это его держало. Человек он довольно жесткий, непростой, но если его бросить, он совсем скиснет, а он склонен к этому. Поэтому мы стараемся загружать его работой, чтобы он собирал материал о своих известных предках, систематизировал их, может быть какую-либо статью написал, о своих дедах, прадедах и т. д.

Это все оборачивается, конечно, очень крупными неприятностями для нас, но во всяком случае пока он бодрый и на ногах ходит, и даже ходит на работу.

Старые есть женщины, совсем одинокие. Простое внимание, звонки по телефону, поздравление в Новым годом, с Пасхой, с днем рождения... У нас мало возможностей, сейчас у нас тут 3 человека работают. Но даже такая помощь позволяет удерживать связь с человеком... Вот семья семье, человек человеку – это интересная вещь.

Правовая служба абсолютно необходима. Она была в «Каритас». Люди не знают своих прав, своих возможностей. Ругаются они по-сумасшедшему, но в тоже время пойти проверить, как им там пенсию прибавляют или не прибавляют, и как все делается, как с коммунальными платежами – что-то можно уменьшить, снизить, это не всегда сделают. В

Семь центров здоровья было у «Каритас» только в Москве, где были занятия физкультурой. Это очень интересно.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Нищелюбие Московской Руси

Греко-римский языческий мир бедных презирал. Некоторое пособие могло оказываться лишь полноправным гражданам, например, раненым на войне.

Узаконенной помощью бедствующим единоплеменникам в первую очередь, а иногда даже и иноплеменным обладал только еврейский народ. Это было не решением общества, а божественным установлением.

В ранне-христианских общинах общение имуществ было безусловным правилом. Не было богатых, не было нуждающихся.

С победой христианства в церковь приходит большое количество богатых христиан и перед их совестью неумолимо встаёт вопрос: что делать с богатством? Вероучение церкви твёрдо говорит, что проще верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в царство небесное. Это слова Самого Христа. Необходимость отвергнуть богатство для желающих следовать за Христом ещё апостолов приводит в полное недоумение: «Кто же может спастись?» То есть стремление к богатству имеет в человеке такую силу, что невозможно представить, чтобы кто-то мог её преодолеть. На это Христос отвечает: «Невозможное человеку, возможно Богу». Это можно понимать в двух смыслах. Смысл первый и: человек не может своей силой изменить свое сердце так, чтобы не желать богатства, а Бог может. Если Сам Бог вселяется в сердце человека, то, какое ещё ему нужно богатство. Смысл второй: Бог снисходителен к человеческой немощи. Бог хочет спасения и для тех, кто не находит сил для такого самоотвержения. На практике это может выглядеть примерно так: не можешь отдать все, отдай часть на благие дела. Надо также иметь в виду, что богатство не бывает принадлежностью одного человека. Богатые – это всегда слой общества. Трудно себе представить,

что сразу весь слой богатых людей вдруг изберет бедность, и столь же легко себе представить человека, который лично и хотел бы отринуть богатство, но обстоятельства его жизни крайне тому препятствуют, например, семья и родственники или общественное положение.

Если богатым Бог не благоволит, – «горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение», – то бедным, наоборот, благоволит – «блаженны нищие, ибо ваше есть Царство Небесное». Нагих, голодных, жаждущих, странников, больных, заключённых в темницу Он называет Своими меньшими братьями.

Такое отношение к бедности и богатству быстро привело к тому, что улицы Византийских городов наполнились нищими. Императоры Феодосий и Юстиниан бичевали их декретами, однако нищие были *res divina*, нечто божественное, и номоканон определял, что «богатым серебро дарует Бог нищих ради».

Нищие из разряда презираемого переходят в разряд почитаемый. В самом деле, нищий в возможной степени, как птица небесная, не заботится о том, что пить и что есть, и во что одеться. Нищий – странник, свободный от оков мира сего. У Бога к нищим особое отношение, потому они и у-бог-ие.

Этот взгляд на вещи получил своё освящение в житии Алексия, человека Божия. Отец Алексия, человека Божия, знатный и богатый римский вельможа, число только слуг которого доходило до 3000 человек и все они носили шёлковые одежды, ежедневно устраивал в своём доме три трапезы для вдов, сирот, нищих, странных и больных, сам же не ел до 3-х часов дня. Если же нищих случалось мало и милостыни раздавалось менее обыкновенного, то благочестивый Евфимиан падал тогда в горе на землю и говорил: «Я не достоин жить на земле Бога моего». Сын Евфимиана Алексей имеет в себе силу преодолеть семейные и общественные связи и избирает бездомность и нищенство. Он оставляет невесту царского рода, покидает Рим, находит пристанище на паперти церкви в

Эдессе, живёт подаванием, молитвой, постом и приобщением Таинств. К нему приходит слава святого, но он бежит от неё и возвращается в Рим, в дом отца своего, где неузнанный живёт как нищий, терпя притеснения со стороны других нищих. Наконец, он умирает и только после смерти семья узнаёт, кто он был. Жизнь его увенчивается прославлением Божиим и почитанием людей. Нищенство благословлено свыше как подвижнический путь. Подать нищему – это и ещё возможно подать скрытому в нищем угоднику Божию. Не подать, может быть, не подать тому же угоднику Божию, одному из малых сих, о которых сказано, что если кто подаст такому чашу воды, не потеряет награды своей.

Средние Века в Европе и на Руси продолжают эту традицию, но несколько по-разному. В Европе появляется огромное число нищих – нищенствующие монашеские ордена, нищенствующие монахи, просто нищие. Уже начиная с Карла Великого, власть предпринимает попытки привести в порядок эту область общественного бытия, но в целом довольно безуспешно. Решительную попытку предпринимает Реформация. Лютер объявляет прошение милостыни одним из величайших зол. Один из ключей реформации – «Поменьше монахов-попрошак». Лютер объяснил верующим, что для спасительной жизни хватит и Библии и тем самым избавил своих последователей от оглядки на традицию, а значит и на жизнеописание святых. Житийный образец Алексия, человека Божия, и родителей его постепенно перестаёт быть чем-то обязательным для совести верующих. Протестанты пытаются отделить трудоспособных тунеядцев от настоящих бедных и возложить заботу о бедствующим на местные общины. Однако дело ладится плохо. Учёт своих бедных оказывается делом хлопотным. Трудоспособных от тунеядцев отделить было трудно, размещать некуда. Появились ловкачи, умудрявшиеся получать помощь сразу в нескольких общинах. Желающих заниматься призрением нет, от этих обязанностей даже откупаются. Общины вытесняют чужаков и категорически не желают принимать новых членов,

боясь дополнительных обременений. Это резко увеличивает количество бродячих нищих и сковывает свободу передвижения и мешает трудоспособным людям искать работу. Стремясь предотвратить обеднение своих членов, община берет в свои руки право разрешать или не разрешать своим малоимущим членам вступать в брак. В итоге резко увеличилось количество незаконнорожденных детей.

В Англии действовали несколько иначе. На законодательном уровне была обеспечена возможность принуждения к труду тунеядцев, обучения и приучения к труду подрастающего поколения. Учреждаются работные дома. Успех был примерно такой же, как и на континенте – увеличение бродячих нищих. Общины вытесняют бедных, не принимают чужаков, в работные дома люди не идут из-за суровых условий. Дальнейшее развитие системы попечительных о бедных учреждений шло в Европе по пути создания бюро учёта, станций призрения и питания, работных домов и сельскохозяйственных колоний, улучшения взаимодействия государственных благотворительных учреждений и частной благотворительности, штрафных колоний.

На Руси нищелюбие начинается с князя Владимира. Как отец-основатель он полагает ряд обычаев. Первый – питать всех недостаточных людей, рассылая со своих пиров по городу телеги с продовольствием. Его примеру в точности следует князь Андрей Боголюбский. «И сю добродѣтель имѣя: веляшетъ по вся дни возити по городу брашно и питие различное болнымъ и нищимъ на потребу, и, видя всякого нища приходящего к собѣ просить, подавая имъ прошенья ихъ, глаголя тако, ѣда «се есть Христось пришедъ испытать мене», и тако приимаше всякого приходящего к нему, яко же Христос заповѣда, рече: «Аще симъ меньшимъ створисте братьи моеи, то мнѣ створисте», и то помняше слово в сердци всегда».

Дворцовая благотворительность становится неписанным законом для всех русских царей вплоть до Петра I. «При царском дворце в Кремле существовали нищие под именем бого-

мольцев верховых, которые от царя получали не только пищу, но даже и жалование и форменную одежду. Они дожили до Петра и не раз просили у него кормов и жалования, какие они получали при его родителях. Ко дворам, где хранились царские припасы, также приписаны были нищие и были чем-то вроде служащих. Таковы были нищие аптекарского двора» – пишет Иван Прыжов в своей известной книге «Нищие и юродивые на Руси». Были нищие при соборах, которые так и назывались: успенские, архангельские, васильевские. Были патриаршьи нищие. Особенно много нищих было в Москве и Новгороде. При крупных монастырях и патриархе учреждались 9 раз в год столы. В 1678 г. на патриаршьем столе было накормлено 2500 нищих. На великие праздники, поминальные дни и свадьбы в царских покоях кормились царской едой, включая вина, сотни нищих. На Сырной седмице царский поезд отправлялся на богомолье по монастырям и раздавал обильную милостыню. Вдоль пути следования и к монастырям нищих стекалось множество. После Петра остатком обычая кормить нищих можно считать пиры при помазании на царство для всего московского люда.

Русская поговорка гласит: «На Руси с голоду никто не умирал».

Второй обычай – церковное попечение. Уставом 996 г. определено, что часть десятины от всех доходов, выделяемых князем Владимиром церкви должна идти на бедных. Церковь смотрит на нищенство как на особый род подвига – юродство Христа ради и потому они находятся в её ведении. Вот как об этом пишет Ключевский.

«С другой стороны, под её особое попечение было поставлено особое общество, выделившееся из христианской паствы и получившее название церковных или богадельных людей. Общество это во всех делах церковных и нецерковных ведала и судила церковная власть. Оно состояло: 1) из духовенства белого и чёрного с семействами первого, 2) из мирян, служивших церкви или удовлетворявших разным мирским

её нуждам, каковы были, например, врачи, повивальные бабки, просвирни и вообще низшие служители церкви, также задушные люди и прикладни, т. е. рабы, отпущенные на волю по духовному завещанию или завещанные церкви на помин души и селившиеся обыкновенно на церковных землях под именем изгоев в качестве полусвободных крестьян, 3) из людей бесприютных и убогих, призреваемых церковью, каковы были странники, нищие, слепые, вообще неспособные к работе. Разумеется, в ведомстве церкви состояли и те духовные и благотворительные учреждения, в которых находили убежище церковные люди: монастыри, больницы, странноприимные дома, богадельни. Припомните состав общества церковных людей. Это не был устойчивый и однородный класс с наследственным значением, не было новое сословие в составе русского общества: в число церковных людей попадали лица разных классов гражданского общества, и принадлежность к нему условливалась не происхождением, а волей или временным положением лица, иногда случайными обстоятельствами (убогие и бесприютные, странники и т. п.). Даже князь мог попасть в число церковных людей. Церковный устав князя Всеволода, составленный на основании Владимирова устава и данный новгородскому Софийскому собору во второй четверти XII в., причисляет к церковным людям и изгоев, людей, по несчастию или другим причинам потерявших права своего состояния, сбившихся с житейского пути, по которому шли их отцы. Устав различает четыре вида изгоев: это - попов сын, не обучившийся грамоте, обанкротившийся купец, холоп, выкупившийся на волю, и князь, преждевременно осиротевший. Итак, рядом с общественным делением по правам и имущественной состоятельности церковь вводила своё деление, основанное на иных началах. Она соединяла в одно общество людей разных состояний или во имя цели, житейского назначения, религиозно-нравственного служения, или во имя чувства сострадания и милосердия».

Первый бесплатные больницы для неимущих также соз-

давались усилиями церкви. В Киеве Ефремом переяславским епископом, впоследствии Киевским митрополитом, такая больница была основана в 1091 г.

Были и другие благотворительные установления. Существовал специальный полонянышний сбор на выкуп пленных из орды. Калики переходящие, паломники ко святым местам, бродячие певцы могли рассчитывать на подаяние и гостеприимство от избы до княжих палат. Не оставались без подаяния нищие всех родов у храмов и торговых рядов. В голодные времена государство и монастыри открывали свои житницы. После падения Константинополя на Русь в поисках милостыни зачастили греки. Надежной защитой была крестьянская община даже и в попетровские времена. В конце XIX в. (!) в сельских общинах насчитывалось до 15 видов помочей крестьян своим обездоленным общинникам: вдовам, сиротам, погорельцам, солдаткам, старикам.

Находится на Руси и большое число охотников последовать примеру Алексия, человека Божия. Достижение успеха на этом поприще почитаются Русской Православной Церковью в чине юродивых. Таковых в святцах с X по XIX в. насчитывается 20.

1. Бл. Феодор, Христа ради юродивый Новгородский (1392)

2. Бл. Николай Кочанов, Христа ради юродивый Новгородский (1392)

3. Бл. Кирилла Вельского (XV).

4. Блаженный Максим, Христа ради юродивый, жил в Москве (1434).

5. Бл. Георгий Шенкурский (современник Варлаама Важского 1462)

6. Бл. Исидора Твердислова, Христа ради юродивого, Ростовского чудотворца (1474).

7. Бл. Леонтий Устюжский, Христа ради Юродивый (после 1492)

8. Бл. Иоанн, Христа ради юродивый, Устюжский чудотворец (1494)

9. Бл. Христа ради юродивый, Калужский чудотворец, жил в начале XVI века в полуверсте от старой Калуги при лесном храме в честь Рождества Христова, стоявшем наверху горы (1515).

10. Святой Блаженный Василий, Московский чудотворец (1557)

11. Бл. Никола Саллос, Христа ради юродивый, Псковский (1576)

12. Блаженный Иоанн Ростовский Милостивый (Власатый) (1580)

13. Иоанна, Христа ради юродивого, Московского чудотворца (обретение мощей, 1672; ок. 1589).

14. Софии, княгини Слуцкой (1612).

15. Бл. Киприан, юродивый Христа ради, был прихожанином храма села Воскресенского, близ города Коврова Владимирской епархии. Святой Киприан подвизался в безмолвии на острове при устье рек Клязьмы и Уводи. (1622).

16. Бл. Прокопий Вятский, Христа ради юродивый (1627). Хотели женить, но ушёл в Хлынов.

17. Бл. Симон, Христа ради юродивый Юрьевецкий (1635)

18. Бл. Андрей Тотемский (1673)

19. Бл. Ксении Петербургской (1803)

20. Бл. Андрея Симбирского (1841).

Это число надо дополнить теми, кто, подвизаясь на поприще юродства, в святцы не попал. Вот выдержка из новгородских писцовых книг XVI в. «Обонежской пятины, погост Имоченитский на Ояти, а на погосте церкви... да 10 келей, а в них живут 12 братьев чернцов, да 5 келей, а в них живут нищие бельцы, старицы. На Рожественском погосте 11 келей, а в них 14 стариц да 15 келей, а в них жтвут нищие старцы и старицы. Погост Покровский на Вытегре за Онегом, а на погосте 20 келей, живут в них старцы».

В 1399 г. игумен Белозерского монастыря Кирилл писал великому князю: «Кирилл чернечище, грешный и непотребный

со своею братицею, просит милостыни... а милостыньку бы есте по силе давали: понеже, господине, поститесь не можете, а молитесь также, ино в то место, господине, вам милостыня, вам недостаток исполнит». Подобно монахам нищие становятся сословием, спасающим немощных, не совершающих подвига мирян.

До Ивана Грозного государство не пытается своими средствами управлять этой областью. Не отмечено и жалоб на нищих, на их множество или лже-нищенство, или злоупотребления. Точно можно утверждать, что в среде странников, отправляющихся во Святую Землю, которые не всегда нищие, но всегда прибегают к гостеприимству добрых людей, принято было перед отправлением в путь приносить два обета: не красть и не совершать блуда. Нарушителей ждёт суровое наказание от своей же братии. Такого могут живьём закопать в землю по шею.

Впервые вопрос об упорядочении положения с нищими возникает при Иване Грозном. Он ставит его перед Стоглавым Собором, задачей которого было приведение в порядок церковной жизни и устранение накопившихся нестроений, и собор поддерживает беспокойство царя по поводу распространявшихся злоупотреблений. «Милостыня и корм годовой, и хлеб, и соль, и деньги, и одежда по богадельным избам по всем городом дают из наших казны. А христороубцы милостыню дают же, а вкупаются у прикащиков мужики с женами мало больных, а нищие и клосные, и гнилые, и престаревшиися в убожестве глад и мраз, и зной, и наготу и всякую скорбь терпят, и не имеют, где главы подклонити, – по миру скитаются. Везде их гнушаются. От глада и от мраза в недозоре умирают и без покаяния и без причастия, никим небрегомы. На ком тот грех взыщется?» (Вопрос 12 Главы 5 «О милостыни»). Лже-нищие вытесняют из богаделен действительных нищих. Вопрос 13 гласит: «По миру скитаются чернцы и черницы, попы и миряне, жонки и строи со святыми иконами и на сооружение собирают и на окуп и называются проданные и милостыни про-

сят по торгу и по улицам, и по селом и по двором с образы ходят. И о сем соборовати, как впредь тому быти и есть ли о том писание и не поругательно ли то святым образом. Иноземцы ся тому дивят». Скитаются не Христа ради юродивые, а трудоспособные. Нищенство превращается в попрошайничество. Урон доброму имени терпит в глазах иностранцев всё царство. Нарисованная картина говорит о назревшей проблеме.

В Главе 71 «О нищепитательстве» изложены меры по улучшению положения. «Что чернцы и черницы по градом и по селам скитаются в миру на соблазн и многим людем на осуждение, и душам на погибель. И тех чернцов и черниц собирати, да, переписав, розослати по общим монастырем. И которые чернцы и черницы здравы телом, и тех бы чернцов духовные пастыри архимариты и игумены давали добрым старцом под начало, чтобы учили страху божию и житию чернеческому, и прочим добродетелем по преданию св. отец. И как под началом поживут во всяком о бозе покорении и в конечном послушании, и оне бы их посылали в монастырские службы, где кто достоин служити и тружатися, в коейждо святей обители на святую братью своего ради спасения и за свой вклад. А которые будут чернцы стары или больны, не могут делати и под началом быти, и они бы их в тех же монастырех общих устроили в больницах пищею и одежею с прочими братьями, да велели бы их отцем духовным каяти и поучати, чтобы жили в чистоте и в покаянии, и в прочих добродетелех, и во благодарении ко всесильному богу, и творили бы безпрестанно молитву Иисусову, елико, их сила; и скорби, и болезни терпели со благодарением, да не лишени будут мзды от бога; и молили бы бога за царя, и за всех православных хрестьян о всех полезных. И благочестивому царю, и митрополиту, и владыкам достоит за всех тех, старых и болящих, по всем монастырем общим из своей казны вклад за них давати, как ему, царю и государю, бог известит. А которые чернцы здравы разосланы по монастырем будут, и за тех царю вкладов по монастырем не давати, потому что оно здравы и могут тружатися, и служити на святую бра-

тью за свои вклады...». Особое отношение к женщинам. Если «здравые» монахи «вклада из казны» не получали и за свой хлеб должны были трудиться, то женщинам-монахиням как не имеющим кормильца государство предоставляло содержание: «... И благочестивому царю, и митрополиту, и владыкам своего ради спасения за всех тех черниц здравых и больных по всем девичим монастырем вклады давати из своей царской казны и святительской, как ему царю государю бог известит».

Глава 73 «Стоглава» «Ответ о богадельнях и о прокаженных. и о колосных и о престаревшихся. и по улицам в коробех лежащих. и на теаешках и на санках возящих и не имущих главы где подклонити» гласит: «...устроить в богадельнях пищу и одежею. А боголюбцы милостыню и вся потребная им приносят же своего ради спасения. Да приставити к ним здравых строев и баб стряпчих, сколько пригоже будет, несмотря по людем. Да над ними приказати священником добрым, да целовальником или градским людем добрым над ними смотрити, чтобы им насильства и обиды от стряпчих не было. А священники бы к ним в богадельни мужския и женския приходили, да их поучали и наказывали их страху божию, чтобы жили в чистоте и в покаянии, и во всяком благодарении, да их бы покаивали и при конце причащали телу и крови господа нашего, Исуса Христа. А преставльшихся погребению предавали и о них поминали во священных божественных службах».

Глава 72 «Стоглава» «О искуплении пленных» определяет задачи по выкупу пленных, которых было огромное количество. «Пленных привозят на окуп из орд: бояр и боярынь и всяких людей. А иные сами выходят, должни и беспоместны, и здесь окупиться нечим, а никто не окупит. И тех полонеников, мужей и жен, опять возят назад в бесерменство, а и здесь над ними поругаются всякими скверными богомерзкими, достоин о сем уложить соборне, как тем окуп чинити, а в неверные не отпущати. А которые собою вышли о тех устрой учинити же по достоянию, елико вместиимо, чтобы были в покои и без слез (Вопрос 10, Гл.5). «А которых пленных приводят, православ-

ных хрестьян, окупив, греки и турчане, и армени, или иные гости, да, быв на Москве, восхотят их с собою опять повести, ино их не давати и за то крепко стояти, да их окупати из царе-вы же казны».

Как видим, намерения благие, здравые и чуждые бесчеловечности. Предлагаемые меры изложены в желательном наклонении. Карательных мер не предусмотрено. Здоровые чернецы, то есть бродячие монахи, подлежат возвращению в монастыри, что, собственно, есть восстановление церковного порядка. Планы царя и собора не были осуществлены. Более того наступила Смута, ещё больше расшатавшая нравственные и хозяйственные устои народной жизни. Не смотря на усилия последующих царей положение исправить не удалось. Более того, порок в среде нищих умножается и приобретает отталкивающие черты.

«В «Челобитной нижегородских попов Иосафу патриарху московскому и всеа Русии» (1636 г.), содержатся жалобы на безобразия, которые Христовым именем безнаказанно творили нищие бродяги – прокураты (устар. «пройдохи, плуты») и шпыни (по В. Далю, «дерзкие бродяги, выдающие себя за нищих» - ред.). «...а инии ...прокураты ходят, повеса на выю (шею) образ Бжий, а инии полагают пелены на блюде и свечи, собирают, рекуще: на созидание цркъвам, а потом их мнози видят со пьяницами; а инии проданными себе называют и на окуп просят, а сказываются розными имены и грады; а инии творятся бешеными, и потом их видят целоумных; а инии... ходят во образе пустынническом и во одеждах и веригах, разтрепав котыни, а инии помазывают нозе гноем, кров сливаючи с мозгом и ползают по цркъвам, писк творяще, и велик соблзн полагают в простых члвцех». Нищие мешали отправлению православного обряда, церковной службе: «Ходят... чрез всю црков невозбранно со всяким безстрашием и нечистотою, яко разбойницы неистовии, разоряюще цркъвов клопоты и кличи, и пискания и мятежи творяще великия в црквах; ходят... толпами человек по десятку и боле, да те толпы выдут а инии внидут,

и безпрестани. от них в црквах велика смута и мятеж, иногда дерутся в црквах и бранятся; И от того мятежа и прокуратства црков в великом разорении и несмирении, по Гсдню словеси: Дом Мой, дом млтвы, сотвориша вертеп разбойник».

В правление царя Федора Алексеевича (1661-1682) тема нищенства поднималась на соборе 1681 года, где было принято решение о создании системы церковно-государственных благотворительных заведений, ибо ситуация была острой. В указе царя 1682 года говорится, что «по улицам бродят и лежат нищие; притворные воры, прося под окнами милостыни, подмечают, кто и как живет, чтоб после обокрасть; малых ребят с улиц крадут, и руки и ноги им ломают, и на улицы их кладут, чтоб люди, на них смотря, умилилися и больше им милостыни давали; сидят обезображенные болезнями, та, что чреватые жены их пугаются; великое число детей по улицам бродит, и ничему их не учат».

Пётр стремился коренным образом изменить положение, делая всё по западному образцу, но только его ухудшает. Напомним, что при «непросвещённых» московских князьях, в условиях частых междуусобиц, непрерывных войн с Литвой, немцами, набегов орды и угонах в рабство русских людей население Руси росло, в том числе в царствование Ивана Грозного, а при «просвещённом» на Кокуе Петре, в условиях, когда не было междуусобных войн, а угроза орды была ликвидирована, сократилось на треть. Количество людей, выброшенных из естественного хода жизни, не только не уменьшается, а растёт вместе порчей нравов. Вновь созданную армию Пётр расселил по стране, превратив её в полицейскую команду, которую Ключевский описывает так: «Шесть месяцев в году деревни и сёла жили в паническом ужасе от вооружённых сборщиков... среди взысканий и экзекуций... Не ручаюсь, хуже ли вели себя в завоёванной России татарские баскаки времён Батыя...». Добавим сюда дикие налоги, вроде налогов на бороды и бани и окончательное оформление крепостного права.

С XVIII в. в России добавились нищие из Европы и При-

балтики. Толпы немецких нищих из Риги и Ревеля хлынули в Москву на щедрую русскую милостыню.

Появляются «промышленные» нищие. Они сбиваются в «ватаги» с атаманами во главе. Такие ватаги могли располагать немалыми суммами. Благое дела оказывается источником несправедливого обогащения.

Дворцовая благотворительность в петербургской роскоши усыхает, зато появляется огромное количество разнообразных, в том числе весьма безжалостных, в духе Петра, указов, вроде указа здоровых нищих по первому разу бить батождём, отдавать в работы, а по второму – бить кнутом и ссылать на каторжные работы или указа, запрещающего просить и подавать милостыню при церквях и на улицах.

Петровский переворот вызывает резкое отторжение верных московскому обычаю людей. Твёрдый старовер Аврамов, по разным сведениям чиновник Берг-коллегии либо начальник типографии, за исповедание своих взглядов сосланный, по возвращении из ссылки в 40-х годах XVII в. писал, выражая устоявшийся взгляд на нищих: паспортных листов «многочисленно напечатав, разослать во все епархии ко архиереям и во всё государство к приходским священникам. И егда, в котором церковном приходе кто из дворовых всякого звания жителей объявит священнику желание своё к пострижению или ради Христа кто пожелает странствовать и милостынею питаться – и таковых в пострижение и на странствование желающих обучать и наставлять по разуму закона Божия и заповедей три месяца, и потом отпускать в таковой Богом благословенный, спасающий божественный путь и всякого, благодаря Бога, радостию, без задержания. От всея святые церкви о щедротах милостыни имеются узаконения, учения и повеления, а нигде о переборах и разборах, о бедных нищих людях, кто достоин милостыни, кто не достоин милостыни, кому давать милостыню, кому не давать милостыню, искони такого между православных христиан закону и учения нет и не бывало. А что приводит обучение апостольское, и оное обучение токмо

принадлежит посполитно (обыкновенно – прим.авт.) на всех главнейших, и средних и меньших человек, в отвождение всех от человеческой всякой лености, приводя всех житие в трудолюбное, всякому по своему званию. Нимало же не принадлежит оное апостольское обучение в противность закону евангельскому о довольстве нищих – меньших братьев христовых, наипаче же во оных самого Христа для сущего, наближайшего для всех нас вечного спасения». Нищие для него ровно по житию Алексия, человека Божия – это Богом благословенный, спасающий божественный путь, особое сословие. Нищие существуют по воле Бога, и Бог не благоволит упразднению нищенства. Его надо узаконить, открыв что-то вроде школы для нищих.

Аврамов, возражая против перебора нищих, не замечая того, сам его предлагает, ибо что же в этом случае представляет собой выдача паспортов? Это постановка на учёт добросовестных нищих. Нищий без такого паспорта оказывается по крайней мере под подозрением. Как чиновник и старообрядец Аврвм должен был бы знать, что перебор нищих, то есть отделение лже-нищих предлагал и Стоглав, кажется, достаточно хорошо понимавший православную традицию. У ревностного старовера смешались два понятия – нищий и тот, чей образ превосходно запечатлен в поговорке «петь Лазаря». Библейское понятие нищий означает просто бедного человека, живущего от своих трудов и не угнетающего своего ближнего, а наоборот, – страдающего от угнетения, часто бедного в силу своей праведности. Такой человек попеременно называется то нищим, то бедным. Греческое πτωχός (птохос) означает не просителя милостыни, а человека приниженного, угнетаемого. Πτωχός передаёт древнееврейское אָנִי (ани) – бедняк, чередующееся с синонимичным אֶבְיוֹן (эвйон). Для обозначения нищего, живущего подаванием, есть другое слово – קַבְצָן (кабцан). Именно אָנִי в псалмах часто обращается к Богу: «Сей нищий воззвал, – и Господь услышал и спас его от всех бед его» (33:7). В английском переводе это библейское понятие нищий

выражено словом роог – бедный. Нищий в смысле просящий милостыни передаётся словом begger. Апостол Павел, собирая помощь во вновь образованных церквях для иерусалимских христиан, говорит об их «глубокой нищете». Очень маловероятно, чтобы глубокая нищета означала здесь жизнь на подаяние. Скорее речь может идти о трудном положении христиан во враждебном окружении.

Иоанн Златоуст, поясняя притчу о Страшном Суде, говорит: «И как выше сказал Он, что не принимающие бедных будут наказаны более, нежели содомляне, так и здесь говорит: “Так как вы не сделали этого одному из сих меньших” братьев Моих, “то не сделали Мне” (Мф. 25:45). Что ты говоришь? Они твои братья? И почему их называешь меньшими братьями? Потому они братья, что унижены, что нищи, что отвержены. Таковых Он в особенности призывает в Свое братство, то есть, незнаемых, презираемых, разумея не одних только монахов и живущих в горах, но и всякого верующего. Он хочет, чтоб и мирской человек, когда жаждет, алчет, наг или странствует, получал от нас всякое пособие. Крещение и общение в божественных тайнах соделывает нас братьями». В число нищих входят монахи, обитатели гор, то есть, отшельники и всякий верующий человек, оказавшийся в тяжёлом положении. Монах и отшельник нищий по избранию пути, а вовсе не по нежеланию трудиться. И братья не все нищие на свете, а единовременные. Впрочем притча о Страшном Суде даёт основание думать, что Христос говорит о своём сочувствии всякому человеку попавшему в беду (голодному, алчущему, не имеющему одежды, больному или находящемуся в темнице), потому что речь в притче идёт о всех народах. Такому надо помочь – напоить, накормить, одеть и навестить. О бесконтрольной раздаче денег не говорится ничего. За словом нищий может стоять бедняк, юродивый Христа ради, нетрудоспособный и попрошайка, и вопрос не в том, чтобы разбирать или разбирать, кто есть кто, а в том как это осуществить и как нищих самим не плодить, ни неразумной раздачей денег, ни разорением

населения. Проблему не решили ни Иван Грозный, ни Алексей Михайлович, ни Фёдор Алексеевич, ни Пётр I. Последний, тем не менее, сильно повлиял на понятие о милосердии, внося в жизнь светский взгляд на мир, который действовал сильнее всякого беспощадного указа. Нищий постепенно лишается статуса *res divina*, в первую очередь в глазах правящего слоя. Вот как описывается в журнале «Всякая всячина», издававшегося в Санкт-Петербурге в 1769-1770 гг. под негласным попечением Екатерины II, посещение молодым племянником своей престарелой тётки. «Не успел последний войти к ней и поклониться, как она закричала на него: «Басурман, как ты в комнаты благочинно войти не умеешь. Я извинился, говоря, что я так спешил к ней подойти, что позабылся. Она глядела на него, нахмурившись, в комнате было темно, тётка сидела на кровати, племянник хотел поцеловать её руку, но тут встретил неодолимые препятствия. Между ними находились следующие одушевлённые и неодушевлённые предметы. У самой двери стоял, направо, большой сундук, железом окованный; налево множество ящиков, ларчиков, коробочек и скамеечек барских барынь. При конце узкого прохода сидели на земле рядом слепая между двумя карлицами и две богадельницы. Перед ними, ближе к кровати, лежал мужик, который сказки сказывал; далее странница и две её внучки, девушки-невесты, да дура. Странница с внучками лежали на перинах; у кровати занавесы были открыты, вероятно, от духоты, ибо тётушка была одета очень тепло: свех сорочки она имела лисью шубу. Несколько старух и девок ещё стояло у стен для услуг... Племянник так и не достиг со своим поклоном к тётке, он передал человек пять и перебил множество посуды и в конце концов был очень рад, что кой-как выскочил поздорову из комнат своей родственницы». Картина старомосковского быта представлена в нелепо-смешном виде.

В глазах образованных людей нищие не представляют из себя ничего божественного. Они либо просто несчастные люди, которым надо помочь из простого человеколюбия ли,

Христа ли ради, либо весьма сомнительные личности.

В народе старомосковская традиция отношения к нищим сохраняется, часто с изрядной долей суеверия, что ещё более отдаляет друг от друга людей светских и религиозных. Однако ещё возможны истинные юродивые даже и в XIX в., как блаженная Ксения Петербургская, но в целом нищенство вырождается – в нём так и остаётся ханжество, откровенное попрошайничество и очень сомнительное юродство.

К петровским методам борьбы более никто из русских царей не прибегает. Государственная благотворительность достигает большого размаха, но таких жестких форм как в Европе не применяется. Во 2-й половине XIX – начале XX века Россия добивается замечательных успехов в громадной степени силами русских промышленников, в подавляющем большинстве – старообрядцев, то есть силами всё той же Московской Руси.

Коран о благотворительности

Благотворительность в исламе имеет основания как в тексте Священного Писания мусульман (Коране), так и в предании (Сунне)¹.

В Коране сказано: «**Делайте пожертвования на путь Божий; не подвергайте сами себя гибели; благотельствуйте, потому что Бог любит благотельствующих**» (Коран, сура 2, аят 191)². «**Видал ли ты того, кто ложью считает религию? Это ведь тот, кто отгоняет сироту и не побуждает накормить бедного. Горе же молящимся, которые о молитве своей небрегут, которые лицемерят и отказывают в подаении!**» (С107;5-7).

Благотворительность совершается ради Бога; тот, кто не благотворит, не имеет благочестия. «**Вы не обретете благочестия, пока не будете расходовать из того, что вы любите, и что бы вы ни расходовали, Аллах ведаёт об этом**» (3:92).

Милостыня, согласно Корану очищает от грехов «**Возьми пожертвования из их имущества, чтобы смыть ими [их грехи] и очистить их**». (С9;103.) Также тому, кто накормил или одел бедняка, прощаются клятвopеступления. (С 5;89) В суре «Добыча» (С 8; 41) заложено богословское основание для обязательной (фард) и необязательной (нафль) милостыни, налогов и благотворительности.

Священное предание мусульман (Сунна) говорит, что всякий верующий (му'мин) обязан заботиться о бедных. «Тот не

1 Священное предание мусульман. Состоит из хадисов; изречений или коротких историй из жизни Мухаммада, переданных через его ближайших родственников или сподвижников. Существуют сборники хадисов. Наиболее авторитетными считаются сборники Аль Бухари, Муслима, Ат-Тирмизи, Абу Дауда и др. Далее курсивом будет приводиться текст хадиса, а в скобках перечислен (ы) автор (ы).

2 Далее ссылки на Коран будут обозначаться следующим образом: (С2; 191), где С 2 – обозначает 2-ю суру (главу), а 191 – обозначает 191 аят (стих). Цитаты по переводу смыслов: Э. Кулиев 2003 изд. Эжаев, 2010.

является верующим, кто ест досыта, в то время как ближний его остается голодным» (хадис Муслима).

В Суре «Саба» (С 34;39) говорится: **«Всё, что вы пожертвуете [на подаяния], Он возместит вам, ведь Он – лучший из тех, кто дарует пропитание!»**, а в Суре «Корова» (С 2; 261) говорится, что Аллах приумножает богатство тому, кто его расходует на Его пути. В хадисе Абу Хурайры также говорится, что Аллах приумножает милостыню и возвращает её подавшему приумноженной³.

Считается, что особой милости от Всевышнего удостоится тот, кто творит милостыню так, *«что левая его рука не знает того, что делает правая»*⁴.

Милостыня и благотворительность являются не только желательной добродетелью, но и прямой обязанностью мусульман. Тем же, кто не выплачивает обязательную милостыню бедным, Всевышний, словами своего пророка обещает мучительные наказания. Согласно некоторым хадисам⁵, тому, кто не выплачивает закят⁶, его богатство будет его душить под видом двурогой змеи⁷. Домашний скот, от владения которым не

3 «Если человек даст в качестве милостыни равное одному финику из праведно заработанного – а ведь Всевышний принимает только хорошее, благостное, – то Господь непременно примет это, а затем приумножит подобно тому, как выращиваете вы жеребенка, причем увеличит до размеров, соизмеримых с горой» (С 2; 261)

4 Полный текст хадиса, приведённого у Бухари и аль Муслима: «Семерых Аллах укроет в Своей сени в День, когда не будет сени, кроме Его сени. Это – справедливый имам; юноша, который вырос в поклонении Аллаху; человек, сердце которого привязано к мечетям; двое людей, которые возлюбили друг друга ради Аллаха и собираются и расходятся только ради Него; мужчина, которого позвала к себе знатная и красивая женщина [, предлагая ему согрешить с ней], а он ответил: «Я боюсь Аллаха!» – и человек, который сделал добровольное пожертвование и скрыл его, так что его левая рука не узнала о том, что тратит правая, и человек, который в уединении поминает Аллаха, а его глаза слезятся»

5 См. ссылку 1.

6 Закят см. ниже.

7 «Если тот, кому Аллах даровал богатство, не выплачивает с него закят, то в Судный день пред ним предстанет плешивый двурогий змей. Он обо-

выплачен закят, в качестве наказания в посмертном воздаянии будет бодать своего владельца и топтать ногами⁸. В Суре «Покаяние», (С 9;34-35.) говорится: **«А тех, которые собирают золото и серебро и не расходуют его на пути Аллаха [т. е. не платят закят] обрадуй мучительным наказанием. В тот День [их золото и серебро] будет разожжено в огне геенны и им будут заклеены их лбы, и бока, и спины. Это – то, что вы сберегали для самих себя. Вкусите же то, что вы сберегали!»** Таким образом мы видим, что безразличие к нуждающимся и упоение своим богатством не просто не порицается Кораном и Сунной, но более того приводит к мучительным посмертным наказаниям. Поучителен и знаменателен хадис, повествующий о щедрости Абу Бакра⁹, который из милосердия к семьям погибших в войне с курайшитами, отдал всё своё имущество. И хотя такого рода поступки с точки зрения исламского права (фикх) не являются обязательными (фард), они являются примером и образцом для подражания.

Обязательная (фард) милостыня, как один из «столпов» ислама сложилась во 2-й год от Хиджры, в «мединский» период ислама. В мединский период милостыня носила не обязательный, а желательный (фард) характер. Сура Аль Ан-вьётса вокруг его шеи, а затем возьмётся за углы его рта и скажет: «Я – твоё богатство! Я – твои сокровища!» Затем он прочёл: «Пусть те, которые скупятся на милости, дарованные им Аллахом, не считают, что это лучше для них. Нет, это хуже для них! В День воскресения они будут закованы в ожерелья из того, на что они скупились». (Муслим и Ахмад).

8 «Если хозяин верблюдов, коров или овец не выплатит с них закят, то в День воскресения самые крупные и тучные из них будут бодать его рогами и топтать копытами. Всякий раз, когда последний из них пройдёт по нему, к нему вернётся первый, и это продлится, пока не свершится суд над людьми». (Муслим).

9 «Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, велел нам делать пожертвования, и я пожертвовал из своего имущества. Пророк спросил: «Что ты оставил своей семье?» Я ответил: «Половину». Абу Бакр принес все свое имущество и пророк сказал: «О Абу Бакр! Что ты оставил своей семье?» Он ответил: «Я оставил им Аллаха и Его посланника». Я тогда сказал: «Я никогда не смогу опередить его!» (Ат-Тирмизи и Абу Дауда).

фал (Добыча) количественно (1/5) определяет величину, которую мусульмане должны отделять от всего, так или иначе ими приобретённого. **«Знайте, что если вы захватили трофеи, то пятая часть их принадлежит Аллаху, Посланнику, близким родственникам Посланника, сиротам, беднякам и путникам, если вы уверовали в Аллаха и в то, что Мы ниспослали Нашему рабу в день различения, в день, когда встретились две армии при Бадре.»** (С 8; 41) Данная сура, была произнесена Мухаммадом после известной битвы, когда среди мусульман возникли разногласия и распри во время дележа захваченной добычи.

Традиционно ислам ориентирован на общество, где юридическое право основано на праве религиозном (шариат). В связи с чем, налогообложение и благотворительность в странах, где традиционно исповедуют ислам, тесно взаимосвязаны. Основные их разновидности таковы:

хумс – налоговое обложение собственности (1/5 часть доходов);

закят – налог, взимаемый с имущества богатых в пользу бедных;

закят аль фитр – милостыня, раздаваемая каждым членом мусульманской семьи по окончании обязательного поста;

саадака – частное пожертвование бедным;

джизья – подушный налог, взимаемая в мусульманских странах с иноверцев;

харадж и ушр – поземельная подать с иноверцев и мусульман соответственно.

Хумс – налог в большинстве стран, где традиционно исповедуется ислам, как общегосударственная религия. Взимается в виде натуральной платы или денег с 7 видов собственности и прибыли: 1. С заработной платы; 2. с рудников; 3. кладов; 4. приобретённого имущества; 5. с драгоценностей, добытых со дна моря; 6. с военных трофеев; 7. с земли, покупаемой немусульманином у мусульманина. Хумс взимается только с тех, кто в состоянии его платить. Хумс частично тратиться в пользу бедных.

Исламское право (фикх) подробно рассматривает и регламентирует условия и обстоятельства, касающиеся как субъекта, выплачивающего налог, так и все обстоятельства, связанные приобретением и получением собственности и прибыли, с которой необходимо выплачивать налог.

Закят обязательная (фард) милостыня, которая в среднем составляет 1/40 часть доходов мусульман. Как мы уже говорили, заkyat является одним из 5 столпов; взимается раз в год по лунному календарю. Условия выплаты закята таковы:

1. Закят предписан мусульманам, и не принимается ни от неверных, ни от вероотступников.

2. Закят обязаны выплачивать свободные мусульмане, рабы освобождаются от этой обязанности, так как все, чем они владеют, принадлежит их хозяевам¹⁰.

3. Каждый вид имущества, с которого платится заkyat, должно достичь облагаемого минимума.

Закят выплачивается со следующего:

1. Ценностей: драгоценных металлов, денежных единиц, вкладов, акций.

2. Со скота соответственно его количеству и качеству.

С урожая сельскохозяйственных продуктов. (Состояние земель, пастбищ, а также самого владельца подробно прописано в исламском законодательстве (шариате)).

3. С товаров и имущества, предназначенного для продажи.

4. С имущества, добытого из земли, недр, морей и морского шельфа.

Соответственно в шариате существует подробное описание форм, условий и правил сбора закята. *«Зерна и плоды не облагаются закятом, если их [собрано] меньше пяти поклаж»*¹¹. Одна поклажа вмещает 60 са¹², поэтому облагаемый минимум

10 В настоящее время в большинстве стран, традиционно исповедующих ислам, рабства не существует.

11 Хадис аль Бухари.

12 1 са составляет 3500 г в ханифитском мазхабе, и 1680 г в других мазхабах.

продуктов земледелия равен 612 кг. Взимается одна десятая часть урожая при поливе без участия человека (дождь, источник) или одна двадцатая при самостоятельном орошении. А при смешанном способе орошения взимается одна пятнадцатая часть урожая (7,5%). Закят не выплачивается с зелени и овощей, с мёда. Закят не выплачивается с техники и домашней утвари, так как человек их регулярно использует. Закят не выплачивается с автомобиля, если владелец зарабатывает извозом, не выплачивается с имущества, которое сдаётся в аренду, но закят выплачивается с суммы, выплачиваемой арендаторами.

Закят, согласно соответствующему тексту Корана (С 9; 60.)¹³ может быть использован для следующих категорий получателей:

1. Для бедняков, которые не имеют собственного состояния.
2. Для неимущих — категории людей, не обладающих необходимым минимумом, с которого выплачивается закят.
3. Для тех, кто занимается сбором закята, для учета и распределения закята.
4. Для тех, чью веру которых хотят укрепить, или тех, кого хотят обратить в ислам¹⁴.
5. На выкуп рабов и мусульман пленников.
6. Для погашения долгов бедняков или неимущих.
7. На дела во имя Аллаха — воинам, ведущим джихад¹⁵, а

13 «Милостыня предназначена для нищих, бедных, тех, кто занимается [сбором и раздачей закята], и тех, чьи сердца хотят завоевать, [проповедуя им ислам], на выкуп рабов, [несостоятельным] должникам, на дела во имя Аллаха и путникам. Так предписано Аллахом, Аллах — знающий, мудрый!»

14 См. выше хадис Анаса ибн Малика.

15 В связи с многочисленными искажениями понятия джихад в настоящее время, считаю необходимым напомнить, что настоящее законодательство было составлено в эпоху, когда халифат вёл активные военные действия. Джихад, в свою очередь, принято подразделять на 2 основных направления: великий и малый. Великим джихадом называют борьбу с собственными страстями и недостатками, малым же называют войну с противником,

также людям, способствующим распространению ислама.

8. Путникам – «детям дорог» – людям, оставшимся в чужой стране без средств к существованию.

Из средств закята нищим и бедным оказывается помощь в размере из годовых потребностей, так как закят собирается раз в год. Обеспечение потребностей включает в себя обеспечение пищей, одеждой, жильём и всем необходимым для человека как без излишества, так и без скупости. Потребности рассчитываются с учётом обстоятельств нуждающихся¹⁶, а также с учётом уровня жизни окружающих. То, что 10 лет назад являлось роскошью, в настоящее время может являться необходимым. Также в число необходимых потребностей входят стоимость лечения, расходы, связанные с браком (для холостых), и необходимые учебники.

Закят аль фитр является обязательным пожертвованием бедным; он выплачивается за каждого взрослого члена семьи, а также за слуг и гостей, приглашённых хозяином дома. Это пожертвование раздаётся с наступлением вечера по окончании месяца Рамадан¹⁷, на праздник разговения. Считается, что закят аль фитр позволяет очиститься от грехов тем, кто плохо постился в Рамадан, а бедным и нуждающимся праздновать вместе с остальными мусульманами.

Закят аль фитр обязателен, и составляет 1 са, что вполне доступно практически каждой семье. Выплачивается пшеницей, ячменём, финиками. Если это невозможно, то их денежным эквивалентом.

Саадака добровольное частное пожертвование бедным и нуждающимся. Этот вид жертвования не регламентирован ни количеством, ни временем его принесения.

Джизья, харадж и ушр являются налогами, подушным и

который первым объявил войну.

16 Так, семье, находящейся в равных условиях с остальными, выплата может быть больше, при наличии большего количества иждивенцев, инвалидов и т.д.

17 Месяц, во время которого каждый мусульманин обязан поститься. По окончании поста празднуют разговение и аль фитр (ураза-байрам).

поземельными соответственно. Для немусульман эти формы налогов выше, т. к. считается, что они находятся под покровительством мусульман, что требует дополнительных затрат. Джизью не взимают с бедных, получающих милостыню, со слепых, с не имеющих профессии, работы, с парализованных, больных хроническими болезнями; ес последние или слепые состоятельны, с них взимается определённая часть. С монахов и отшельников джизью также не взимали.

Особым уважением среди мусульман пользуются те, кто жертвует имущество или средства в виде **вакуфа**. Вакуфом называют имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели. Впервые появился в 7–8 веках в арабском халифате и распространился на все мусульманские страны. С 11 века вакуф становится заметным в жизни общества. В вакуф может входить как недвижимое, так и движимое неотчуждаемое имущество. Посвящающий своё имущество в вакуф называется учредителем вакуфа, однако он с момента передачи имущества или собственности в вакуф, её собственником не является. Возможна передача имущества в вакуф в завещании, но в этом случае не может быть передано больше одной трети состояния. Считается, что выражение садака джария, использованное в Коране: (С 3;92: 22;77-78) имеет смысл вакуфа. Вакуфное имущество не облагается никакими налогами. В первую очередь вакуфы используются на содержание духовенства, мечетей и медресе. Так, большинство исторических мечетей и медресе в дореволюционной России построены на средства вакуф. Вакуфную собственность контролируют шариатские суды. Многие благотворительные программы и фонды существуют на средства от вакуфов. Вакуфная собственность не облагается налогами. Так даже в Царской России официально признанная вакуфная собственность (около 10% всей вакуфной собственности российских мусульман) не облагалась налогом.

Благотворительность у суфиев. Суфии представляют собой мистическое направление ислама, которое в свою очередь

разделяется на множество течений и сект. Изначально одна из первых ступеней на пути мистического богопознания у суфиев называлась фагр (бедность). Соответственно суфиев часто именовали факир – бедняк. В соответствии с этим суфий не должен был иметь никакой собственности. Одним наиболее характерных атрибутов суфизма были хирка (рубище, заплятанный халат) и чаша для сбора пожертвований. Этими двумя вещами ограничивалось всё их имущество. Многие суфии прославились дарами чудотворения, и известны исцелениями больных, некоторые суфии известны тем, что по их молитвам Всевышний посылал караванам паломников воду и пищу, когда те голодали во время их путешествия по пустыне. После 12 века, с образованием суфийских братств, последние становятся крупными землевладельцами. Братства строили обители (ханака), пограничные крепости (рибат), где была широко распространена благотворительность. В устав многих братств входили обязательные странноприимство и помощь бедным.

Помимо государственных фондов, связанных со сбором и распределением обязательных форм налогов, милостыни (садака), благотворительности и вакуфов, в исламских странах существуют частные благотворительные фонды¹⁸.

Используемая литература:

1. Али-Заде А. Исламский энциклопедический словарь. – М.: Издательство «Ансар», 2007.

2. Тор Андре. Исламские мистики. – СПб.: Издательство «Евразия», 2003.

18 Нередко такого рода фонды, такие, например, как «Аль Каеда» или «Хизб-ут-Тахрир» обвиняются в пособничестве терроризму, однако, даже если последнее в том или ином виде имело место, деятельность таковых противоречит как тексту Корана «кто убьёт человека не за убийство или распространение нечестия на земле, тот словно убил всех людей, а кто сохранит жизнь человеку, тот словно сохранит жизнь всем людям» (С5;32). Или: «Если же кто-либо убьёт верующего преднамеренно, то возмездием ему будет Геенна, в которой он пребудет вечно» (С4;93).

3. Журавский А.В. Ислам. – М.: Издательство «Весь мир», 2004.
4. Керимов Г.М. Шариат. Закон жизни мусульман. – М. Издательство «Леном», 1999.
5. Коран. Перевод смыслов. Э.Р. Кулиев. Издатель Эжаев, 2010.
6. Кулиев Э.Р. Закят и его место в исламе http://www.islamru.com/haber_detay.asp?haberID=115
7. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. – М.: Издательство «Наука», 1986.
8. Шамиль Аляутдинов. Пост и закят. – М.: Фонд «Мир образования», 2003.
9. Шиммель А-М. Мир исламского мистицизма. – М.: «Энигма, Алтейа», 2000.

*Фонд христианского просвещения и милосердия
имени свт. Луки (Войно-Ясенецкого)*

Л.Н. Краснопевцев, А.Б. Костромин, Д.А. Садур

ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Верстка: Е.Н. Курникова

